ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

33

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА, 2008

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 33 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Печатный дом", 2008. — 316 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2008

От редакции

В воскресенье, 15 июня, на углу Дерибасовской и Преображенской можно было услышать попеременно праздничный перезвон колоколов главного православного Собора Одессы и зажигательные еврейские мелодии в исполнении виртуозов, приехавших в наш город из многих стран, чтобы показать свое искусство.

Так уж случилось, что совпали христианская Троица и Первый международный фестиваль клезмерской музыки. И это совпадение стало еще одним свидетельством подлинно интернационального духа, данью уважения наших земляков религиозным и культурным традициям многочисленных наций и народностей, создававших Южную Пальмиру двести с лишним лет назад и проживающих здесь сегодня.

По замыслу Одесского горсовета, Международного благотворительного фонда "Джойнт", Всемирного клуба одесситов, музыкальный фестиваль был посвящен памяти великого одессита, замечательного писателя с трагической судьбой Исаака Бабеля и должен был стать кульминацией многомесячной кампании по сбору средств на памятник ему.

Так и произошло. Под веселые и грустные, простодушные и лукавые песни на идиш и других языках еврейской диаспоры, под танцевальные заманушки на помост один за другим выходили одесситы, как говорится, разного чина, благосостояния, пола, возраста и этнической принадлежности. В узкую щель объемистой деревянной бочки легко скользили скромные ассигнации и с трудом протискивались внушительные конверты. Каждого встречала и провожала аплодисментами благодарная публика, которая, впрочем, и сама состояла из дарителей.

Члены редколлегии Альманаха, взошедши на помост для исполнения гражданского долга, с удовлетворением отметили, что с угла Дерибасовской и Преображенской хорошо просматривается и один из следующих, на котором Дерибасовская сошлась с Ришельевской, что и дало имя нашему изданию.

В Одессе нужно жить долго. И тогда продолжится семейная традиция. В свое время, в конце 19 века, наши прадеды вносили деньги на строительство памятника Александру Пушкину. А сегодня мы, их потомки, скинулись на памятник Исааку Бабелю в июньский день, когда в небе над Одессой то попеременно, то вместе звучали звон колоколов и еврейские мелодии...

Вот в таком городе мы с вами, уважаемые читатели, слава Богу, живем.

Елена ПОЛЕВЩИКОВА

"A Monsieur le Duc de Richelieu en Quarantaine"

На конверте значилось имя адресата: "Его Сиятельству Дюку де Ришелье в Карантин". "Автограф неизвестных писем герцогу от его любимого адъютанта И.А. Стемпковского", — подумала я, впервые увидев рукопись в бумагах фонда Ришелье в библиотеке Сорбонны. Однако некоторые упоминаемые здесь факты никак не могли иметь отношения к дюку, да и весьма свободная манера изложения подсказывала, что получатель писем был либо моложе Ивана Алексеевича, либо его ровесником. А проставленные даты и вовсе привели в замешательство: после смерти герцога (май 1822 г.) прошло уже несколько лет! Полагаю, что эти документы представляют интерес как свидетельства о близких Ришелье людях и содержат некоторые любопытные детали одесской жизни почти двухсотлетней давности, а потому заслуживают публикации в данном издании[1].

I.

Одесса, 16 сентября 1826

Мой дорогой герцог, я не нашел Вудстока[2] у книготорговца, а будучи антикваром, я не слишком в курсе новинок и, не решившись сделать самостоятельный выбор, предпочел послать вам Каталог кабинета для чтения[3], который вы найдете приложенным здесь же, с тем чтобы вы выбрали для себя что-либо подходящее.

Сообщите мне завтра, что вы желаете получить. Между тем в пакете, который посылаю вам, имеется небольшой запас книг: вы найдете здесь роман в трех томах, Очерк о черноморской торговле[4], Систему Макадама[5] и, наконец, два последних номера Петербургских ведомостей (Gazette de Petersbourg), где увидите ежедневное обозрение, о котором мы вам говорили. Г-н Мейффреди просит вас бережно обращаться с этими двумя номерами, которые мы должны возвратить: после того, как вы их прочитаете, и как только они пройдут положенную очистку, мы их завтра заберем.

Желаю вам, чтобы сегодняшняя небольшая посылка помогла скоротать время. Ради Бога, скажите нам откровенно, что вам может понадобиться, и не сомневайтесь в моей искренней и неизменной привязанности

Стемпковский.

II.

Одесса, 25 марта/6 апреля 1827

Я представляю себе, мой дорогой и любезный Герцог, что в этот час вы уже покинули варварские страны, которые отважились посетить и проходите наблюдательный карантин в каком-нибудь европейском порту, и что недалек тот час, когда вы будете иметь удовольствие обнять г-жу вашу матушку и всех ваших дорогих родственников. С нетерпением ожидая от вас скорых новостей о счастливом возвращении на родину, я направляю это письмо в Париж и льщу себя надеждой, что по приезде вы соблаговолите написать мне пару слов. Со времени [*получения*] *вашего любезного письма из Константинополя мы более не имели от вас вестей: затерялись ли ваши пакеты или же скорее всего, поспешность передвижения (что я в состоянии представить себе, сам испытав это) не предоставила вам времени написать нам? Как бы то ни было, вы оставили нас томиться в неопределенности, и соответственно, в беспокойстве. Приближение весны оживляет наши надежды получить вскоре от вас новости из Франции.*

Мы вместе с Мейффреди очень часто мысленно следовали за вами. Мягкость зимы в наших краях и почти непрерываемое затишье, царящее здесь на всем протяжении холодного времени года, побудили нас предположить, что вы почти не испытали бури на море, и вашему путешествию в Египет сопутствовала приятная погода. Что же до ветров, дующих с экватора, которые ощущались здесь довольно сильно и продолжаются до сих пор, то я надеюсь, что вам посчастливилось избежать их, вернувшись в Египет, прежде чем их воздействие стало ощутимым.

Должно быть, вы увидели много прекрасного, любопытного и интересного. Будучи любителем древностей, я не могу не позавидовать вашей участи. Привезли ли вы с собой какую-нибудь медаль, нашли ли какую-либо новую руину, скопировали ли неизвестную надпись? Позвольте стать соучастником вашей поездки, сообщая мне некоторые сведения по этому поводу.

Мы живем здесь совершенно так же, как и тогда, когда вы были с нами: Мейффреди в консульстве, в нетерпеливом ежедневном ожидании г-на Шалле, который уже написал из Брод; а я в моем небольшом эрмитаже[6]*. Все, кто имел здесь удовольствие познакомиться с вами, постоянно расспрашивают нас о ваших новостях, все вспоминают вас с самым живым интересом и желают, чтобы вы еще раз вернулись в эти края. Поскольку и у нас теплится такая надежда, нужно, чтобы вы сдержали свое слово. Будьте уверены, что вы доставите огромное удовольствие, и* [*притом*]

*многим, особенно двум отшельникам (*подчеркнуто в тексте. — **Е. П.***), чьи чувства вам хорошо известны.*

Мейффреди, как всегда, ленится писать, но также собирается бросить вам письмо, а пока поручает мне донести до вас свои чувства. Мы оба просим вас нежно поцеловать за нас нашего дорогого и доброго г-на Армана и дружески напомнить о нас. Поверьте, мой дражайший герцог, что чувство привязанности, которое я испытал к вам, сохранится неизменным на протяжении всей моей жизни.

Ж. Стемпковский

Чуть не забыл сказать вам, что г-н Сикар передал нам 120 р. для оплаты мелких долгов, оставленных здесь вами, что и было в точности исполнено.

* * *

Первоначальное недоумение, вызванное датировкой писем, рассеялось в ходе дальнейшего знакомства с богатейшим фондом Ришелье, в 1932 г. завещанным библиотеке Виктора Кузена в Сорбонне. Здесь отложились многочисленные бумаги не только дюка, но и его ближайших родственников, в первую очередь — сестер по отцу: Армандины (в замужестве маркизы де Монкальм) и Симплиции (маркизы де Жюмилак), а также старшего сына последней — Одэ. Именно он унаследовал титул герцога Ришелье после смерти своего незабвенного дяди. Ему-то и были адресованы вышеприведенные письма.

Арман Франсуа Одэ де Жюмилак (Armand François Odet de Jumilhac) родился 19 декабря 1804 г. После прохождения курса в знаменитой военной школе в Сен-Сире с юных лет находился на военной службе. В возрасте двадцати лет был награжден орденом Почетного легиона за заслуги перед монархом и государством, что, конечно же, нельзя не рассматривать как дань уважения покойному премьер-министру. Племянник же, как следует из документов, то и дело брал отпуск от службы и продлевал его на длительные сроки...

В апреле 1826 г., продлив очередной отпуск на год "*с целью путешествия без сохранения жалованья*", младший лейтенант 6-го гусарского полка, расквартированного в Париже, отправился в путь. Очевидно, маршрут вояжа обсуждался в семье и изначально предусматривал посещение Одессы и Крыма. 11 октября 1826 г. маркиза де Жюмилак признавалась сыну: "*Я с нетерпением жду новостей о твоем прибытии в Одессу, мне любопытно знать, как тебя там примут...*". Не скрывала своего волнения и Арманди-

на де Монкальм. Она писала племяннику: "*...я бы очень хотела следовать за тобой в Одессу и насладиться любовью и уважением, с которыми там по-прежнему относятся к памяти моего бедного брата. Этот культ адресуется его добродетелям еще более, чем его талантам, и мне было бы отрадно быть его свидетелем*"[7].

Одэ оставался в Одессе чуть менее двух месяцев, после чего отправился в Крым. В письме, отправленном из Константинополя 14 ноября 1826 г., он поделился с тетей своими впечатлениями. Приведем фрагмент, представляющий наибольший интерес: "*Я покинул Одессу несколько дней назад, чтобы продолжить мой большой вояж, весьма растроганный тем, как меня приняли несколько прежних друзей моего дяди, среди прочих г-н Сикар любезно предоставил мне свою рукопись, которая меня очень заинтересовала, и которую он пообещал мне выслать немного позже этой весной,* [*поскольку*] *некоторые письма и заметки, которые он находит возможным добавить после смерти императора Александра, требуют дополнительной работы, которая не может быть завершена вплоть до того времени. Г-н Сикар — почти единственный, кто* [...] *отдает должное моему дяде в городе, где он принес столько пользы и который без него не существовал бы. Скоро вы увидите в Париже его преемника в Одесской губернии, с которым, думаю, вы уже знакомы. Несмотря на то, что г-н Воронцов и мог испытывать профессиональную ревность, он — один из тех, кто смог лучше всех оценить его* (то есть Ришелье. — **Е. П.**) *и оценит еще более. Я надеюсь, что вы увидитесь с ним, так же, как и с его женой, они оба были чрезвычайно добры ко мне, и они весьма уважаемы в России*".

Продолжив путешествие, молодой Ришелье посетил Иерусалим, Александрию, где весной 1827 г. был посвящен в масоны, а затем из Смирны (Измира) направился в Европу. Он прожил довольно долгую по меркам того времени жизнь и умер 24 февраля 1879 г., не оставив потомства. Герцогский титул ненадолго перешел к его племяннику Арману (1847-1880), после чего новым герцогом Ришелье стал сын последнего Арман (1875-1952), также не оставивший наследников. Линия рода пресеклась.

* * *

Остается добавить несколько слов о персонажах, фигурирующих в приведенных письмах. Полагаю, что ни их автор — И.А. Стемпковский, ни чета Воронцовых, ни Шарль Сикар не нуждаются в представлении читателям альманаха[8]. Рукопись последнего, о которой идет речь в переписке ("Записка об одиннадцати годах жизни герцога де Ришелье в Одессе..."),

до сих пор находится в названном мною фонде. В конце XIX в. она была опубликована, и с тех пор хорошо известна исследователям как блестящий источник по ранней истории Одессы, являя собой один из примеров самой безудержной апологетики правления дюка[9]. Чаще других упоминается близкий друг Ивана Алексеевича — уроженец Марселя Жозеф-Филипп Мейффреди (род. В 1793 г.) (см. о нем также в письмах Стемпковского другому своему корреспонденту и еще одному адъютанту герцога — графу Рошешуару)[10]. Как и автор писем, Мейффреди с юных лет почитал Ришелье своим благодетелем, после смерти которого он решил покинуть Францию, уехав в Россию. В мае 1822 г. назначен представителем консульства (agent consulaire) Феодосии. В 1825 — мае 1827 г. находился в Одессе, чтобы руководить делами консульства в отсутствие консула Шалле. Просился в Таганрог, но благодаря протекции барона де Дама впоследствии (осенью 1828 г.) назначен вице-консулом в Ригу, где через три года получил место консула. Отличался, впрочем, редкой нерадивостью по службе.

Андре-Адольф Шалле (род. в Париже в 1787 г.) прибыл в Одессу в 1817 г., где первоначально был управляющим делами в консульстве. С 1821 г. вплоть до своей отставки осенью 1846 г. (с небольшим перерывом) занимал должность консула в нашем городе. Известен своим участием в масонской ложе "Понт Эвксинский". В отличие от своего подчиненного Мейффреди, Шалле столь успешно справлялся со своими обязанностями, что, получив известие о его отставке, "*французские подданные, обосновавшиеся в Одессе*", немедленно подали петицию Луи-Филиппу с просьбой не удалять консула из города, где он провел более четверти века с пользой как для местной французской колонии, так и для русско-французских отношений в целом[11].

Что касается "*дорогого и доброго господина Армана*", о нем, к сожалению, известно совсем немного. Один из представителей французской эмиграции, проживавший в Одессе во времена Ришелье, он, очевидно, был близок к герцогу и его сестрам, поскольку неоднократно упоминается в фамильной переписке.

Итак, вопреки ожиданиям, царившим в семье Ришелье, прибыв на берега Черного моря через двенадцать лет после того, как их покинул дюк, его племянник не заметил в Одессе особых признаков "культа" своего дяди. Но если бы Одэ немного отложил этот визит, он бы увез с собой иное впечатление об "исторической памяти" одесситов: как известно, 22 апреля 1828 г. был открыт памятник, с воодушевлением воспринятый местными жителями и "материализовавший" один из самых устойчивых мифов в истории города.

Примечания

[1] Bibliothèque Victor Cousin de la Sorbonne. La famille de Jumilhac. Duc de Richelieu. VIII. Autographes, f. 243-246. Перевод с французского автора статьи.

[2] Название этой "книжной новинки" установить не удалось.

[3] Возможно, речь идет о кабинете для чтения Марка и Альфонса Коллен, отца и сына, однако каталог кабинета, который был бы издан в 1820-х гг., неизвестен.

[4] Очевидно, "Исторический очерк торговли и плавании на Черном море..." (Париж, 1805) "пионера" черноморской торговли А.-И. Антуана, барона де Сен-Жозефа (Antoine de Saint-Joseph A.-I. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire... — Paris, 1805).

[5] Имеются в виду "Замечания о настоящей системе строительства дорог..." Дж.Л. Макадама (McAdam J.L. Remarks on the present system of road making... — 2nd ed. — Bristol, 1819).

[6] В 1826 г. полковник Стемпковский был вынужден по болезни оставить военную службу и до своего назначения градоначальником Керчи в 1828 г. проживал на даче в Водяной балке, подаренной ему Ришелье, которую Иван Алексеевич и называет своим "эрмитажем".

[7] "Было время, — продолжает мадам де Монкальм, — когда в какой-то момент я [сама] подумывала отправиться туда [...] обстоятельства распорядились иначе. Но я всегда буду признательна стране, которая сохранила память о том, кто меня так любил и о ком я всегда буду скорбеть [...]". Действительно, в течение 1805 г. возможность переезда в Одессу маркизы Монкальм, чей брак оказался крайне неудачным, живо обсуждалась в ее переписке с братом, который тешил себя надеждой, что любимая сестра скрасит его жизнь в Одессе.

[8] См., например: Решетов Сергей. Французский негоциант Карл Яковлевич Сикар и его внебрачное потомство. // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.). — Одесса, 2004. — Кн. 19. — С. 28-35.

[9] Sicard Ch. Notice sur onze années de la vie du Duc de Richelieu a Odessa pour servir à l'histoire de sa vie. // Сборник Имп. Русского исторического общества. — Т. 54: Герцог Арманд Эммануил Ришелье. Документы и бумаги его жизни и деятельности, 1766-1822. — СПб., 1886. — С. 25-79.

[10] См. Полевщикова Е.В., Третьяк А.И. Письма полковника Стемпковского генералу Рошешуару // Архіви. Документ. Історія. Сучасність. — Одеса, 2001. — С. 291-301.

[11] Сведения о Ж.-Ф.Мейффреди и А.-А. Шалле изложены в соответствии с данными, хранящимися в архиве МИД Франции.

Норма МАНН

Похищенная смерть

Князь Андрей уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

– Ребята, вперед! – крикнул по-детски пронзительно...

– Ура! – закричал князь Андрей, едва удерживая в руках тяжелое знамя. <...>

Князь Андрей с батальоном уже был в двадцати шагах от орудий. Он слышал над собою неперестававший свист пуль, и беспрестанно справа и слева от него охали и падали солдаты. Он не смотрел на них; он вглядывался только в то, что происходило впереди его – на батарее..."

"...Что это? Я падаю? У меня ноги подкашиваются, – подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидать, чем кончилась борьба французов с артиллеристами<...> Но он ничего не видал. <...> "Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, мы бежали, кричали и дрались..." <...> "Как же я не видал прежде этого высокого неба? <...> Ничего, ничего нет, кроме его".

Наполеон <...> остановился над князем Андреем, лежавшим навзничь с брошенным подле нею древком знамени (знамя уже как трофей было взято французами).

– Voilà une belle mort, – сказал Наполеон, глядя на Болконского.

<...> Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом...

Так ли думал двадцатитрехлетний флигель-адъютант Фердинанд (Федор) Тизенгаузен, роль которого в сражении при Аустерлице Лев Толстой передоверил Андрею Болконскому?

Неизвестно, сказал ли над ним Наполеон, как над князем Андреем, слова: "Какая прекрасная смерть!".

Лев Толстой авторской волей продлил жизнь своему любимому герою, дав дожить до Бородинской битвы. Прототип же его — штабс-капитан инженерных войск флигель-адъютант Фердинанд Тизенгаузен — три дня умирал мучительно в доме у кузнеца Антонина Хмеля в соседнем селе Сильнична (сейчас Славков, Чехия).

О чем же он думал, внук эстляндского ландрата, российского статского советника, возведенного в графское достоинство Римской империи, сын действительного тайного советника Ивана Андреевича (Иоганн-Отто) Тизенгаузена, управляющего в 1799 году Кабинетом е. и. в. императора Павла? Должно быть, он думал о своей молодой жене Элизе — Елизавете Михайловне Кутузовой? Или о крохотных дочерях — четырехлетней Екатерине и младшей Дарье, которой к моменту Аустерлица не было

и двух лет? Или о матери, о родительском доме близ Ревеля? А может, о тесте, фельдмаршале Кутузове, и о том, как он поднял солдат в последнюю атаку? Наверняка он что-то говорил в бреду, но никого из близких рядом не было, только кузнец, жена кузнеца и слуга. И вокруг много раненых...

Фердинанд Тизенгаузен скончался в ночь на 10 декабря 1805 года.

Двадцатилетняя Елизавета Михайловна отправилась в армию за мужем, оставив детей у бабушки Тизенгаузен. Во время битвы при Аустерлице она находилась недалеко, в Тешене. Гибель мужа от нее скрывали. Она не слышала его последних слов...

Слуга наполнил соломой могилу, в которую опустили юного Федора-Фердинанда. Тело покрыли соломой и присыпали землей. Так прошло его временное погребение.

Через несколько недель, как только позволили военные действия, за телом приехали из России. Всем распоряжался офицер при орденах и в большом чине. Всех благодарил. Так передает людская память.

Прах Тизенгаузена перевезли на родину в Эстляндию и похоронили в алтаре Домского собора в Ревеле (Таллинн). На плите, под которой он покоится, высечено его имя. А на месте временного захоронения был установлен постамент с крестом.

Сражение близ Аустерлица на Праценских высотах впоследствии назвали "Битвой трех императоров". На небольшом пространстве сошлись: российская армия, возглавляемая Александром I, австрийская во главе с Францем II и французская — под командой Наполеона.

Академик Тарле битву 2 декабря 1805 года называет одной "из самых грандиозных по своему значению во всемирной истории". Результатом битвы стал распад Священной Римской империи немецких наций.

Вот как описывает это сражение военный историк Михайловский-Данилевский: "Громады французов валили на высоте с разных сторон. Кутузов понесся вперед и был ранен в щеку... <...> Любимый зять Кутузова, флигель-адъютант граф Тизенгаузен со знаменем в руках повел вперед один расстроенный батальон и пал, пронзенный пулею насквозь".

Мы мало знаем о Фердинанде Тизенгаузене. Он погиб 23-х лет. Самое главное его деяние — смерть в бою с российским знаменем в руках.

Он не вел дневника, в треволнениях последующего времени не сохранилось (или пока не отыскалось) ни одного его письма, ни одного изображения — только барельеф на надгробии...

После смерти человека остаются потомки и память о его делах.

От переписки близких молодого Тизенгаузена, от воспоминаний тех, кто его знал, исходит грустное очарование любви...

"Любезный Фердинанд" — называл его Кутузов.

"Если бы быть у меня сыну, то не хотел бы иметь другого, как Фердинанд", — писал Кутузов дочери. Смерть Фердинанда была большим горем для него.

А двадцатилетняя вдова была близка к помешательству. Ее не оставляла мысль о самоубийстве. Она даже готовила старшую — четырехлетнюю! — дочь Катю к тому, что скоро уедет в далекое путешествие. Кутузов писал дочери: "Лизанька, решаюсь, наконец, тебя пожурить: ты <..> объявляешь о дальнем путешествии, которое намереваешься предпринять и которое все предпримем, но желать не смеем, тем более, когда имеем существа, привязывающие нас к жизни"... Из других писем: "Слышу, что ты поехала в Ревель. Жаль, душенька, что там будешь много плакать. (Под Ревелем жила мать Тизенгаузена с его детьми.) Сделаем так: без меня не плакать никогда, а только со мною вместе...".

"Лизанька, мой друг сердечный, у тебя детки маленькие. Я твой лучший друг и матушка. Побереги себя для них. Жаль очень, что я не могу с тобой сейчас свидеться. Я пойду с армией по другой дороге через Венгрию, куда тебе никак в теперешнее время доехать нельзя. (Вероятно, Елизавета Михайловна хотела посетить место первого захоронения своего мужа.) Поезжай скорее к своим деткам и к матушке". Матушка — Екатерина Ивановна Тизенгаузен.

Жизнь в северной эстляндской деревне, в имении, вели скромную, наполненную трудами. Дети получали хорошее домашнее образование. Их в доме у бабушки было трое. Здесь жила дочь брата Фердинанда кузина Адель — Аделаида Павловна Тизенгаузен-Штакельберг.

Девочки были трудолюбивы, много читали. Хорошо знали французский и немецкий языки. Бабушка Тизенгаузен отдавала им все свое время.

Образованность и простота впоследствии создали предпосылки к их достойному положению в обществе как в России, так и в Европе.

В 1811 году Елизавета Михайловна выходит вторично замуж — за генерал-майора Николая Хитрово. Особой симпатии у Кутузова новый зять не вызывает. Он отзывается о нем скептически. Называет его в письмах "молодой человек". (Хитрово было тогда 40 лет.) Впрочем, — "статный,

немножко хилый, очень умный и порядочный". Так это и было. Просто Хитрово не мог заменить ему Фердинанда. В Отечественной войне по слабости здоровья Хитрово не участвовал. Не без иронии Кутузов писал дочери: "Что поделывает Хитров, с его несчастным здоровьем?". Однако во многих воспоминаниях Хитрово предстает обаятельным и неглупым человеком. Князь Вяземский называл его добрым малым и хорошим товарищем. Хитрово, по воспоминаниям современников, был хорошим отцом детям Тизенгаузена.

Жизнь налаживается. Но беды не оставляют семью в покое. В 1813 году в "битве народов" под Лейпцигом погибает кузен Фердинанда — офицер гвардии двадцатилетний Карл Тизенгаузен. Вскоре умирает Кутузов.

В 1815 году Николай Хитрово получил должность российского поверенного в делах при герцоге Тосканском. Семья поселилась во Флоренции. Во флорентийской — русской и нерусской — колонии, в доме Хитрово устраивались литературные чтения, ставились домашние спектакли, бывали балы. Во Флоренции в это время было много русских. Кто-то жил постоянно, кто-то наезжал погостить — обергофмаршал Нарышкин с дочерью, адмирал Чичагов, московский богач Лунин, отец будущего декабриста, с большой семьей. (Пути семейств Луниных и Тизенгаузенов еще переплетутся, но не в Европе, а в сибирской ссылке, где будут отбывать наказание Михаил Лунин и Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Тизенгаузен, полковник, участник трех войн, член Южного тайного общества.)

А пока во Флоренции все спокойно. Елизавета Михайловна — душа общества. Она умела собирать вокруг себя достойных людей во Флоренции, Неаполе, Петербурге. Существует свидетельство, что флорентийский салон Хитрово в 1816 году посетила м-м де Сталь. По воспоминаниям очевидца: "Его (Хитрово) жена скорее некрасива, чем красива, но она романтически настроена, не мажется, в моде, хорошо играет трагедию и горюет о своем первом муже, покойном графе Тизенгаузене <...> а также о своем славном старике-отце Кутузове".

Во Флоренции дочери Тизенгаузена пополнили свое образование, много читали. Долли выучила во Флоренции еще два языка — английский и итальянский. Сестры подрастали. В числе их подруг были знатные образованные аристократки, среди них дочь Адама Чарторыйского, министра иностранных дел России, наследная принцесса — дочь герцога — Анна-Каролина (Нанни). Сестры вели себя в этом кругу запросто и с достоинством. И не любили посещать дома, в которых на первом месте была чопорность и подчиненность жестким правилам этикета.

В марте 1817 года граф Хитрово получает "ошеломляющее известие" (из воспоминаний) о том, что его место при тосканском дворе упразднено, и что ему назначается небольшая пенсия, но при условии, чтобы жить в Тоскане.

С расстроенностыо дел обострились болезни. По воспоминаниям, генерал Хитрово переносил несчастья с мужеством. Через два года, в марте 1819 г., он умер. После смерти Хитрово семья осталась почти без денег и при долгах. Они жили на скромные средства, которые им присылали из России родственники. Правительство Александра I долго не давало Елизавете Михайловне возможности возвратиться с дочерьми в Россию. Вероятно, здесь сыграла роль личная неприязнь царя к Кутузову. Как указывают современники, "скрепя сердце" царь публично обнял его по окончании войны 1812 года, дал высшую награду — орден Святого Георгия I степени, но при этом писал графу Салтыкову: "Слава Богу, у нас все хорошо, но несколько трудно выжить отсюда фельдмаршала, что весьма необходимо". (Пушкин точен: "Властитель слабый и лукавый".)

Несмотря на затруднительные обстоятельства, семья Тизенгаузен-Хитрово была часто приглашаема в лучшие дома Европы. Среди личных друзей оставались герцог Леопольд Саксен-Кобургский, впоследствии бельгийский король, прусский король Фридрих-Вильгельм III (это он назвал юную Долли "Сивиллой Флорентийской" за ее провидческий дар, о чем будет еще сказано).

Друзьями остались и многие из посетителей ее салона.

Елизавета Михайловна не могла иметь влияния на политическую жизнь, на карьеры. Ее достоянием были чистосердечие, искренность, образованность и обаяние всей семьи. Правда, в обществе бродили и злоязычные мнения. Из одного письма в Россию: "Госпожа Хитрово имеет вид <...> торгаша, который ездит по всем ярмаркам, чтобы за хорошую цену продать свой товар, который заключается в двух прелестных дочерях". Оставим эти слова на совести писавшего. Возможно, в этом

и была доля правды, потому что какой же матери не хочется пристроить своих дочерей? Но доподлинно известно, что прусский король Фридрих-Вильгельм III был влюблен в Екатерину Тизенгаузен. В мемуарной литературе есть ряд намеков на бурный роман, и что король был готов на ней жениться. Елизавета Михайловна не дала на это согласия, заявив, что внучке Кутузова не подобает вступать в морганатический брак.

А Долли в 1821 году в неполных 17 лет вышла замуж за посланника Австрии при короле обеих Сицилий графа Шарля-Луи Фикельмона, выходца из Франции. Его род, как и род Тизенгаузенов, происходил от крестоносцев. Как и Тизенгаузены, Фикельмоны были знатны, но не богаты. Как дед и отец, Шарль-Луи, оставаясь французским подданным, служил в Австрии. В те времена подобное случалось часто. В 15 лет он поступил в драгунский полк, со временем стал кавалерийским начальником, потом дипломатом, а к старости политическим писателем. Разница в годах у Долли и Шарля-Луи составляла 27 лет. Он был на шесть лет старше матери своей жены. (Для заключения брака католика Фикельмона с православной Дарьей Федоровной Тизенгаузен потребовалось разрешение римского папы. Этот документ хранится в семейном архиве потомков в Дечине.)

Несмотря на столь большую разницу в возрасте, брак был счастливым. Он продлился 36 лет. Когда Фикельмон уезжал по служебным делам, Долли очень тосковала: "Его отъезд — это всегда траурный и скорбный день для меня. В течение всей моей жизни я чувствую пустоту, когда Фикельмона здесь нет. Я вдвойне избалована его заботами обо мне, прелестью его близости, такой нежной, доброй и такой умной" (запись в дневнике 3.8.1832 г.).

Из письма Фикельмона бабушке Кутузовой: "Я очень счастлив, что снова увижу Долли, она прекрасна, как никогда; это ангел красоты и доброты... <...> Очень рад, что снова соединюсь <...> с лучшим и прелестнейшим существом на свете; разлучаться с ней — это самое большое огорчение, которое я могу испытать, а вновь с ней увидеться — самое большое счастье...

Первые годы замужества Долли счастливо прожила с сестрой и матерью в Неаполе. В 1822 году они стали собираться в гости, в Россию, но поездка сорвалась из-за болезни Екатерины. Она состоялась в следующем, 1823 году.

Сначала они прибыли на пироскафе в Ревель, где встретились с любимой бабушкой Тизенгаузен, тетками, кузинами. Наверняка они посетили

Домский собор и поклонились праху мужа и отца, прочли надпись: "Здесь покоится флигель-адъютант его величества императора всероссийского граф Фердинанд фон Тизенгаузен, кавалер орденов Марии-Терезии и Св. Анны. Он умер смертью героя от ранений, полученных накануне под Аустерлицем 1805" (надпись — по-немецки).

Потом Хитрово с дочерьми отправилась в Петербург, где их ожидала многочисленная родня во главе с бабушкой Екатериной Ильиничной Голенищевой-Кутузовой-Смоленской. (Как и Елизавета Михайловна, ее мать предпочитала именоваться полной фамилией полководца.)

Многочисленные смотрины утомляли сестер. 15 июня Долли пишет мужу, что все их дни проходят в "показах то одному, то другому, точно мы любопытные звери. Иногда меня возмущает эта манера демонстрировать меня, как будто я занимательное четвероногое". Вспомним:

И вот по родственным обедам
Развозят Таню каждый день,
Представить бабушкам и дедам
Ее доверчивую лень.

Знакомство с Пушкиным еще впереди, 7-я — "Московская" — глава "Онегина" не написана. Однако сходство ситуации налицо. Нетрудно вообразить, что сравнение уездной барышни с европейскими красавицами, вращавшимися в самом изысканном обществе, было бы не в пользу "бедной Тани". Сестры Тизенгаузен воплощали изыск, доведенный до высшей простоты. Приведу выдержки из нескольких писем, адресованных Елизавете Михайловне и ее дочерям. Для интриги не сразу назову имя автора.

"...каким выражением мне следует воспользоваться, чтобы сообщить вам о том удовольствии, которое доставила мне наша первая встреча. <...> Я думаю, что вы сами прочли это на мне лучше, чем я смог бы вам выразить...

<...> Ожидаю с нетерпением счастья снова вас увидеть", 16 июня 1823 г.

"Я был очень обрадован, встретив вас <...> и что меня особенно очаровало, это свобода и естественность, которые никогда вас не покидают и еще более усиливают присущую вам обеим прелесть. <...> Желаю вам тихой и спокойной ночи после ваших дневных треволнений..."

"...Мне совершенно невозможно выйти, не вызвав, благодаря здешним наблюдателям, род с к а н д а л а, несмотря на мое крайнее желание вас повидать..."

Во многих письмах автор называет мать и дочерей Трио:

"...Я получил прелестное письмо Трио вчера..."

"Я покорно подчиняюсь упрекам и даже наказаниям, которые Трио соблаговолит на меня наложить. Прошу разрешения прийти, чтобы им подвергнуться сегодня, между одиннадцатью и двенадцатью часами, так как это единственное время, которым я могу располагать...

Я вошел бы во двор, если вы позволите.

Каменный остров. Понедельник вечером".

Это были выдержки из писем самодержца всероссийского — императора Александра I.

Первая встреча Александра с "Трио" состоялась 11 июня 1823 г. Вот что Долли писала об этом мужу: "<...> Он начал с того, что расцеловал маму <...> Он пробыл у нас два часа, неизменно разговорчивый, добрый и ласковый, и, как будто, он всю жизнь провел с нами. Екатерина и я, мы сейчас же попросили у него разрешения обращаться с ним как с частным лицом, что привело его в восхищение. Он повторил нам, по крайней мере, раз двадцать, чтобы мы не усваивали здешних привычек и оставались такими, как есть — без всякой искусственности. <...>

Словом, я нахожу его прелестным".

(Может, в этот раз Александр был искренен. На дворе стоял 1823 год, и царь многим говорил, что устал от власти.)

Мать и дочери были представлены императрице Елизавете и императрице-матери. Великая княгиня Александра — жена Николая — обращалась с Долли и Екатериной "как с сестрами".

Очарованный "Трио'' император сменил гнев на милость — назначил Елизавете Михайловне достаточную пенсию и наделил хорошими землями. Екатерина Тизенгаузен была пожалована фрейлиной, а 1832 году — камер-фрейлиной, и в этой должности оставалась до старости. Все складывается хорошо.

Но тут наступает 14 декабря. Близкий родственник — Тизенгаузен Василий Карлович, командир Полтавского пехотного полка, участнпк русско-шведской войны 1808-1809 годов, русско-турецкой войны 1810-1811 годов, участник Отечественной войны 1812 и заграничных походов 1813-1814 годов, член Южного тайного общества — осужден на каторгу и ссылку. (Он вернулся на родину, в Нарву, в 1853 году, и через два года умер.)

В 1829 году граф Фикельмон был назначен послом Австрии в Россию Посольство и семья посла обосновались в особняке на Дворцовой набережной, д. 4, построенном по проекту Кваренги в 1790 году. Поменяв несколько владельцев, дом был куплен Екатериной и сразу же подарен ею генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Салтыкову. Его потомки им

владели до января 1918 года, но в особняке не жили, а предпочитали его сдавать посольствам.

Вот запись в дневнике Дарьи Федоровны о первых впечатлениях от нового жилья: "С 12-го мы поселились в доме Салтыкова — он красив, обширен и приятен для житья... <...> у меня хорошее предчувствие, и я думаю, что полюблю свое новое жилище. Ничего столь не забавно, как устроиться на широкую ногу и с блеском, когда знаешь, что состояния нет, и если судьба лишит вас места, то жить придется более чем скромно. Это совсем как в театре! На сцене вы в королевском одеянии — потушите кинкеты, уйдете за кулисы, и вы, надев старый домашний халат, тихо поужинаете при свете сальных свечей! Но от этого мне постоянно хочется смеяться, и ничто меня так не забавляет, как мысль о том, что я играю на сцене собственной жизни".

Опасения Фикельмона, что Долли будет плохо в холодном и чопорном Петербурге, не оправдались. Сестры имели успех. А многим нравилась жизнерадостная и эксцентричная, но неизменно искренняя Елизавета Михайловна. В своих записных книжках друг Пушкина князь Петр Андреевич Вяземский назвал ее "незабвенной в петербургских преданиях". "Она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено; но в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь за себя неблагоприятных последствий, личных пожертвований..."

Дружба, возведенная в степень доблести, вполне выразилась в отношении Елизаветы Михайловны к Пушкину. Они познакомились в 1827 году. С этого времени и до конца жизни Пушкина она была ему верным другом, снабжала его европейскими новостями, нужными книгами, получаемыми с посольской почтой, которых в России было не достать. Это она, игнорируя приличия, на коленях стояла подле умирающего Пушкина.

Пушкин был частым посетителем вечеров в посольском особняке. Вяземский пишет о собраниях в салонах матери и дочери: "Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. <...> в двух этих салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры <...> и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. <...> А что всего лучше, эта всемирная изустная разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин.

Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость <...> свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах!". (Вяземский, "Записные книжки".)

В этом месте я прерву князя ради двух ремарок, только для того чтобы подтвердить его слова.

1. Долли и Вяземский, будучи близкими друзьями Пушкина, осудили его стихи "Клеветникам России", посвященные польскому восстанию 1830 г. В своем дневнике Долли называет царя Николая деспотом — за расправу над поляками.

2. Когда в 1836 году разразился в скандал по поводу "Философического письма" Чаадаева, австрийский посланник граф Фикельмон высказал в донесении своему правительству мнения, не совпадающие с российскими официальными. Он писал о "Письме": "Оно упало, как бомба, посреди русского тщеславия и тех начал религиозности и политического первенствования, к которым весьма склонны в столице". Из его подробного доклада видно, что Фикельмон читал и другие "Письма" Чаадаева, которые не были напечатаны.

Снова Вяземский: "Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок... <...> Не то, что в других обществах, в которых задирчиво и стеснительно господствует запретительная система <...> везде заставы и таможни".

Это был взгляд Вяземского, то есть извне. А вот оценки самой Дарьи Федоровны относительно "других обществ". Запись в тетради 1822-1825 годов: "Мы нуждаемся, без сомнения, в обществе <...> общество могло бы быть таким простым <...> но у нас так сильно тяготение к р а б с т в у <...> что мы ищем его повсюду!".

Из письма к Вяземскому от 12 декабря 1831 г. Двадцатисемилетняя "посольша" пишет: "<...> обществу нечего нас опасаться: оно тяготеет над нами, его глухое влияние так могуче, что оно немедленно перерабатывает нас в общую форму".

А вот что пишет Дарья Федоровна сестре 30 лет спустя: "Свет, надо сказать, это соединение низости и моральных ничтожеств, к которому проникаешься глубоким отвращением по мере того, как становишься старше".

Как видим, графиня Фикельмон, имея официальные светские обязанности, на протяжении многих лет не меняла своего отношения к высшему обществу. Как жена посла Долли должна была посещать большие приемы, устраивать балы в посольском доме. Мы уже знаем, что эти обязанности были ей в тягость. В своем салоне она принимала только тех, кого хотела

видеть: "<...> очень часто бывают маленькие вечера у мамы или у нас, я их очень люблю". В "маленькие вечера" допускался очень узкий родственно-дружеский круг: мать, сестры, Фикельмон, семья дяди Павла Ивановича Тизенгаузена и несколько близких друзей, Пушкин, Вяземский, Александр Тургенев. Есть свидетельства, что в 1831 году в доме посла происходил литературный вечер Пушкина.

По убеждению пушкиниста Раевского, особняк на Дворцовой набережной описан в "Пиковой даме". Рассказ Долли об итальянском импровизаторе лег в основу "Египетских ночей", и героиня наделена некоторыми чертами Дарьи Федоровны. Есть ее черты и в отрывке "Мы проводим вечер на даче...".

Итальянская пушкинистка Нина Каухчишвили, изучив архив Долли начала 20-х годов, сделала вывод, что Дарья Федоровна предпочитала серьезное чтение. В списке прочтенных ею книг Цицерон, Вергилий, Данте, Петрарка, Гете, Шиллер, Мильтон, Ларошфуко, Гюго, Шатобриан, Гофман, Ламартин, м-м де Сталь и много других авторов.

Эрудиция сама по себе тоже капитал. Под влиянием Фикельмона у Долли постепенно развивалась историческая проницательность. Два важнейших политических события 1830 года: польское восстание (оценка Дарьи Федоровны действий российского правительства изложена выше) и второе — июльская революция во Франции.

Из дневника Долли, 15 августа 1830 года: "В течение двух недель нет иных разговоров, иных мыслей, как о французской революции <...> избрание Филиппа I так скоро последовало за отречением Карла V, что не было времени поразмыслить; во время этих огромных событий народ Парижа показал себя настолько просвещенным, таким полным единой воли, храбрости и мудрости, что им можно лишь восхищаться". (Посольская почта приходила по дипломатическим каналам. Фикельмоны раньше других получали информацию.)

6 ноября: "Общество все еще объято смертельной тоской <...> наши вторники и пятницы проходят очень хорошо, но разговоры постоянно весьма серьезные: европейские события не таковы, чтоб веселить умы <...> последствия, которые они могут иметь для всей Европы, вот что вызывает трепет. <...> Мы, возможно, накануне какого-то насильственного перелома, который невозможно предвидеть, но который представляется неизбежным, когда наблюдаешь брожение, вид помешательства, овладевший всеми умами <...> ужасное распутство ума, своевольство идей, моральное бесчинство <...> демон гордости овладел человеком".

Она немного ошиблась во времени, но пророчество сбылось...

К моменту переселения Пушкина с молодой женой в северную столицу у него были вполне сложившиеся дружественные отношения с домом Фикельмон-Хитрово-Тизенгаузен. Из первых визитов молодоженов были посещения салонов на Дворцовой набережной. Вот что описывает Дарья Федоровна в дневнике 25 октября 1831 г.: "Г-жа Пушкина, жена поэта, здесь впервые явилась в свете. Она очень красива, и во всем ее облике есть что-то поэтическое — ее стан великолепен <...> в ее лице есть что-то кроткое и утонченное <...> Что до него, то он перестает быть поэтом в ее присутствии: мне показалось, что он вчера испытывал все мелкие ощущения, все возбуждение и волнение, как муж, желающий, чтобы его жена имела успех в свете".

21 ноября: "Самой красивой вчера была <...> Пушкина, которую мы прозвали поэтической, как из-за мужа, так и из-за ее небесной и несравненной красоты. Это образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием". ("Чистейшей прелести чистейший образец..." Вряд ли Долли к этому времени прочла "Мадонну".)

12 ноября: "Поэтическая красота г-жи Пушкиной проникает до самого сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике — эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена! Она носит на челе печать страдания. Сейчас ей все улыбается, она совершенно счастлива, и жизнь открывается перед ней такая блестящая и радостная, а между тем голова ее склоняется, и весь облик как будто говорит: "Я страдаю". Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!" (Дар Сивиллы не утрачен!)

15 страниц дневника Дарьи Федоровны посвящены дуэли и смерти Пушкина. "29 января 1837. Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот прекрасный талант, полный творческого духа и силы! И какая печальная и мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, сияющий светоч, которому как будто предназначено было все сильнее и сильнее освещать все, что его окружало, и который, казалось, имел перед собой еще долгие годы! Александр Пушкин <...> пять лет тому назад вступил в брак, женившись на Наталье Гончаровой, совсем юной, без состояния и необыкновенно красивой. <...> она с самого начала заняла в свете место, подобавшее такой неоспоримой красавице. <...> Она веселилась от души и без всякого кокетства, пока один француз по фамилии Дантес, кавалергардский офицер, усыновленный голландским посланником Геккерном, не начал за ней ухаживать. <...>

Вскоре Дантес, забывая всякую деликатность благоразумного человека, вопреки всем светским приличиям, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине. Казалось при этом, что она бледнеет и краснеет под его взглядами, но было очевидно, что она совершенно потеряла способность обуздывать этого человека, и он был решителен в намерении довести ее до крайности. Пушкин тогда совершил большую ошибку, разрешая своей молодой и очень красивой жене выезжать в свет без него. Его доверие к ней было безгранично, тем более что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса — большая и ужасная неосторожность!".

Ситуация обострилась в связи с получением Пушкиным известного пасквиля. "Пушкин, глубоко оскорбленный, понял, что как бы он лично ни был уверен и убежден в невинности своей жены, она была виновна в глазах общества, в особенности того общества, которому его имя дорого и ценно. Большой свет видел все и мог считать, что само поведение Дантеса было верным доказательством невинности г-жи Пушкиной, но десяток других петербургских кругов, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее каменья. <...> Агония продолжалась 36 часов. В течение этих ужасных часов он ни на минуту не терял сознания. Его ум оставался светлым, ясным, спокойным. <...> К тому же все, что он сказал своей жене, было ласково, нежно, утешительно. <...> Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние. <...> Но какая бы женщина посмела бы осудить госпожу Пушкину? Ни одна, потому что все мы находим удовольствие в том, чтобы нами восхищались <...> мы слишком часто бываем неосторожны и играем с сердцами в эту ужасную и безрасчетную игру! Мы видели, как эта роковая история начиналась среди нас, подобно стольким другим кокетствам, мы видели, как она росла, увеличивалась, становилась мрачнее <...> она должна была бы стать большим и сильным уроком несчастий <...> но кто бы воспользовался этим уроком? Никогда, напротив, петербургский свет не был так кокетлив, так легкомыслен, так неосторожен в гостиных, как в эту зиму!".

В конце 30-х годов Дарью Федоровну постоянно мучают головные боли. Диагноз — "ревматизм головы". Фикельмон берет отпуск и отправляет Долли с Елизаветой Михайловной сначала в Баден-Баден, потом в Геную. В Генуе Долли прощается с матерью, которая торопится в Россию, 3 мая (ст. ст.). Елизавета Михайловна, дочь Кутузова, скоропостижно умирает.

Из некролога: "...жестокая болезнь только что унесла ее в возрасте 56 лет, но еще полную жизни, здоровья и молодости духа".

Фикельмон снова просит отпуск, чтобы побыть с женой. Отпуск он получает, и следом — отставку. Сохранилось его прощальное письмо Екатерине Тизенгаузен: "Петербург, 20 июля 1840. Я пишу вам, дорогой друг, в тревожный и волнующий для меня момент <...> Через час я уезжаю, и мое сердце полно вашей матерью, Долли и вами. Это трио, которое организовало мою жизнь и так долго составляло мое счастие, было разорвано, а остатки его разделены. Поэтому я с большой грустью в душе покидаю этот дом <...> Одна жизнь кончена, а я слишком немолод, чтобы начинать другую".

Отъезд был поспешен. В дом на Дворцовой набережной въехали другие постояльцы... Фикельмон некоторое время поработал в правительстве Меттерниха министром без портфеля. Но так как в Австрии усиливались антирусские настроения (а Фикельмона считали русофилом), он ушел из политики и стал писать книги.

Дочь Фикельмонов Елизавета-Александра в 1841 году — в 16 лет, как и мать, — вышла замуж за князя Эдмонда Кляри-и-Альдринген. Они поселились в родовом имении Кляри, в Теплице. Туда же к ним приезжали родители.

Большая политическая карьера Фикельмона возобновилась во время революции 1848 года. Как человек умеренных взглядов он вошел в состав Конституционного кабинета. На этом посту он продержался 45 дней. Уйти в отставку его вынудила демонстрация студентов, направленная против русской жены министра, против симпатии его к России.

15 апреля Долли писала сестре: "...я не в состоянии сказать, как я страдаю от этой ненависти ко всему русскому". Саму Долли в Венеции дважды арестовывала гражданская гвардия. Она с трудом вырвалась из города с дочерью, зятем и внуками на английском военном корабле. После этих потрясений Фикельмоны переехали в Теплиц, к дочери. Когда политические страсти улеглись, они совместно с Кляри покупают дворец в Венеции. Там в 1857 году умирает Шарль-Луи. Долли пережила мужа на четыре года — она умерла в Вене 10 апреля 1863 года...

Долгое время считалось, что обширная переписка семьи исчезла. В 80-х годах XIX века печатались воспоминания современников событий в пересказах первых пушкинистов, несколько разрозненных писем. В 1925 году в библиотеке бывшего особняка князей Юсуповых (Набережная Мойки, 94) была обнаружена тетрадь с письмами Пушкина к Елизавете Михайловне — большого формата в синей обложке, что говорит

о том, что ее берегли. Там же были найдены письма Елизаветы Михайловны к старшей дочери Екатерине.

(С тем, как попали письма к Юсуповым, возможно, связана семейная тайна. Когда Елизавета Михайловна с дочерью Екатериной в 1827 году окончательно вернулась в Россию, они привезли с собой воспитанника, сына некоей умершей графини. Мальчика звали Феликс Эльстон. В старости, когда Екатерина Федоровна осталась в России одна, он был ее утешением. Один из потомков Эльстона женился на последней княжне Юсуповой. И взял ее фамилию, чтобы род не угас. В результате появился на свет правнук Эльстона — князь Феликс Феликсович Юсупов, организатор и участник убийства Распутина. Но, как говорила м-м де Сталь, "в России все секрет, и ничего не тайна". В Алфавите российских дворянских родов в разделе "Тизенгаузен — графский" сказано: Екатерина (1801-1888) "умерла девицей, по слухам, имела внебрачного сына (Элъстон, Феликс Николаевич (1820-1877) от принца (!) Фридриха-Вильгельма-Людвига прусского". Так это или устойчивый слух, но перед нами еще один факт причастности потомков Фердинанда Тизенгаузена к российской истории.)

В 1927 году Пушкинский дом выпустил книгу, где находка в юсуповской библиотеке была исследована самыми авторитетными пушкинистами.

Дневники же Дарьи Федоровны в двух тетрадках и переписка семьи Фикельмон-Хитрово-Тизенгаузен сравнительно недавно — в конце 50-х, в 60-х годах — вошли в научный оборот. Они стали известны благодаря Николаю Алексеевичу Раевскому, который в 30-40-е годы жил эмигрантом в Чехии. Ему мы обязаны первым описанием замка в Бродянах, где до самой смерти жила баронесса Александра Николаевна Фризенгоф, родная сестра Натальи Николаевны Пушкиной. И его же нужно благодарить за приведенные выше страницы дневника Долли Фикельмон-Тизенгаузен о последних днях Пушкина.

Поиск был драматичен. По записным книжкам Вяземского Раевский знал, что единственная дочь Фикельмонов — правнучка Кутузова и внучка Тизенгаузена — была замужем за князем Кляри. Он чувствовал, что где-то — то ли в Чехии, то ли в Австрии — должны быть семейные архивы. По справочникам и по Готскому альманаху он разыскал потомка Кутузова и Тизенгаузена. Это был князь Альфонс Кляри-и-Альдринген. Он знал свою родословную в самых общих чертах и не знал, что образ его прапрапрадеда увековечил Толстой.

Так на оккупированной территории поднадзорный русский эмигрант увлек итальянско-австрийско-эстонско-русского князя начать поиски.

Дневника своего героического прапрадеда Тизенгаузена князь Альфонс не нашел, да и вряд ли вел тот дневник. Но в 1941-42 годах Раевский получил от князя в фотокопиях 15 страниц дневника Долли и неизвестное письмо к Долли Пушкина. В дальнейшем к работе над архивом Фикельмонов присоединилась чешская исследовательница Сильвия Островская и итальянская пушкинистка Нина Каухчишвили. С середины 60-х годов две тетради дневника Долли и другие документы Фикельмонов вошли в научный оборот.

Приблизившись немного к истории большой семьи Кутузовых-Фикельмонов-Хитрово-Тизенгаузенов, почувствовав атмосферу любви и долгой памяти, трудно поверить, что от Фердинанда ничего не осталось. Может быть, в архивах Эстонии когда-нибудь отыщется что-нибудь о "любезном Фердинанде", о его детстве, юности... Он не дожил до зрелости.

Графы Тизенгаузены — очень древний род. Справочная книга графских домов указывает, что их предки принимали участие в крестовых походах. Выходцы из Голштинии, они расселились в прибалтийских странах и везде оставили заметный след как военные, дипломаты или религиозные деятели. Прямые предки Фердинанда Ивановича Тизенгаузена осели в Эстляндии. Большинство из них состояло в российской военной или государственной службе. Служили достойно. Среди них есть члены Государственного совета, генералы, губернаторы, предводители дворянства, сенаторы, инженеры, тайные советники. Как указывает словарь российских родов, есть и ученый-востоковед, и узник Беломорканала...

Может быть, в какой-нибудь семье — в Эстонии или в России, Италии или в Австрии — найдется какая-нибудь его вещь — медальон, игрушка. Не бывает так, чтобы от человека ничего не осталось! А Лев Николаевич и имя отобрал, поскольку у него были другие виды на дальнейшую судьбу своего героя.

Есть барельеф (по описанию с третьих рук): "Он был красивым офицером с крупным лицом, очень правильными чертами лица. Крупный нос лица не портит. Принятая тогда пышная прическа с напуском на лоб

и александровские бачки делают Тизенгаузена значительно старше его 23 лет. Он выглядит в общем привлекательным и кажется энергичным человеком". Мы-то знаем, что памятники и официальные портреты обычно льстят, добавляя величия отошедшим... По нашим теперешним представлениям, 23 года — юношеский возраст. Доверимся Толстому: "Ура! Вперед! — крикнул он по-детски пронзительно". Толстой слышал о Фердинанде от своей тетки Толстой, другой дочери Кутузова.

ФРГ

Олег СИВИРИН

Забытые и неизвестные
Документально-художественный очерк

"...Но враг друзьями побежден,
Друзья ликуют, только он
На поле битвы позабыт,
Один лежит..."
А.А. Голенищев-Кутузов

"Военная тайна"

24 января 1987 года в областной газете "Комсомольская искра" под рубрикой "Мое мнение" было опубликовано обращение: "Сегодня я обращаюсь к делегатам областной комсомольской конференции с предложением: давайте пройдем Поясом Славы, местами боев, заглянем в балки и овраги, проверим засыпанные окопы. Не должно оставаться пропавших без вести. Установить имена защитников нашего края — наша с вами обязанность...".

Автор публикации — офицер УВД Виктор Михайлович Соколов, для которого поиск пропавших без вести солдат, погибших при обороне Одессы, стал делом всей жизни, и в этом исследовании он прошел путь от любознательного мальчишки с окраин поселка Котовского до научного руководителя Одесской историко-поисковой группы "Отечество".

Это сейчас кто-то говорит, мол, там, где начинается поселок Котовского, заканчивается Одесса. Летом-осенью 1941 года здесь Одесса начиналась. Здесь она и осталась, буквально на клеточном уровне, в дезоксирибонуклеиновой кислоте погибших защитников. Именно здесь, по территории, где позже построился жилмассив Котовского, в 1941 году через голую степь проходила передовая линия Восточного сектора обороны, левый фланг которого начинался с восточного берега Хаджибейского лимана и, проходя выдающимся на северо-восток полукругом, упирался в Черное море.

На всем протяжении боев за город Восточный сектор имел ключевое значение. Еще в начале августа 1941 года румынское командование планировало сходу войти в Одессу с северо-востока. Темпы продвижения частей 4-й румынской армии на этом направлении вначале вселяли военным такую уверенность: 7 августа противник занял районные центры Одесской области — Ивановку и Березовку, а 11 августа — Петровку, 12 августа — районный центр Коминтерновское, а 13 августа противнику удалось

прорваться к морскому побережью в районе Тилигульского лимана. За 6 суток дивизии противника с боями продвинулись на этом участке на 70 км. До Одессы, казалось, рукой подать...

С выходом противника к морскому побережью в район сел Чабанка — Фонтанка (Коминтерновский район) возникла еще одна критическая ситуация — угроза функционированию морского сообщения, единственной связи Одессы с "Большой землей" и без того действовавшей в чрезвычайных условиях постоянных авианалетов. С конца августа 1941-го года противник получил возможность вести артиллерийский обстрел города и порта, входящих и выходящих судов. В связи с этим удерживание рубежей правого фланга Восточного сектора обороны для Одесского оборонительного района (ООР) стало решающим. Что во многом объясняет выбор командования Черноморским флотом и Военным Советом ООР провести наступление (контрудар) 22 сентября 1941 года в Восточном секторе.

Еще можно напомнить, что в боях в Восточном секторе заслужили отвагой известность командир 1-го полка морской пехоты Яков Осипов, пулеметчица Нина Онилова и снайпер Людмила Павлюченко, служившие в 54-м Разинском полку 25-й Чапаевской дивизии.

Чтобы сегодня лучше осознать близость угрозы, нависшей над Одессой в 1941 году с северо-востока, стоит в ясную погоду с Приморского бульвара посмотреть на поселок Котовского. Для ориентира подойдут две полосатые трубы котельных, господствующие нал многоэтажками. От трубы, расположенной справа (котельная на ул. Паустовского. — **О. С.**), мысленно проведите линию к морю, вся полоска земли, которая оказалась правее трубы, с 24 августа по 21 сентября находилась под властью румынских военных. Просматриваемый — "кусочек Транснистрии".

Вот оттуда, куда вы можете смотреть каждый раз, бывая на Приморском бульваре, в 1941 году противник разглядывал виды непокоренного города: Потемкинскую лестницу, порт, Приморский бульвар... Оттуда же через море 25 августа прилетел первый артиллерийский снаряд, упавший на город и положивший начало методичному обстрелу Одессы. Только 15 сентября артиллерийским огнем в Одессе "было разрушено 17 зданий, возникло 5 пожаров".

Сильно заблуждались те авторы, которые еще в 1970-е годы, рассказывая о местах боев под Одессой, писали расхожее "нынче ничто не напоминает о проходивших здесь когда-то боях" и про "плуг земледельца, который сравнял противотанковые рвы, окопы и воронки от бомб и снарядов".

Большинству мальчишек, кому выпало родиться и жить на поселке

Котовского, неприкрытое наследие войны попадалось буквально на каждом шагу. Достаточно сказать, что "уголки боевой славы", находившиеся тогда в каждой средней школе, в основном, укомплектовывались экспонатами из "подножного материала", принесенного или с ближайшей лесопосадки, или из строительного котлована.

Поэтому и у автора этих строк, жившего на поселке Котовского, одно из сильных впечатлений школьного времени сохранилось от соприкосновения с настоящими местами боев обороны Одессы.

Мое свободное время, как и всякого советского школьника начала 80-х годов, родители и преподаватели старались максимально и содержательно заполнить, чтобы не оставалось времени и сил "на глупости" вроде игр на ближайшей стройке. Следуя их наставлениям и своим интересам, и способностям после школьных занятий, чередуясь по дням, меня ждали детская художественная школа № 2, кружок масштабного моделизма и что-то еще... Но мальчишки не были бы мальчишками, если бы не пытались нарушить границы замкнутого пространства. Так и наша школьная компания, образовавшаяся во втором классе, расширяла среду своего обитания на прилегающие к жилмассиву Котовского в районе ул. Заболотного поля. Каждый свободный день мы сломя голову бежали на несколько километров подальше от "цивилизации". Там в степи мы "исключали" сами себя из пионеров, пряча алые галстуки в карманы, ловили ящериц, собирали сухие желуди для каких-то поделок, выплавляли в консервной банке свинец на костре. Но самой главной, так сказать железной мотивацией непреодолимо притягивающей нас в степь, были лесопосадки, изрытые окопами, и поля, усеянные ржавым военным металлом. Там все было по-настоящему. Держа в руках ржавые части мин и снарядов, мы взахлеб рассказывали друг другу, часто привирая для значимости, о своих воевавших дедах и фантазировали о происходивших здесь боях. Нам виделись подбитые "Тигры" и "Пантеры", падающие бомбы, наступающие цепью с непременно закатанными рукавами фашисты. А "наши" обязательно подпустят врага поближе и в рукопашной схватке отобьют атаку. На возвышенностях мы "видели" доты и дзоты. Недостатков сюжетов для фантазии не было. Мы черпали их из фильмов про войну, в изобилии транслировавшихся по тогдашнему ТВ.

Обратно мы возвращались, как говорится, уставшие, но довольные, и, как правило, с богатыми трофеями. Карманы брюк школьной формы предательски обвисали под тяжестью латунных гильз, школьные портфели неестественно раздувались от потеснивших учебники ржавых осколков

и стабилизаторов от мин. Неприлежную картину внешнего вида следопыта завершала покрытая толстым слоем пыли обувь.

Поэтому наши вылазки не всегда оставались незамеченными, и часто становились предметом разбирательств — как дома, так и в школе. От этого складывалось впечатление, что одним таким самодеятельным походом мы одновременно нарушали все пункты правил учащихся, но кроме, разве что, правил дорожного движения и поведения на воде.

Но несмотря на все запреты, протоптанная тропинка не зарастала. Только там, на поле, на этом "подлиннике войны", можно было найти помятый алюминиевый котелок с неровно нацарапанными буквами фамилии: "Цуладзе", а через время в книге "73 героических дня" (Одесса, Маяк, 1978) на странице 198 встретить фамилию Цуладзе в числе других бойцов, подписавших одно из патриотических писем. Вот так всеми забытое мистическое зазеркалье битвы за город "разговаривало" с нами. А мы с ним, давая тематические названия каждому лоскутку, на первый взгляд, безликой земли. Вот, к примеру, лесопосадка справа называлась "морская", несколько небольших лесопосадок слева — "квадраты", лесопосадка в центре — "немецкая", лесопосадка, примыкающая к улице Ак. Заболотного, — "тыловая", линия обороны на поле — "линия Мажино". "Мостик" — это небольшой мостик в низине, "насыпь" — остатки насыпи, по которой проходила железнодорожная линия, ведущая на 21-ую береговую батарею.

Однажды, как всегда блуждая по своему полю, мы наткнулись на, беспорядочно разбросанные на пахоте кости. Вид их был какой-то необычный, что и заставило тогда остановиться и рассмотреть их поближе... Кто-то неожиданно воскликнул: "Это человеческие!"... Нет, такого не может быть — совсем не хотелось верить увиденному... Но торчащие из пахоты чуть в стороне ботинок и его обнажившееся содержимое проняло до ужаса, не оставив никаких сомнений в принадлежности найденных останков. "Кино про войну" закончилось. Печальная находка, конечно же, стала настоящим эмоциональным потрясением. Школьные годы тем и особенны, что в них все только начинается, формируется мировоззрение. Все мы родом из детства, цепкая память которого долго еще хранит какие-то наивные или серьезные переживания, и зачастую вольно или невольно определяет будущее.

А тогда помню, как по-другому стали восприниматься фильмы о войне, и долго еще не мог себя заставить есть такое блюдо, как холодец (во время приготовления которого всегда оставалось горка костей), и еще неинтересно стало присутствовать на "уроках мужества",

где о боях за Одессу не рассказывали, а все больше про биографии полководцев Великой Отечественной войны с обязательным переходом к политинформации дня сегодняшнего и нависшей угрозе третьей мировой войны.

Через несколько лет мой юношеский максимализм, требующий дать ответ на вопрос, почему солдаты лежат на полях, разбился о каменное безразличие взрослых. Как оказалось, наша "военная тайна" на самом деле — обычная вещь в этих местах. Поселок Котовского постоянно строился, при рытье котлованов для новостроек или траншей для коммуникаций часто находили останки как советских, так и румынских военных. Судьбу их на месте могла решить бригада рабочих: сообщать в военкомат или без шума присыпать где-то рядом. Да и по полям и лесопосадкам все послевоенные годы ходило множество людей. Людей с "повышенным вниманием": грибников, охотников, травников. Поля обрабатывались тракторами. К тому же, некоторые сельхозкультуры пропалывались вручную, естественно, вручную проводился сбор томатов, огурцов.... Не заметить разбросанных повсюду костей было просто невозможно...

Совсем как на декоративной деревянной работе, висевшей на стене в квартире одного моего школьного приятеля: три обезьянки очень по-человечески изображали: "ничего не вижу", "ничего не слышу" и "ничего не скажу".

"Жди меня… Всем смертям назло"

Несколько лет назад на мировые экраны вышел фильм "Спасти рядового Райана". Фабула фильма следующая: группа американских солдат выполняет приказ, больше похожий на миссию разыскать и спасти рядового солдата, чтобы вернуть его матери, единственного уцелевшего из всех братьев. Обычная голливудская история о приоритете ценности человеческой жизни в условиях войны.

Под Одессой в 41-м кровавый сценарий "писался" по живому, без дублей, где все герои были главные... Многим тогда не удалось остаться в живых. После окончания войны оставалось только искать и "спасать" из небытия мертвых. Ведь сказал же великий полководец А.В. Суворов: "Война не закончена, пока не похоронен последний солдат". Но кто сумеет разобраться в космическом жертвоисчислении Великой Отечественной войны и возложит на себя моральную ответственность за судьбу "без вести пропавшего" простого солдата?

Братская могила на берегу Куяльницкого лимана
Фото В.М. Соколова

Таким вот неравнодушным человеком, "довоевывающем" на передовой под Одессой более двух десятков лет, стал Виктор Михайлович Соколов.

В период с 1978 по 1983 годы В.М. Соколов установил имена 50 неизвестных воинов, погибших в обороне Одессы, разыскал в старых окопах и перезахоронил в две братские могилы останки сорока одного защитника города. На месте этих братских могил установил памятники.

Первая братская могила с останками двадцати восьми бойцов находится на плато левого берега Куяльницкого лимана, в 4 км севернее села Красноселка Коминтерновского района Одесской области. Вторая братская могила с останками тридцати бойцов находится в лесопосадке в 2 км северо-западнее станции Степовая (ж/д Одесса — Березовка).

Здесь нашли свой покой: командир взвода лейтенант Никитенко М.Г. 1921 г. р.; командир пулеметного взвода младший лейтенант Сосюра А.Я. 1917 г. р.; пулеметчик Морковин Н.Г. 1912 г. р.; красноармеец Силантьев С.Д. 1916 г. р.; красноармеец Горбачев С.М. 1908 г. р.; пулеметчик Адаменко И.С. 1906 г. р.; разведчик 54-го Разинского полка 25-й Чапаевской дивизии Голубовский В.А. 1914 г. р. и многие другие.

Братская могила в лесопосадке
Фото В.М. Соколова

Просто удивительно, как одному человеку удалось осилить такой объем работы. Наверное, этот тот самый случай, когда один в поле воин во всех смыслах. Ведь поисковая деятельность многоплановая и, кроме всего прочего, это большая исследовательская работа. Ее результаты сейчас хранит личный архив В.М. Соколова. Сотни писем с воспоминаниями участников обороны Одессы разделены по местам боев, полкам, дивизиям и аккуратно подшиты в дела. Каждое такое дело — это несколько лет кропотливого поиска: десятки запросов в адресные бюро во все уголки Советского Союза, в них фамилии, имена, отчества ветеранов, рядом подшиты их ответы, иногда подробные, реже короткие и настороженные. Шли годы, и важно было успеть установить, разыскать, опросить. Это хорошо видно из писем, где вместо уже тяжело больных ветеранов отвечали их жены, дети. Есть ответы, которые написаны вдовами...

В разные годы почтить память погибших на братские могилы приезжали дети, внуки и другие родственники Никитенко, Сосюры, Голубовского, Морковина, Силантьева.

С одним захоронением в братской могиле приключилась невероятная, почти киношная история. В конце 70-х годов Виктор Михайлович нашел

в старом окопе останки бойца с медальоном на имя Ивана Семеновича Воробьева и перезахоронил их в братскую могилу, написав фамилию Воробьева на обелиске. В переписке с однополчанами Воробьева выяснилось, что старший сержант 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии жив, и в настоящее время проживает в городе Днепропетровске. Оказывается, что 22 сентября 1941 года где-то в 10 часов утра Воробьев был тяжело ранен осколками разорвавшегося рядом снаряда. По-видимому, медальон Воробьева взял санитар или кто-то из похоронной команды, приняв окровавленного с тяжелыми ранами без сознания бойца за погибшего, и сам погиб.

Воробьев в сознание пришел в госпитале г. Ессентуки, где пролежал год и два месяца. К тому времени мать Воробьева получила на сына похоронный лист и в течение трех месяцев получала деньги как за погибшего. 21 октября 1983 года И.С. Воробьев приезжал в Одессу и вместе с В.М. Соколовым они побывали на братской могиле, где еще значилась фамилия "погибшего" Воробьева, возложили цветы павшим товарищам.

Воистину, и про военную судьбу Воробьева симоновские строки: "Жди меня, и я вернусь... всем смертям назло".

Вообще-то, инициатива поиска пропавших без вести солдат пришла снизу. Родоначальником поисково-исследовательского движения в СССР считается Сергей Сергеевич Смирнов. Он начал ездить по Союзу, разыскивать людей и собирать информацию, связанную с обороной Брестской крепости. Благодаря передачам С.С. Смирнова, шедшим в 1960-е годы на Всесоюзном радио, Брестская крепость, лежавшая до этого в развалинах, забытая всеми, стала известным местом и получила статус крепость-герой, а незаслуженно забытые ее защитники, прошедшие ужасы плена, получили признание своей стойкости.

В 1964 году Смирнов писал: "В истории Отечественной войны до сих пор много неизученных белых пятен, нераскрытых подвигов, неведомых героев, которые ждут своих разведчиков...".

"Вспомнить все..."

В 73-дневной обороне Одессы белым пятном или черным пятном до сих пор остается количество потерь, а также забытые и неизвестные захоронения защитников города.

Советская справочная и мемуарная литература, посвященная обороне Одессы, уточнения численности безвозвратных потерь в рядах Красной

Армии старалась всячески избегать. Но даже по тем выбранным данным, которые печатались или прочитывались между строк, можно было составить первичное представление о числе потерь, в частности, в Восточном секторе обороны.

11 августа 1941 года. Сильная атака пехоты и нескольких танков неприятеля на позиции 26-го полка НКВД. Убиты командир взвода, лейтенант Вахмянин, красноармейцы Худошин, Галибов, Илларионов. Потери понесли и другие подразделения полка.

21 августа. После штыковой атаки в 6-й стрелковой роте 2-го полка морской пехоты осталось 10-20 человек.

22 августа. Прибыло пополнение, 2 маршевые роты. Все 250 человек — шахтеры из Донбасса. Вооружить их было нечем. Это о них вспоминал в своей книге "Осажденная Одесса" член Военного совета И.И. Азаров: "На душе у меня был горький осадок: посылать людей в бой без винтовок. С одними гранатами...". После боя Осипов доложил: "...у них очень большие потери...".

23 августа: "Силы морских пехотинцев... истощены, в 1-м батальоне осталось в строю 40 человек, во 2-м — 80".

В этот же день была сделана запись в журнале боевых действий Приморской армии: "...обученные резервы исчерпаны полностью, необученных имеется 4000 человек...".

С 14 августа по 14 сентября 1941 года наши потери только ранеными 25000 человек, за 12 сентября только раненых 1900 человек.

Более детально о ходе боев и потерях в рядах защитников Одессы мы можем узнать из непосредственных свидетельств участников боев.

Из архива В.М. Соколова. Комиссар 54-го Разинского полка 25-й Чапаевской дивизии, старший политрук Ф.М. Мальцев: "...бои проходили почти ежедневно, кровопролитные бои велись Кубанка, хут. Шевченко, Потровского (два последних ныне не существует. — **О. С.**), хут. Ильичевский, Александровка, потери большие, сколько, боюсь точно сказать, я как комиссар после каждого боя в политдонесениях подробно освещал ходы боев и поименно о потерях двум политотделам: 25 СД и 421 СД, так как было двойное подчинение...

Большие потери полк понес в конце августа месяца в Восточном секторе, когда нужно во чтобы ни стало остановить 13-ю и 15-ю дивизии противника... после этих боев в ротах полка образовался недокомплект до семидесяти процентов". (Стиль и пунктуация в выдержках из писем здесь и далее сохранены. — **О. С.**)

Из архива В.М. Соколова. Помощник командира 1-го взвода 1-й роты 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии старший сержант И.С. Воробьев: "...На участке наступления 1-го батальона противник оказывал сильное сопротивление, вел интенсивный артиллерийско-минометный огонь. Батальон нес большие потери. Особенно большие потери понес батальон, когда прошел лесополосу, перед кукурузным полем. Много наших убитых и раненых бойцов лежало в лесополосе".

При личной встрече с В.М. Соколовым в 1982 году И.С. Воробьев вспомнил еще такой случай: "В атаке ранило одного из военнослужащих таджиков, их в полку было много. Было это на левом фланге 1-го батальона, в лощине, где рос лесок. Возле раненого собралось человек 10-15 солдат таджиков. В это время среди них разорвалась мина. Почти все погибли".

Данные о потерях естественным образом потребовали найти ответ и на вопрос о местах погребения погибших бойцов и командиров. Простое сопоставление известных мест, населенных пунктов, где в 1941 году проходили кровопролитные бои, и попытки найти захоронения в этих местах, озадачили еще больше.

Выяснилось, что известных захоронений, относящихся к боям в бывшем Восточном секторе обороне Одессы, считанные единицы, в которых погребены (в разных местах) несколько десятков человек. (Тут важно не путать с братскими могилами советских солдат, погибших в ходе боев в Одесской наступательной операции апреля 1944 года, и многочисленными монументами, установленными в селах с перечнем фамилий, являющимися мемориалами памяти уроженцев этих сел, погибших на разных фронтах в Великую Отечественную войну.)

Памятники Пояса Славы, возведенные по одной из линий обороны Одессы, в частности, в бывшем Восточном секторе, — это фиксация событий 1941 года, а не надгробные монументы. За исключением монумента в районе села Августовка Беляевского района Одесской области, где значатся похороненными более сотни бойцов 136-го запасного стрелкового полка. Но и тут неожиданно возникла какая-то нестыковка. Некоторые старожилы упорно настаивают на том, что настоящая братская могила этих воинов находится в нескольких десятках метров в стороне от официально назначенного места. Не обошлось и без приметы времени, в 90-е годы кто-то посбивал с монумента металлические буквы из надписи: "Вам, бессмертным ровесникам грядущего, стоявшим здесь насмерть". Также в 90-е годы кто-то отломил металлическую красную звезду на одном из монументов, который установил В.М. Соколов.

Снова обратимся к уникальному архиву В.М. Соколова. Старший политрук Ф.М. Мальцев: "Погибших командиров и красноармейцев хоронила команда музыкального взвода, на которую была возложена эта задача. Павших в боях за населенный пункт Гильдендорф (ныне с. Красноселка Коминтерновского района Одесской области. — **О. С.**), в том числе ст. лейтенанта Лаптева и уполномоченного ОО СМЕРШ Шуткина П.Т. похоронили в фруктовом садике на южной окраине Гильдендорфа".

Из архива В.М. Соколова. Командир химвзвода 716-го стрелкового полка 157 стрелковой дивизии младший лейтенант В. Волченко: "...Похоронили погибших и в братских могилах и в окопах в разных местах поля боя".

Большой удачей в поисковой работе считалось вместе с останками найти и медальон бойца с заполненным бланком-вкладышем. Идентификационный медальон был введен 15 марта 1941 года приказом народного комиссара обороны Союза ССР № 138. Медальон состоял из пластмассового пенала и бланка анкеты из пергаментной бумаги, куда заносились личные сведения о бойце: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства и адрес семьи. Медальон относился к табельным вещам и имелся у всех бойцов кадровых частей, оборонявших Одессу.

А как обстояло дело с обеспечением личными медальонами добровольцев — народных ополченцев, отрядов рабочей самообороны г. Одессы, численность которых, по самым скромным подсчетам, была не менее 30 тысяч человек? Была ли у Одесского оборонительного района возможность обеспечить медальонами всех ополченцев? Или им самим приходилось вопреки разным суевериям выцарапывать свою фамилию на флягах, котелках и ложках? Был ли у добровольцев хоть один шанс после гибели не превратиться в "неизвестного" прямо у стен родного города? На эти вопросы до сих пор нет однозначных ответов. Известно только то, что Одесса ежедневно давала пополнение фронту...

Уже первые бои под Одессой выявили острую нехватку и людских ресурсов, и вооружения. На просьбу командования Приморской армии о незамедлительной помощи, Ставка Верховного Главнокомандования отвечала: "Новых дивизий для Одессы выделено быть не может. Оружием будет оказана посильная помощь. При достатке сил и средств удерживать город — дело простое... здесь должно быть проявлено упорство, мужество и умение".

Требования командования были очевидны. Обстановка в первые месяцы войны по всему советско-германскому фронту складывалась катастрофически. 19 сентября 1941 года немецкие войска захватили Киев, еще раньше, 8 сентября, оказавшись в сухопутной блокаде, занял оборону Ле-

Солдатский медальон защитника Одессы
Из коллекции О. Сивирина

нинград, а в конце сентября немцы вплотную приблизились к Москве. Одесса сражалась в глубоком тылу.

В этой связи перед Военным советом ООР Ставка в числе прочих поставила задачу: "Мобилизовать и использовать все трудоспособное население для обороны города и района, создать запасные части. Изъять из базы, тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий и рядовой состав и использовать его в строю".

Несмотря на то, что основной контингент военнообязанных одесситов был мобилизован и отправлен на фронт еще в начале войны, Одесса продолжала пополнять ряды своих защитников. Только 5 августа на передовую ушло свыше 2000 добровольцев — народных ополченцев. В городе формировались отряды рабочей самообороны, по одному в каждом из 6 районов города, численность 3600 человек, в том числе 250 женщин. На предприятиях был готов резерв рабочей самообороны — 7600 человек.

Газета "Правда" 30 августа 1941 года писала об Одессе: "...Город ощетинился штыками. На площадях всюду много граждан, обучающихся военному делу. Под знамена истребительных батальонов и ополченческих дружин

собираются люди разных возрастов и разных профессий. Рядом с пожилым научным работником можно видеть юношу-подростка, рядом со слесарем из железнодорожных мастерских — бухгалтера в старомодном пенсне...".

Из архива В.М. Соколова. Старший политрук Ф.М. Мальцев: "...Первое пополнение мы получили добровольцев из рабочих заводов и фабрик города Одессы, направленных Одесским обкомом партии, причем среди них было много коммунистов и комсомольцев. Помню, на рассвете 19 августа из Лузановки пришло более 600 человек, мы с командиром полка принимали и распределяли по подразделениям полка, не забуду, беседуя с каждым добровольцем, я обнаружил одного полкового комиссара запаса, я долго его уговаривал на должность пропагандиста полка... к сожалению, не помню его фамилию, он категорически отказался и пошел в подразделение рядовым бойцом, через дней десять в одной из атак он геройски погиб.

Много пополнения мы получали из Ильичевского райкома партии, так как он тогда шефствовал над нашим Разинским полком, много раз руководство райкома партии с работницами приходили к нам прямо на передовые с подарками".

Когда я еще в первый раз читал это письмо, как-то врезалась фраза: "...на рассвете 19 августа из Лузановки...". Само собой мысленно выстроилось: Одесса — август — Лузановка. Да это же самый разгар курортного сезона! Лузановка — пляж моего детства. Лузановка — это всегда теплые воспоминания. Меня туда вез трамвай по маршруту № 7: остановка "10-я линия — Кишиневская — "Молодая Гвардия" — Лузановка". А там серебристый песок, ласковое море с гладким песчаным дном, мороженое, газировка из автомата, и вечные торговки — цыганки с самодельными конфетами и леденцами на палочке из жженого сахара...

Лузановский пляж и до войны был излюбленным местом отдыха для одесситов и гостей города. Вот и довоенные путеводители по Одессе подсказывают, что трамвай № 9 шел от улицы Краснова в Лузановку, по маршруту: "ул. Краснова — Ярмарочная площадь — дорога Котовского — ул. Лиманная — берег моря, Лузановка (пляж, солнечные ванны)". Начало движения в 04 часа 40 минут, стоимость билета — 15 копеек. Здесь же, в путеводителе, реклама призывала: "В интересах здоровья трудящихся требуйте везде натуральный "боржом", а воду "куяльницкого минерального источника" рекомендуют пить холодной".

Известно, что лето 1941 года выдалось жарким, и тем сложнее представить апокалиптическую пустоту Лузановского пляжа в разгар лета. С приближением фронта к городу Лузановка становится важным опор-

Вид Лузановского пляжа до войны
Открытка из коллекции О. Сивирина

ным пунктом тыла частей восточного сектора. Здесь дислоцировалась санчасть 54-го Разинского полка, рядом на территории пионерского лагеря "Украинский Артек" (ныне "Молодая Гвардия". — **О. С.**) — штаб 1-го полка морской пехоты, а также его тылы и санчасть.

Во время обороны Одессы продолжало функционировать трамвайное движение. Только поменялись пассажиры: на передовую доставлялись военные грузы, перевозились раненные бойцы. Трамвай иногда опаздывал. Один из известных эпизодов: когда на ул. Московской бомбардировкой было нарушено 120 метров сети и 10 метров трамвайного пути, и уже через два часа путейцы и монтеры восстановили движение.

В многознании — много печали. Сегодня Лузановка для меня — место контрастов. В дни годовщины боев за город невольно появляются иные пространственно-временные координаты. Прошлое догоняет настоящее: проезжая район Лузановки, всматриваюсь в окно словно в окно времени... По Николаевской дороге идут на передовую пешие колонны ополченцев. Среди них и те, кто прибыл с "Большой земли", и одесситы. Кто-то из последних, проходя мимо Лузановки, жадно вглядывается в знакомые места и вспоминает что-то свое, еще из довоенной жизни, теплое, как летний лузановский песок.

Но и на песчаном пляже тоже все изменилось. Днем и ночью там хозяйничают военные. Сотрудники НКВД охраняют побережье от возможного вражеского десанта, а еще здесь берут песчаную массу для строительства баррикад: орудуя совковыми лопатами, рабочие безжалостно уничтожают последние, где-нигде еще оставшиеся на песке следы беспечных июньских пляжников.

В дни годовщины боев за город не просто оставаться "политкорректным", в памяти всплывают и заводят лозунги тех дней: "Одесса была, есть и будет советской...", "Враг будет стерт с лица земли...". И у автобусного маршрута № 190 появляется сакральное значение. Он начинает движение с передовой линии обороны (ул. Паустовского, район Ильичевки), где в 1941 году сражались морские пехотинцы, и едет к их командиру полковнику Осипову — ул. Осипова...

И другие улицы в эти дни, словно на перекличке выкрикивают свои имена: переулок Ониловой, улица Маловского, улица генерала Петрова, переулок Нечипуренко, улица Бреуса.

В этом же ряду есть улица, которую не каждый сразу отыщет, она словно прячется, пропала без вести, так же, как и человек, именем которого она названа. Улица Капитана Кузнецова, воспитанника Одесского артиллерийского училища, командира 21-й береговой батареи, располагавшейся на мысе "Е" в районе села Фонтанка. Когда в конце августа возникла угроза захвата 21-й батареи, по приказу командующего ООР ее взорвали, а из личного состава сформировали 6-ю роту 1-го полка морской пехоты. 8 сентября 1941 года бывший командир 21 береговой батареи капитан Кузнецов получил пулевое ранение в голову и "не приходя в сознание, скончался". Похоронен на поле боя. (По другим данным, капитан А.И. Кузнецов погиб в бою 26 августа, защищая батарею.) Не шумная улица Капитана Кузнецова находится на поселке Котовского, идет параллельно проспекту Добровольского через частный сектор, с восточной стороны примыкает к кинотеатру "Звездный" и далее неровным лабиринтом многоэтажек соприкасается с Десантным бульваром, названным так в память высаженного 22 сентября 1941 года в Восточном секторе обороны морского и воздушного десантов. Пройдя по Десантному бульвару, можно пересечь Днепропетровскую дорогу и попасть в населенный пункт Крыжановка, вплотную примыкающий к поселку Котовского, но относящийся к Коминтерновскому району. Крыжановка в 1941 году была важным опорным пунктом в обороне Одессы. Это село противнику не удалось захватить в боях, Крыжановка была оставлена одновременно с Одессой в середине октября 1941 года.

После войны в 1960-70-х годах в окрестностях Крыжановки находили останки советских воинов. Так в одном случае тракторист, вспахивая поле плугом, случайно обнажил фрагменты останков бойца, в другом случае, вездесущие ученики Крыжановского школьного поискового кружка наткнулись на останки в старом окопе в лесопосадке. Личности обоих защитников Одессы удалось установить по сохранившимся при них медальонам. Политрука Николая Филипповича Гонтаренко и лейтенанта М.С. Атаманюка с воинскими почестями перезахоронили на военном мемориале в центре Крыжановки.

О забытых и неизвестных советских воинах с новой силой в СССР вспомнили в 1980-е годы. В 1984 году в Одесской области официально была объявлена поисковая операция "Вспомним всех поименно". В школах и училищах массово стали появляться поисковые группы и кружки. Ребят, участвовавших в этих мероприятиях, называли звучными словосочетаниями: "красные следопыты", "тимуровцы", "часовые истории" и т. д. Об их работе писали газеты и журналы.

В канун 43-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне в "Вечерней Одессе" вышла заметка: "Они защищали Одессу". Корреспондент Дмитрий Петунин писал: "Ребята из кружков "Поиск" СПТУ №№ 8 и 11 начали раскопки на окраине жилмассива Котовского осенью прошлого года. А нынешней весной в старых окопах обнаружили останки семи погибших воинов". Из 7 погибших только одного удалось идентифицировать по найденному при нем медальону. Погибшим оказался Григорий Семенович Дрыгалов, родом из села Выселки Краснодарского края.

5 мая 1988 года на Северном кладбище состоялось торжественное перезахоронение погибших защитников. В траурной церемонии приняли участие представители коллективов предприятий и учреждений города, райвоенкомата, Совета ветеранов войны и труда, учащихся школ и профтехучилищ. Из Краснодарского края приехал родной брат Г.С. Дрыгалова, поблагодаривший ребят и их руководителей за проделанную работу.

"...Звучит музыка военного оркестра. Раздаются оружейные залпы... Но поиск не окончен, он продолжается..." — писал тогда Д.Петунин.

Лет семь назад мне удалось встретиться с некоторыми героями этой заметки. Интересно было узнать, как все начиналось и чем закончилось. В один из осенних дней 1987 года в СПТУ № 11 на занятиях по эстетике двое учащихся перешептывались и были чем-то сильно увлечены, но явно не предметом. Преподаватель эстетики Элла Абрамовна Гликберг сделала ребятам замечание. "Что это?" — спросила она, рассматривая непо-

нятную вещицу, ставшую причиной нарушения дисциплины. В руках Элла Абрамовна держала солдатский медальон... Учитель и ученики на какое-то время поменялись местами: она расспрашивала их о неведомом — они со знанием дела отвечали. Окопы, осколки, гильзы, кости — обо всем этом подробно рассказывали ребята. Произошла случайная (или промыслительная?) встреча неравнодушных людей... К этому делу сразу подключился и военрук училища Борис Петрович Рупчев.

Примерно то же самое тогда произошло и на другом конце города, в СПТУ № 8. Там для музейной экспозиции учащиеся притащили большой осколок от снаряда. Там вопросы ребятам задавала преподаватель В.Г. Панкратова.

Преподаватели двух училищ встретились, лично побывали на местах боев в бывшем Восточном секторе обороны и решили объединить усилия в общем деле. Дальше все как-то быстро завертелось, в двух учебных заведениях оформились кружки "Поиск", были получены необходимые документы для ведения поисковой работы, результаты которой и осветила "Вечерка". А что было дальше? Получив общественное признание своей деятельности, преподаватели и ученики с энтузиазмом продолжили работу: в 1988 году они обнаружили останки 11 человек, в 1989 — девятерых. Как положено, перенеся останки в две временные могилы, готовясь к официальному с воинскими почестями перезахоронению, намеченному на 9 мая 1990 года...

1990 год. Про события в СССР в этом году подробно может рассказать Леонид Парфенов в программе "Намедни", но одно можно сказать наверняка, общая атмосфера, царившая в советском обществе, была напряжена до предела, и общество готово было воспринимать перемены во всем. Каждый день пресса и ТВ приносили в жертву очередного вчерашнего идола или героя. Особенно уязвимым было военное прошлое СССР с его многочисленными мифами и замалчиванием настоящих потерь в Великой Отечественной войне. Может быть, отчасти и поэтому что-то тогда не сложилось с организацией перезахоронения найденных ребятами останков защитников Одессы. К тому же, активные участники поиска к тому времени окончили училище и отправились на службу в ряды Советской Армии. А вернулись они уже в другое государство, каждый со своими заботами и проблемами. Кружки "Поиск" распались из-за потери к ним интереса, Эмма Абрамовна эмигрировала, а ребята растеряли друг друга, и кого-то из них уже нет в живых.

"Последние романтики СССР" -— подспудно их готовили к третьей мировой войне, а они упорно хотели "закончить вторую", видимую из окон их многоэтажек. Не сложилось.

Там, где они копались 20 лет назад, летом 2007 года началось строительство коттеджного поселка. Будущие жильцы даже не догадываются о печальном соседстве...

"Враг у ворот"

"...Здесь враг потерял свыше 160-ти тысяч солдат и офицеров", — единодушно подводили итоги обороны Одессы советские литературные источники. И если у пленных и раненых из этого числа был еще какой-то земной путь, то десятки тысяч убитых солдат и офицеров 4-й румынской армии намертво остались лежать у ворот Одессы.

"А что делали с убитыми фашистами после войны?" — за такой детский вопрос лет 25 назад запросто можно было схлопотать от преподавателей замечание в школьный дневник: "Плохо вел себя на уроке мужества". Вопрос этот вообще не поднимался в обществе. Тема была закрытой.

Если шире посмотреть на данный вопрос, то выяснится, что после окончания второй мировой войны тенденция к игнорированию воинских захоронений стран — "участниц оси" была общепринятой не только в СССР, но и в Европе. Историю пишут победители, они и решили, что бережного и уважительного отношения заслуживают только жертвы из стран Антигитлеровской коалиции.

Но годы спустя европейское сообщество решило все-таки примирить мертвых всех противоборствующих сторон. 8 июня 1977 года вступил в силу 1-й Дополнительный протокол к Женевским конвенциям о защите жертв вооруженных конфликтов, в котором регулировался правовой статус воинских захоронений, находящихся на территории другого государства.

Статья 34-я этого протокола подразумевает заключение между заинтересованными государствами двустороннего соглашения. Только наличие такого соглашения может оговорить такие детали сотрудничества, как обеспечение ухода, сохранность могил, доступ к ним родственников, а также содействие в репатриации останков и возвращение личных вещей погребенных их близким.

В разделенной "холодной войной" на два противоборствующих лагеря Европе весь этот тонкий дипломатический механизм оставался лишь на бумаге и не работал до конца 80-х годов.

4 августа 1989 года Верховный Совет СССР ратифицировал вышеупомянутый протокол. Но через два года Советский Союз прекратил свое су-

ществование, и каждому из вновь образовавшихся государств представилась возможность решать (или не решать) эту проблему самостоятельно.

В 90-е годы Россия как правопреемница СССР заключила двусторонние соглашения по вопросу жертв вооруженных конфликтов с Германией, Венгрией, Польшей, Италией, Финляндией, Чехией, Словакией, Монголией и Румынией. Трагические судьбы переплелись и растворились в кровавой мясорубке войны. К примеру, на территории Польши погребено 2.5 миллиона советских граждан, из которых более 600 тысяч погибло в боях и 1.2 миллиона — жертвы концлагерей. На территории России польскую сторону интересует трагическая судьба польских офицеров, так называемое "Катыньское дело" 40-го года.

Бои под Одессой летом-осенью 1941 года оставили после себя десятки кладбищ румынских военных, от масштабных, с тысячами могил, формировавшихся неделями, до небольших с захоронением 5-10 человек, образовавшихся где придется. Последние могли возникнуть, к примеру, в результате авианалета советской авиации на колонну противника или от обстрела корабельной или береговой артиллерии скопления войск противника.

Из хроники боевых действий 4-й румынской армии под Одессой:

19 августа 1941 года. Длительные поединки в районе высоты "110". 9-й пехотный полк потерял здесь 376 человек (126 убитых и 250 раненых).

24 августа. 3-я пехотная дивизия в боях в селах Октябрь, Выгода (Октябрь — ныне район с. Важное Беляевского района Одесской области. Выгода — того же района. — **О. С.**) потеряла 775 человек (138 убитых, 583 раненых, 54 пропали без вести).

Всего со 2-го по 24-е августа 4-я румынская армия потеряла 27307 человек (5329 убитых, 18600 раненых и 3378 пропали без вести).

Командующий 11-й пехотной дивизией генерал Иосиф Теодореску: "Наши потери были также значительны, особенно в течение дней 10, 11 и 12 октября, насчитывая 26 офицеров (5 убитых) и 920 солдат (250 убиты или пропали без вести)". Он же вспоминает бои на линиях защиты Карпово, Выгода, Гниляково (Гниляково с 1968 года — с. Дачное Беляевского района Одесской области. — **О. С.**), указывая 2000 мертвых, "которые покоятся на кладбищах" сел Дончево (месторасположение этого села не определено. — **О. С.**), Виноградарь и Выгода...

Преимущество занятой территории позволяло похоронным командам румын проводить в ближнем тылу плановые захоронения. Надо признать, что к оформлению погребений мастера этого дела подходили основательно. Кладбище обустраивались на древнеримский манер: могильные крес-

ты, иногда даже на древних курганах, украшались солдатскими шлемами (касками), в центре пирамидкой могли сложить трофейное оружие "побежденных воинов". Позднее на кресты нередко водружались венки из живой растительности.

В архиве В.М. Соколова мне встретилось воспоминание одного из бойцов 716-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии, участвовавшего в контрударе 22 сентября: "...как только мы поднялись пошли в наступление, перед нами показалось метрах в четырехстах деревня (Гильдендорф. — **О. С.**), около деревни раскинулось большое кладбище румын, на каждом кресте висела каска. И это нам впервые казалось необычным зрелищем".

В сети Интернет на одном из румынских сайтов висит фотография румынского военного кладбища, располагавшегося в с. Дальник Беляевского района Одесской области. А как выглядело одно из самых больших под Одессой румынских воинских захоронений курганного типа, можно увидеть в книге Михаила Борисовича Пойзнера "Оккупация. Одесса: 1941-1944 гг." (Одесса, "Друк", 2004) на странице 87. На этой фотографии видно, что у подножья могильного кургана выложены пафосные слова: "Признание родиной погибших героев". Через два года из этой надписи соответствовать действительности останется только одно слово "погибшие", а "признание", "родина" и "герои" будут переадресованы другим солдатам этой страны.

"Есть кони для войны и есть кони для парада". Люди, как кони. Сегодня, рассматривая фотографии румынских кладбищ, сопоставляя их с воспоминаниями очевидцев, просматривая румынскую документальную хронику тех дней, пытаюсь разглядеть, угадать какие-то психологические черты в облике агрессора. Тех солдат румынской армии, которые так и не переступили порог Одессы. Тех, кто всегда был на заднем плане, оставаясь "неформатом" за кадром "победоносной" хроники. Тех, кто в итоге оказался покрыт бесславным забвением. Люди, как кони.

Вот в обустройстве военных кладбищ в 1941 году было все необходимое: и искренность самой церемонии погребения, учитывая традиционную религиозность румын, и пропагандистская театральность, обусловленная тем, что война продолжалась, забирая все новые жертвы, и простой солдат должен был наглядно видеть — если он завтра погибнет, о нем не забудут.

Но злая ирония, граничащая с контрпропагандой, таких погребений таилась в их месторасположении, как правило, вблизи дорожных коммуникаций, ведущих в Одессу. И свежее необстрелянное пополнение вы-

нужденно проходило через эти депрессивные "чистилища" с лесом крестов и чуть шевелящимися от порывов степного ветра шлемами. Здесь легко можно было мысленно примерить на себя ухоженную могилку. Здесь легко обесценивались пропаганда и обещанные награды, а высшей наградой становилась жизнь. Отсюда и количество румынских военных, оказавшихся в советском плену. Современные румынские источники озвучивают цифру "пропавших без вести" под Одессой в 11500 человек, большая часть из которых и оказалась в советском плену.

Из архива В.М. Соколова. Один из участников обороны Одессы вспоминал: "...Я получил приказ прорвать передний край, догнать полк, вручить приказ о немедленном возвращении полка на исходные позиции что и было выполнено. При этом мы взяли около ста человек румын в плен. Пленных румын из хутора гнали в порт... две женщины...".

Фантазии художника едва ли хватит представить картину, как две женщины несколько километров ведут в порт сотню пленных мужчин. Две женщины — две винтовки, в каждой по пять патронов. Средняя скорострельность трехлинейки — 10 выстрелов в минуту, и то при умелом обращении. При попытке к бегству пленных шансов у женского конвоя никаких.

Сложно представить себе эту картину, но можно понять. Если вспомнить, что сильно поредевшие в одесских боях румынские дивизии, исчерпавшие людские ресурсы резервов кадровиков, пополнялись за счет всеобщей мобилизации, выгребавшей мужское население в румынских городах и селах. Кстати, по социальному составу румынская армия не сильно отличалась от РККА — все те же рабочие и крестьяне. Последних эта мобилизация вообще ломала морально, разрушая весь уклад жизни. Посмотрите на время года! Август-сентябрь. Это же самое горячее время сбора урожая в юго-восточной части Европы. Это и время традиционных праздников, посвященных подведению итогов аграрного года.

В начале XX столетия крестьянство — это сильное внутригосударственное сословие людей многих аграрных стран. Там крестьянин — это кормилец. В этих странах крестьянское сословие — это государство в государстве, со своим мировоззрением, со своей невоинственной идеологией и со своими традициями и культурой. Но на войне крестьянство — это, как правило, всегда слабое звено. Потому что между войной и своим огородом он всегда выберет последнее. То, чем занимались еще и его отец, и его дед, и... Только кто ему давал выбор на войне?

Здесь можно вспомнить наше прошлое, когда в 1917 году все эти "декреты о мире", "о земле" с лозунгом "Земля крестьянам..." буквально рас-

пропагандировали и вывели из строя большую часть армии Российской империи.

Можно понять, что даже оказавшись на войне, румынский крестьянин не мог не думать о своем саде, о своей земле, оставшейся без заботы. Там без него сиротливо пересыхали на желтых стеблях кукурузные початки, без заботливых рук лопались переспевшие виноградные ягоды, истекая соком, словно заранее оплакивали погибших хозяев.

Им всем, и кадровым военным, и мобилизованным рабочим и крестьянам, был адресован показательный своим бессилием текст инквизиционного приказа по 4-й румынской армии: "Командиров соединений, а также командиров полков, батальонов и рот, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду... лишать права на пенсию. Солдат, не идущих в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительную линию, расстреливать на месте. Если соединение отступает без основания, начальник обязан установить сзади пулеметы и беспощадно расстреливать бегущих...".

Как будто про "героев" этого приказа, вычитываю воспоминания одного из ветеранов в архиве В.М. Соколова: "...когда в штаб батальона привели пленных, то среди них было два румына, прикованных к пулемету (так их и привели с пулеметом)".

...В апреле 1944 года части 3-го Украинского фронта освободили большую часть Одесской области. Румынские военные кладбища остались без внимания и ухода. А уже в августе 1944 года все румынские военнослужащие, погребенные под Одессой, оказались в странном положении, потому как 23 августа Румыния фактически вышла из войны, а еще через два дня Румыния объявила войну Германии. Теперь это была уже другая страна с другими героями. В это же время в Одесской области в районе городов Балта и Бирзула (ныне г. Котовск. — **О. С.**) была сформирована 1-я румынская добровольческая пехотная дивизия им. Тудора Владимиреску, подчинявшаяся командованию 2-го Украинского фронта.

Историческая справка из краткого научно-популярного очерка "Великая Отечественная война" (Москва, 1973 г., стр. 338): "За 260 дней войны против Германии румынские потери составили 170 тысяч человек. Семь раз в приказах Верховного Главнокомандования СССР отмечался героизм румынских дивизий. За боевые заслуги более 190 тысяч солдат и офицеров румынской армии награждены советскими орденами и медалями... Особенно выделялась ратными подвигами 1-я румынская добровольческая дивизия... Она награждена орденом Красного Знамени. Так

в совместных сражениях кровью скреплялась боевая дружба двух братских народов...".

Противник-союзник, вчерашний враг — сегодня друг. Выиграли политики — проиграли солдаты... простые солдаты.

В этих жерновах политической целесообразности румынские военные мемориалы под Одессой стали никому не нужными. Но сотни тысяч родных и близких погибших румынских солдат еще из "другой" армии навряд ли также легко смогли забыть своих родственников, лежащих на чужбине. Вопрос без ответа: какими методами удавалось долгие годы сдерживать интерес людей к судьбе их близких? А интерес был...

В связи с этим вспоминаю рассказ одной семьи из села Кубанка, Коминтерновского района, Одесской области. В начале 90-х годов в село на автомобиле приезжали несколько человек румын и интересовались, где в этой местности в 1941 году находилось кладбище румынских солдат. Местные жители указывали им на разные места: то на распаханное поле, то на ровную поляну — "одно большое" и "два небольших" кладбища.

В моей коллекции собрано и проверено уже немало всяких историй о военном царстве мертвых, надежно скрытом от мира живых. Но иногда эти параллельные миры все же пересекаются.

В 1960-е годы на территории одного автотранспортного предприятия в районе завода "Центролит" при рытье траншеи для прокладки какой-то коммуникации рабочие наткнулись на изголовье румынского захоронения: обнажились черепа, каски с королевскими кокардами. Коммуникацию проложили по плану. А что делать с такой находкой, никто не знал. Оставили все как было. Через несколько лет во время обустройства территории АТП могильный курганчик где-то "спрятался" под цементными плитами.

В другом случае одно из румынских кладбищ, расположенное в лесополосе, в 1960-е годы оказалось в зоне военных занятий и было изрыто учебными окопами.

А вот событие из "новейшей" истории. Недалеко от населенного пункта Светлогорское Раздельнянского района Одесской области есть захоронение румынских военных 1941 года, находящееся в древнем кургане, — высота с отметкой "100". Вокруг него разгорелись нешуточные страсти. Некие силы ведут на могилах заочное противостояние. Сначала кто-то установил на вершине кургана металлический крест, а у подножья насыпи положил несколько плит из черного мрамора. На одной из них надпись на украинском языке: "Дане місце є братською могилою воїнів румунської

армії, яких спіткала гірка доля бути втягнутими в другу світову війну з фашистськими загарбниками". В общем, как-будто все пристойно и безобидно. Но вот какая-то "третья сила" не так давно прочную плиту с надписью расколотила. И можно было бы все это списать на пробудившихся подземных демонов древнего могильника, растворившего в своем чреве разные культы, обычаи и заклятья, но некоторые украденные части из дорогого нынче мрамора говорят о происках вполне земных и меркантильных вандалов.

Здесь важно отметить, что после окончания Великой Отечественной войны "вражеские кладбища" целенаправленно не уничтожались, ну, разве что за исключением каких-то отдельных случаев еще в военное время.

В остальном же все было примерно как в строках А.С. Пушкина из "Бородинской годовщины":

"В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых..."

В 1950-60-е годы румынские кладбища, находящиеся вблизи крупных населенных пунктов, стали излюбленным местом игр детей и подростков. Выросшие после войны, а кое-кто из них застал и пережил еще военное время, не боялись таких мест. Зато здесь всегда можно найти что-то интересное: каски, монеты, жетоны, а если повезет, то и ржавый штык. Вот и дядя Вася, к сожалению, ушедший из жизни в начале 2008 года, вспоминал о целой компании своих сверстников, которые в 1950-е годы помимо прочих послевоенных забав любили проводить время на остатках огромного "румынского кладбища" в районе совхоза "Ильичевка". В конце 60-х годов часть этого захоронения распахали под сельхозугодия, но и в последующие десятилетия мальчишки все равно продолжали находить там множество трофеев. "Могил там было не менее тысячи", — единодушно свидетельствуют уже убеленные сединами очевидцы.

В 80-е годы с остатками этого кладбища покончили окончательно. Часть территории отдали под огороды, другую часть отвели под строительство частных гаражей и возвели котельную с большущей трубой. К слову, это та же уже упоминавшаяся полосатая труба, которая оказывается правее, если смотреть через Одесский залив с Приморского бульвара. Чудовищное наслоение эпох: труба на бывшем кладбище смотрится каким-то гигантским колом — архитекторы-проектировщики невольно

Вид на ул. Паустовского
Район бывшего агрокомбината
"Ильичевка"
Фото О. Сивирина

создали картину какого-то магического символизма.

До войны здесь находился агрокомбинат "Ильичевка", проводивший какие-то работы сельскохозяйственной техникой. Первые глиняные холмики с крестами и касками на них появились в этом месте в конце августа 1941 года, когда частям 15-й пехотной дивизии румын удалось потеснить на этом участке позиции 1-го полка морской пехоты. Таким образом, на первом этапе плановые погребения в этом месте проводились в ближнем тылу румынских подразделений. Основная же масса похороненных на кладбище агрокомбината — это погибшие во время контрудара частей Восточного сектора 22 сентября 1941 года.

И румынские, и советские исторические источники сходятся в цифрах потерь 13-й и 15-й пехотных дивизий румын, понесенных в течение одного дня — 22 сентября. Только убитыми около 2 тысяч человек. Части Восточного сектора продвинулись на разных участках на 5-8 км. В результате этого контрнаступления агрокомбинат "Ильичевка" оказался в тылу частей Приморской армии и оставался там до октября 1941 года (и вряд ли кто-то все это время специально занимался погребением многочисленных убитых солдат вражеской армии. За исключением отдельных случаев, когда вблизи колодцев, водоемов, населенных пунктов необходимо было локализовать трупы как источник распространения заражения). Повидимому, румынские похоронные команды смогли лишь с 16 октября приступить к идентификации и погребению своих солдат, собирая их по полям, балкам и посадкам.

Сегодня район агрокомбината — это улочка Паустовского на пересечении с Днепропетровской дорогой. Здесь же под асфальтом находится часть позиции обеих воюющих сторон, идущей от Ильичевки через большое поле к берегу моря. Последние новости говорят о том, что на этом по-

ле, где в 20-х числах августа 1941 года проходили кровопролитные бои, в 2008-2009 годах возведут высотные дома. Не нужно быть ясновидящим, чтобы знать, КОГО будут находить на этом поле, и можно не гадать, учитывая весь предыдущий опыт, что ИХ может ожидать.

Позиции 1941 года... Они здесь везде. Проходят (или проходили) вдоль и поперек: передовые, запасные, отсечные, тыловые — они изгибаются, сходятся и расходятся. Их не найти на картах. На всех известных опубликованных картах, схемах и планах указаны подготовленные рубежи обороны Одессы, которые отображают приказы командования.

Но даже если попытаться нанести все известные рубежи воюющих сторон на карту, то получится хаотичная сплошная паутина, в которой непосвященный просто запутается. Об этом же писал политрук Ф.М. Мальцев В.М. Соколову: "...на дальних подступах к Одессе и на линии Кубанка, хут. Шевченко, хут. Петровский, Свердлово заранее были произведены оборонительные рубежи. Отрыты противотанковые рвы, траншеи и хода сообщений, но не всегда приходилось ими пользоваться. Противник их знал и наступление организовывал в других местах. Нам же приходилось организовывать оборону, рыть траншеи, окопы там, где он стремился прорвать нашу оборону, в особенности там, где он направлял главные удары".

Нельзя не вспомнить и об оставшихся в забытье и безвестности красноармейцах и краснофлотцах, попавших в плен в боях под Одессой. Некоторую информацию на этот счет сегодня можно почерпнуть на румынских интернет-сайтах, посвященных второй мировой войне. Там есть фотографии пленных, небольшие кадры документальной хроники, где запечатлены советские пленные, есть и отдельные непроверенные (где проверить?) данные о количестве советских пленных под Одессой.

28 августа в боях за села Октябрь, Гниляково, хут. Важный было взято в плен 150 советских военных.

16 сентября 1941 года румынский источник приводит общие данные за время боев под Одессой, указывая "приблизительно 3000 советских военнопленных". В конце сентября приводятся общие данные: "4-я армия приняла 4946 военнопленных".

Из архива В.М. Соколова. Воспоминания из письма советского военнослужащего: "...Нас тут обезоружили... И вдруг видим: из деревни ведут колонну солдат пленных, около 40 человек. Тогда офицер немец им крикнул, они остановились. И нас туда пристроили. Ко мне подошел офицер немец, увидел на рубахе и на брюках канты малинового цвета и говорит: Комиссар? Я ему ответил: Нет. Когда нас гнали по этапам, узнал, они вы-

водили из колонны евреев, политруков и комиссаров и тут расстреливали. Я находился в концлагере пленных в г. Николаев.

1 июля 1942 года привели новую колонну пленных. Их конвоировали румыны. Им нужно было добавить из лагеря г. Николаева еще пленных. Из нашего офицерского корпуса пять дней назад отправили 500 человек офицеров в Германию. Сами немцы говорили, что им там будет "капут".

Нас в корпусе осталось 50-60 человек. Я у своего коменданта корпуса, он был уже полицаем... просил отправь нас, 5 человек товарищей, на этап в Румынию. И он нас дописал в список для отправки. В Румынии я был в лагерях военнопленных г. Тимишоара. В августе 1944 года... нас тогда освободили. Нас, пленных, направили в 300-й стрелковый полк. Там нас проверяла контрразведка. Солдат и сержантов оттуда посылали в полки для пополнения. Всех офицеров направили в г. Плоеште, где была спецпроверка..."

В середине 80-х годов Виктор Михайлович Соколов открыл новую страницу в своей поисковой работе — отправился к местам боев, к местам эвакуированных частей, защищавших до этого Одессу, Севастополь, Аджимушкайские каменоломни. Там из подземелья Виктор Михайлович поднял на свет Божий полуистлевшие учетные документы военнослужащих, и в этих списках отыскал 23 аджимушкайца, уроженцев Одессы и Одесской области. Пытаясь выяснить их судьбу, публиковал в областных газетах их данные...

В исторической справке, подводившей итоги поисковой работы в Аджимушкайских каменоломнях за 1972-1991 годы записано: "...Существенное влияние на качество проведения дальнейших работ и составления отчетов оказало то, что с 1986 года научным руководителем всех одесских групп стал работник Одесского УВД В.М. Соколов".

Вместо послесловия

...7 марта 1874 года в Санкт-Петербурге открылась выставка картин и рисунков молодого художника-баталиста В.В. Верещагина. На суд зрителей автор представил свыше ста картин и этюдов из так называемой "Туркестанской серии".

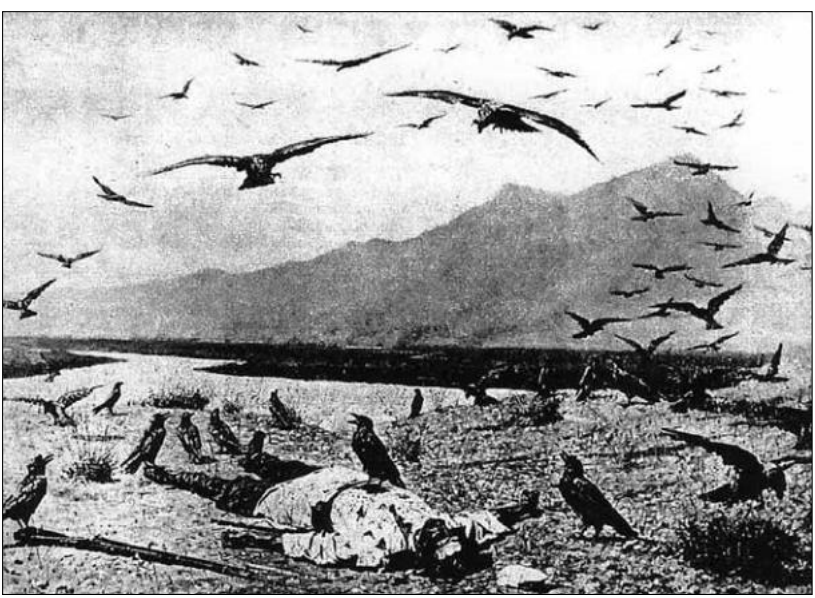
Живописные работы Верещагина сразу вызвали неподдельный интерес и массу пересудов в обществе. Изображение *такой* стороны войны для широкой общественности демонстрировалось впервые. На картинах Верещагина не было сверкающих орденами полководцев, красиво гарцующих, словно на параде, коней и непременно бегущего врага... У Вере-

щагина на первом плане простой солдат. Солдат такой, какой он и бывает на войне. Больше всего на выставке толпилось народа у картины "Забытый". Известный критик В.В. Стасов написал тогда: "Трагичнее всех был "Забытый" — бедный убитый солдат, распростертый навзничь в поле, покинутый всеми, и над которым слетается стая воронов с жадно растворенными клювами, пока отряд товарищей уходит вдали. Этой поразительной, потрясающей ноты не брал еще ни один живописец войн и баталий...".

Совершенно иного мнения было высшее военное руководство России. Посетивший выставку "Туркестанская серия" император Александр II "был возмущен этой картиной". Последовало запрещение публикаций репродукции "Забытого" в печати... А генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман требовал от Верещагина "назвать место и время, где и когда он видел солдата, оставленного без погребения".

Кстати, на призыв В.М. Соколова в 1987 году в "Комсомольской искре" никто не откликнулся...

Фотоиллюстрации В.М. Соколова и автора
Автор благодарит В.М. Соколова за предоставленные материалы
Выдержки из писем из личного архива В.М. Соколова публикуются впервые

Репродукция картины В.В. Верещагина "Забытый"

Олег ГУБАРЬ

Какие скульптуры украшали Старую биржу?

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ним общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 12-й год плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаем вниманию читателей материал, связанный с оформлением фасада Старой биржи (Горсовета) в первый период ее существования. Эта тема еще никогда не поднималась в историко-краеведческих публикациях.

Да не вопрос, ответят мне. Какому же цивилизованному одесситу неизвестно, что здание Старой биржи, а ныне горсовета, украшают скульптурные фигуры Меркурия и Цереры? Как и скульптурная композиция в средней части главного фасада, символизирующая времена суток, установлены они в ходе перестройки биржи знаменитым зодчим Ф.О. Моранди в 1871-1873 годах. Автор первых двух — известный скульптор миланской школы и педагог Луиджи Доминикович Иорини.

Все верно, спорить не о чем. Церера и Меркурий неплохо сохранились, продолжают радовать глаз и сегодня. К слову, в процессе недавней реставрации здания рабочие совершили любопытное открытие. В одной из глубоких ниш старинного биржевого подвала обнаружилась деревянная заготовка, служившая Иорини моделью для изготовления гермы Меркурия. По счастью, мне даже удалось сфотографировать необычную находку.

Но речь, как уже догадался читатель, пойдет не об этих хрестоматийных скульптурах, а о других, им предшествовавших. В научной и краеведческой литературе этот сюжет, насколько мне известно, никогда не рассматривался.

Продолжительное время работая с материалами ряда фондов Государственного архива Одесской области, обнаружил занимательное дело, в котором как раз и изложена интересующая нас информация. 2 марта 1837 года из Управления одесского градоначальника в местный Строительный комитет поступает сообщение о том, что мраморщик Дженари приторговался за 400 рублей изготовить мраморные изваяния льва и медведя для

водружения их по бокам большого каменного крыльца биржевого дома. Поскольку же "под сии мраморные изображения нужно будет устроить мраморные же пьедесталы", то и предлагается "договорить мраморщика" по этому поводу, с учетом оценки установки.

Иосиф и Петр Дженари — популярные в старой Одессе мраморщики-итальянцы. Иосиф Дженарио высекал не только трогательных ангелов для надгробий Старого городского кладбища, но и парковые скульптуры, камины, мраморные изделия для салонов и вестибюлей аристократических особняков, вилл состоятельных негоциантов и т. д. Петр Дженарио прославился тем, что в 1827 году соорудил из бугского гранита основание монумента герцогу де Ришелье на Приморском бульваре. Мастерская их помещалась на Дерибасовской улице в доме Марини, № 25, на месте которого впоследствии выросла гостиница "Большая Московская". Затем Дженари разъединились: Иосиф остался на прежнем месте, а Петр перебрался на созвучную Итальянскую улицу, в дом Понятовского. На месте этого дома в конце 1850-х годов вырос особняк Абазы, позднее перешедший к Рафаловичу, а ныне — это Музей западного и восточного искусства, что тоже символично.

Невольно возникает вопрос: почему выбрано именно такое сочетание фауны? Тут ведь явный удар по гармонии, симметрии, да и традиции (львы, что показательно, украшали вход в биржевую залу еще тогда, когда она квартировала в доме коммерции советника Рено). Могу ответить лишь чисто умозрительно, хотя, по-моему, вполне убедительно. Лев — разумеется, царь зверей, символ власти, мощи и благородства, красующийся даже в государственных гербах, не говоря уже о приватной геральдике. И все же он фигура экзотическая, заимствованная, пришлая, а посему, надо полагать, комплект решили дополнить более патриотичным и родным русским медведем. Вот и выходило по-нашему: и волки сыты, и овцы целы, и хищники одомашнены. Тем паче, биржа тогда обустраивалась как место предстоящего грандиозного приема в честь посещения Одессы императором, членами его семейства и многочисленной свитой.

8 марта 1837 года один из членов Строительного комитета сообщает градоначальнику А.И Лёвшину о том, что договорил мраморных дел мастера Монтебруна сделать за 100 рублей два пьедестала из "синего крепкого заграничного камня стоимостью 60 рублей", то есть суммарно за 160 рублей. Затруднительно с абсолютной точностью сказать, какой именно это был камень, — ясно только, что изверженная горная порода родом со Средиземноморья. 12 марта Левшин разрешает заказать Монтебруну озна-

ченную работу на его условиях. 1 июля градоначальник просит поспешить с исполнением предыдущих предписаний относительно изготовления и установки статуй. Его нетерпение понятно, ибо высочайший визит на носу. Две недели спустя пьедесталы окончены, однако устанавливать их тотчас же нет возможности: в бирже еще продолжаются перестроечные операции. Вместе с тем надлежит отпустить мастеру, сардинскому подданному Лоренцо Монтебруно, 400 рублей за изготовленные мраморные фигуры.

А на каком основании деньги отпускаются ему, а не Дженари, с которым, собственно говоря, и был заключен договор о подряде? Комментарий прост: Монтебруно был его преемником, то есть получил на определенных условиях скульптурную мастерскую на Итальянской улице и как бы фирменный знак. В справочниках на 1837 год так и значится: "Лоренцо Монтебруно — преемник Петра Дженарио". В документах Строительного комитета от 20 июля 1837 года упомянуто о том, что Монтебруно следует выплатить 400 рублей "за сделанные им по заказу мраморные фигуры льва и медведя" из 10.000 рублей, предназначенных "на умеблирование биржи" (опять-таки понятно, что к императорскому визиту). После некоторых бюрократических проволочек сумма эта была отпущена итальянскому мраморщику 27 сентября того же года.

Теперь — другой вопрос: как долго простояли мраморные лев и медведь по обе стороны биржевого крыльца и куда они девались впоследствии? Ищите и обрящете. Можно было, по крайней мере, предположить, что мемориальная фауна по какой-то причине демонтирована в связи с капитальным переустройством биржи в первой половине 1870-х годов. И действительно, в местной периодике нашлась весьма обстоятельная информация на этот счет.

Когда по обе стороны крыльца биржи устанавливали газовые фонари, мраморные фигуры сняли. К этому времени они были настолько обезображены, что невозможно было отличить медведя от льва (воленс-ноленс вспомнишь Пруткова). Возможно, они как-то пострадали в период бомбардировки города союзным флотом в апреле 1854 года, а может быть, на них вымещали злобу разорившиеся биржевые игроки, кто знает. Во всяком случае, в газете говорят о "каменных львах с разбитыми мордами и боками". Как ненужный хлам их забросили в думский двор, где они и провалялись всю зиму 1872-1873 годов. Но даже и обезличенные, эти рукотворные звери числились на казенном балансе.

Весной 1873 года смотритель биржевого здания обратился к видному предпринимателю и общественному деятелю Александру Георгиевичу

Вучине (1830-1896 гг.) с настоятельной просьбой купить искалеченные фигуры, говоря, что некто предлагает за них 20 рублей. Между прочим, один из принадлежавших этому состоятельному семейству хлебных экспортеров домов (фирма основана в 1829 году), по улице Пушкинской, № 19, строил как раз реставратор биржи Ф.О. Моранди. В ответ на уговоры А.Г. Вучина заплатил просимые деньги, но когда его приказчик привез покупку домой, оказалось, "что львы эти никуда не годятся".

Тем временем завистники и конкуренты стали распространять слухи, компрометирующие покупателя, — он-де присвоил себе казенное имущество и проч. На самом же деле Вучина немедленно отправил фигуры в Строительное отделение Городской думы, поскольку осведомился, что некий горожанин готов приобрести "львов" за несколько высшую цену. В результате это городское имущество продали с публичного торга — как качественный материал, вполне пригодный для повторного использования.

Так печально сложилась судьба первой скульптурной группы у стен нынешнего горсовета. Что именно изготовили из ее останков — львят, медвежат, а статься может, девушек с веслами, — мне пока достоверно дознаться не удалось. Впрочем, дознание продолжается.

В. РИБАЛКА*

Досвід геніального теоретика
Спогади про професора Б.Й. Цуканова

З Б.Й. Цукановим я познайомився 20 років тому через І.Д. Беха, зараз академіка, доктора психологічних наук, професора. У липні 1987 року ми відпочивали у спортивно-оздоровчому таборі Одеського педагогічного інституту, де ми з Іваном Дмитровичем, відомим вже тоді методологом і теоретиком психології, щодня проводили наукові дискусії в ході тривалих прогулянок берегом Чорного моря. Згодом до нас приєднався і Б.Й. Цуканов, тоді ще кандидат наук, доцент, і одразу звернув на себе увагу міркуваннями про... історію запорозьких козаків, про своє козацьке коріння...

У наступні зустрічі Борис Йосипович розповів нам про свої останні наукові дослідження, зокрема про метод визначення тау-типу людини і про відкриття ним зв'язку цього показника з типом темпераменту. Його розповідь про це відкриття та його теоретичні і практичні наслідки були настільки цікавими і захоплюючими, що я тоді щиро назвав Б.Й. Цуканова Ейнштейном сучасної психології. І це враження, чим далі, тим сильніше, зберігалося в мене всі 20 років нашого наукового спілкування, аж до передчасного уходу з життя вченого у грудні 2007 року. Ці роки стали для мене як для науковця справжнім подарунком долі. Адже я ніколи, ні до цього, ні після, не співпрацював так тісно зі справжнім генієм людського роду, хоча мені взагалі-то щастило на зустрічі зі здібними, обдарованими, талановитими людьми. Але геніїв було небагато, і найяскравіший серед них — Борис Йосипович Цуканов.

Після тієї зустрічі в Одесі я перечитав усі наявні статті вченого, оволодів його методом визначення типу темпераменту через тау-тип. Вдалося навіть створити за допомогою ліцеїстів-програмістів комп'ютерний варіант цього методу, який схвалив пізніше сам автор у свій приїзд до Києва. При глибокому ознайомленні з теорією вченого виникало безліч питань, які ставали предметом обговорення у безпосередніх наукових контактах з ним. Наше спілкування не можна було назвати систематичним, але декілька разів на рік ми все ж таки телефонували один одному, зустрічалися в Києві, обмінювалися думками. З боку Бориса Йосиповича вони завжди мали принциповий, глибоко науковий, чесний творчий характер.

* Автор — доктор психологічних наук, професор, провідний науковий співробітник відділу педагогічної психології і психології праці Інституту педагогічної освіти та освіти дорослих АПН України.

Пам'ятаю, як 1996 року, вже після захисту докторської дисертації, Борис Йосипович, вже професор, завідувач кафедри, директор Центру психології часу, звернув в ході чергової нашої співбесіди увагу на моє припущення про те, що кількісний склад типологічних груп має бути закономірним. І через півроку, проаналізувавши свою величезну експериментальну вибірку піддослідних, він повідомив мені, що це дійсно так: у людській популяції ці групи є константними за своєю кількістю у відтворюваних поколіннях. Холероїдів — 14%, сангвіноїдів — 44%, врівноважених — 4%, меланхолоїдів — 29%, а флегматоїдів — 9%. Це має принципове значення, оскільки за даним явищем повинен стояти певний генетико-популяційний механізм підтримання константності, фактично ж — ним може бути геном людини... Саме до цього висновку призводить гео-генетична теорія темпераменту видатного вченого, якщо уважно перечитати його твори.

Кожна зустріч з видатним вченим вражала новими відкриттями і величезним задоволенням від справжнього творчого наукового спілкування. І кожного разу я наполегливо просив Бориса Йосиповича видати свою докторську дисертацію у вигляді книги. І нарешті 2000 року вона вийшла під назвою "Час у психіці людини" з чудовою передмовою академіка В.П. Зінченка. Справжньою нагородою для мене, якою я пишаюся досі, стала висловлена автором подяка мені й І.Д. Беху за "допомогу у реалізації задуму"... Вже незадовго до відходу у вічність Борис Йосипович повідомив мені, що хтось представив цілком його книгу в Інтернеті, віддаючи належне всесвітньому значенню теорії вченого.

Наші наукові дискусії з професором Б.Й. Цукановим були надзвичайно важливими для мене. Саме під впливом його евристичної і невичерпної теорії часу у психіці індивіду виростали і деякі наші концептуальні погляди та практичні розробки. Адже вони базувалися на чудовому, єдиному в світовій психології об'єктивному зручному оперативному методі визначення типу темпераменту як психофізіологічної основи людської психіки, особистості. Без цього методу більшість психологів і дотепер не враховують цю основу і приходять до значних помилок у розумінні та роботі з особистістю. Використовуючи теорію професора Б.Й. Цуканова в контексті нашої тривимірної, поетапно конкретизованої психологічної структури особистості, ми виявили в ході комплексної психодіагностики, інтерпретації масиву даних і консультування близько 4 тисяч клієнтів явище патогенної психодинамічної неконгруентності. Це дозволило, у свою чергу, пояснити механізм виникнення і перебігу так званих перева-

жаючих психосоматичних хвороб для кожного типу темпераменту, виявляти і лікувати їх. Саме цю ідею Гіппократа про переважаючі хвороби реанімував, повернув у сучасну психологію професор Б.Й. Цуканов, відкривши принципово нові можливості для практичної психології.

Особливе захоплення визиває унікальна кардіопсихотерапія, розроблена Б.Й. Цукановим. Її, до речі, підтримав на засіданні своєї вченої ради Київський інститут кардіології ім. М. Стражеска. Борис Йосипович розробив власне психотерапевтичне ноу-хау, яке дозволяє визначати групу інфарктного ризику та момент серцевого наступу і таким чином попереджати схильних до інфаркту людей (в тому числі і тих, хто про це не підозрює), створювати для них відповідні клінічні умови для нормального, безпечного для здоров'я і життя перебігу інфаркту. Професор познайомив мене з деякими зі своїх клієнтів, з їх публікаціями у пресі, приміром, Бровер Л.Б., яким він врятував життя. Б.Й. Цуканов передав мені копію своєї статті про те, як "Одеса може стати антиінфарктною зоною" (1997 р.). Проте запропонована ним програма перетворення милої його серцю Одеси у місто без летальних інфарктів і дотепер лежить у муніципалітеті...

Так сталося, що я особисто двічі перевірив ефективність цієї кардіопсихотерапії на собі. Перший раз — ретроспективно, коли заднім числом точно "підрахував" за його методом час появи своєї першої передінфарктної кризи 1980 року, а другий раз — коли спрогнозував на його основі і підготувався до серцевого наступу у липні 2006 року, провівши його як нормальний фізіологічний процес. Борис Йосипович цього разу врятував мені життя — так саме, як і сотням хворих на інфаркт. Дякуємо Вам, дорогий докторе, за чудовий метод! Хочу відмітити, що використання цієї доступної, дешевої й ефективної кардіопсихотерапії може запобігти загибелі тисяч пацієнтів. Проте я був, на жаль, свідком декількох смертей від інфаркту тих вчених або їх родичів, хто не сприйняв, знехтував унікальною теорією і практикою професора Б.Й. Цуканова, за що вони поплатилися своїм життям...

Жалкую, що мені самому не вдалося врятувати від лихої хвороби мого дорогого вчителя. Мабуть я не зміг обґрунтовано переконати його в необхідності своєчасно послабити те величезне інтелектуальне, емоційне, внутрішньоособистісне напруження, позамежову самовіддачу своїх сил, які він не жалів в останні роки на подальший розвиток власної теорії, її практичне втілення й утвердження у життя суспільства. Впевнений, що саме свідомо обраний вченим шлях самопожертвування і призвів його до гострої і необоротної патогенної неконгруентності, яку не витримав міцний козацький організм...

Не врятувала становище навіть моя вечірня лекція на конференції в Одесі влітку 2002 року, коли я публічно виклав відповідні висновки на прохання її учасників і обережно, опосередковано намагався проаналізувати стан здоров'я професора на прикладі декількох своїх неконгруентних клієнтів, серед яких був випадок, подібний до його стану. Але було вже запізно...

Б.Й. Цуканов завжди з вдячністю згадував свого вчителя — професора Д.Г. Елькіна. Він фактично добудував ще один поверх науково-психологічної школи Д.Г. Елькіна — Б.Й. Цуканова. Дбайливо ставився вчений до своїх учнів, захищав своїх аспірантів навіть у ВАКу, виявляв любов до колег та їх дітей. Це стосується і моїх дітей, яких він тепло прийняв і уважно ознайомив зі своєю теорію, коли ми двічі відпочивали в Одесі. Моя дружина і доньки, зараз вже студентки-психологи, з вдячністю згадують бесіди з метром української психології, його настанови. Годі й говорити, що вони володіють методом Б.Й. Цуканова з визначення типу темпераменту та захоплені його теорією... Професор міг щиро радіти успіхам своїх учнів і колег. Не забуду, як після виходу 2003 року моєї книги "Методологічні питання наукової психології" Борис Йосипович публічно проголосив на засіданні створеної за його ініціативою і очолюваною ним спеціалізованої вченої ради із захисту докторських дисертацій в ОНУ ім. І.І. Мечникова про появу в українській психології ще однієї "методологічної зірочки"...

Здавалося, що нам світило ще декілька десятків років творчого наукового спілкування... Та цього, на жаль, не сталося. Проте і прикутий в останні роки життя до ліжка, професор залишався самим собою — філософом всесвітнього масштабу, оригінальним мислителем, справжнім вченим і наставником обдарованої молоді, чесним, вимогливим, мужнім, справедливим, дбайливим, спрямованим у майбутнє до останньої миті свого дивовижного життя...

Коли я прощався з Борисом Йосиповичем, то мене не покидала думка, що видатний український вчений найкраще за всіх у світі зрозумів природу часу. Своєю постаттю він начебто об'єднав космічні ідеї стародавніх греків, сучасні концепції часу і простору та майбутню науку людства, подарувавши йому новий гуманістичний погляд на час як головний атрибут Всесвіту.

Професор Б.Й. Цуканов залишив нам унікальний досвід геніального теоретика, прикладного вченого і практика, який слід ретельно вивчати і використовувати філософам, психологам, медикам, педагогам, усім науковцям і практикам України. Його теорія часу підносить гідність української науки! Вічна пам'ять видатному сину українського народу!

Вадим ЛИСЕНКО

Архитектор Андрей Онисимович Лисенко

К 100-летию со дня рождения

"Мы вспоминаем по-настоящему
только то, что позабыли".
Г.К. Честертон

"Архитектор – старший (главный)
строитель".
Пер. с древнегреческого

Я взял лист чистой бумаги, ручку и попытался в привычной для меня "старомодной" манере поделиться с вами, дорогие одесситы, тем, что я знаю о моем папе, прекрасном архитекторе, мудром и добром человеке, нежном отце и любящем муже.

И вот что из этого получилось.

Интерьер гостиной в квартире семьи Лисенко. Одесса

А.О. Лисенко сформировался как архитектор в 20-30-х годах XX века, после чего постепенно двигался к высокому титулу "зодчий". Множественность одновременно существовавших в то время архитектурных стереотипов рождала пестроту поисков (от ампира — к национальному романтизму, от модерна — к конструктивизму, а затем и к соцреализму), их смена — возникновение новых представлений об архитектуре, новых течений и концепций...

Как же удалось Андрею Онисимовичу, который родился в семье скромного секретаря уездного Военного присутствия и жил в домике на окраине Херсона, сформироваться в крупную личность европейского масштаба, как получилось так, что из специфической мещанской среды Херсона, а затем Одессы, он окунулся в кипящий интеллектуальный котел Ленинграда и Москвы, и не только не затерялся, не "утонул", а стал полноправным членом архитектурной элиты страны? Это непостижимо и, возможно, связано с грандиозными этнокультурными пертурбациями того времени, происходившими в нашей стране: вспомним, например, теории Гумилева, Тойнби, Шпенглера...

Итак, семья А. Лисенко переехала в Одессу к началу первой мировой войны. Через год или полтора его родители и близкие умерли от тифа, и начались "хождения по мукам". Воспитывала его тетя, отдав в садоводческую профшколу, где Андрей Лисенко и жил. Затем — землеустроительные

С сыном. Одесса, 1955 г.

Дружеский шарж
Рисовал архитектор Г.В. Топуз, 1947 г.

курсы в Одессе, работа геодезистом. В этот период он был свидетелем страшного "красного передела" земли — с расстрелами, реквизициями, поджогами, ужасающего голода. Обо всем этом Андрей Онисимович, очевидец и чудом выживший современник, затем подробно рассказывал мне и моей маме — его верной супруге Тамаре Александровне Лисенко (Черняковой).

По окончании учебы 1927 г.

В период пребывания в Одессе Андрей Лисенко уже в значительной мере сложился как личность с определенными взглядами на жизнь и людей, на события, их внутреннюю суть.

Считаю уместным привести здесь несколько строк из дневника 19-летнего Андрея, тех строк, которые касаются Одессы и путешествия из Одессы в Крым во время знаменитого землетрясения (часть этого дневника чудом сохранилась в эту эпоху войн, слежки, "переселения народов" под неусыпным оком ЧК и НКВД):

4 сент. 27 г., 9.10 ч. вечера, пароход Херсон — Одесса.

"*Только что отошел пароход, и я только что начал первый в моей жизни дневник... Стряхивание пыли со старого и надоевшего... бытия...*".

5 сент. 27 г., 11 ч. вечера (дача Сосиных).

"*Говорят, что я сегодня приехал. Кажется, правда, во всяком случае, я сейчас в Одессе уже целый день, причем быстрым темпом "оживаю", как видно, от "благорастворения воздухов" одесских. Как-то легче дышится, вольней смотрится, и сам, кажется, лучше становишься, когда вспомнишь, что ты ведь в старой любимой Одессе.*

Я вновь на ее асфальте и, как всегда, первые впечатления залпом обстреляли, отчего и сейчас приходится прыгать в погоне за стройным порядком излагаемых мыслей, бешено вращающихся в сумбурной голове. Только ясно отдаю себе отчет в том, что с каждым звонком и скрежетом несущихся, словно живых и бешеных, трамваев, с каждым ревом авто, с каждым напевом разносчика, знакомым напевом, так славно аккомпанирующим прозе жизни в этом сумасшедшем пульсе, с каждым оригинальным платьем и кричащей афишей — плесень, накопившаяся в течение последнего года отсутствия

Одесса. Пролетарский (Французский) бульвар 1932 г.

здесь, уносится в бесконечность плывущими надо мной впечатлениями, импульсы жизни снаружи Одессы смывают восставшие из "ничего", словно коралловые острова, сплин и скуку, обнажая бодрое, свежее и непобедимо веселое настроение...".

7 сент. 27 г., 11 ч. утра.

"...Завтра мы идем купаться, говорят, в Яхт-клубе есть сильный трамплин. Вечером идем в оперетту. Я хочу видеть Городской еще раз".

8 сент. Одесса (дача Сосиных), 10 ч. утра.

"...Вчера мы пили с Тамарой пиво в большом баре над обрывом Николаевского бульвара. Наш столик был самый крайний, и звуки оркестра долетали до нас уже уставшими. Рядом, через воздушную изгородь, темнота ушла в бездну обрыва, и только дальше, там, на территории порта, начинались знаменитые одесские огни. Хотя они ведь тоже не озаряли окружающего, а были только тысячами точек, мозаично вкрапленных в темноту, по-южному, без правил и порядка, причудливо.

Я страшно люблю эти огни, помню их с детства, и буду помнить, пока живо сознание. Их мозаика разбросалась по рейду, уходила в море и взбиралась по нависшим обрывам. Они исчезали на горизонте и прятались в ближайших домах, десятерились и чертили футуристические узоры. Далеко выброшенный в море, невидимый мол заканчивался маяком, и его кровавый фонарь, отражаясь в бесцветно-черной воде, чертил дробящийся рубиновый столбик.

Скромный синий огонек, расположившийся подле, еще больше подчеркивал феерическую красоту его, похожую на вырванный, еще трепещущий глаз чего-то живого, выплеснувшегося на воду...

Мы ушли, когда от моря потянуло соленой прохладой.

Улицы все так же пульсировали, хотя был уже час ночи. Трамваи сократились, и авто еще веселей покрикивали, проносясь в изгибах улиц. Бульвары потемнели, выбрасывая последних гуляющих в пустеющие улицы, становящиеся царством их детей, — женщины разнообразнейших типов, цен

Андрей и Тамара Лисенко
Ленинград, май 1936 г.

и вида все больше и больше разжижали редеющую толпу. Крики беспризорных становились громче и нахальнее. Семья улицы вступала в свои права".

9 сент. дача Сосиных, 5 ч. вечера.

"*...иду купаться в море и потом еду кататься в Аркадию...*".

10 сент. дача Сосиных, 12 ч. ночи (*в кровати*).

"*Странный район, где я сейчас живу, это район дач аристократов, банкиров, заводчиков всех видов старого, но не доброго времени. Всюду пахнет шальными деньгами, почти везде бросаются в глаза если не безвкусица этих изысканно шикарных дач, то, во всяком случае, полный произвол архитектурных аналогов. Не нравится мне эта местность, несмотря на то, что местами попадаются замечательные образчики...*".

11 сент. 27 г., 6 ч. вечера.

"*...В Севастополе землетрясение, и настолько сильное, что я, приходивший в себя после моря, а потому мирно дремавший, — проснулся. Меня бесцеремонно швырнуло несколько раз по постели, и когда я задумался над судьбой Крыма, пребольно стукнуло об обочину... Я бы обошелся и без такой роскоши. Нужно еще представить себе, что все население поголовно торчит на улице, преимущественно на бульварах, еще с первого ночного толчка, когда ошалевшая толпа с котомками высыпала на улицу и брала с бою "плацкарты" — скамьи*"...

12 сент. Ялта (гостиница), 9 ч. вечера.

"*Хотя я продолжаю в Ялте, но говорить буду о том же — землетрясении... Я проехал все побережье — от Севастополя до Ялты — и видел эти действительно ужасные следы циклопических подвигов. Хатенки бедных татар расползлись, осунулись, и с выпотрошенными внутренностями — жалки. Дорожные сооружения, сложенные из гранита, словно повзорваны, совершенно испортив дорогу. Монолитные скалы под влиянием дружеских похлопываний по их плечам выбросили на дорогу обломки величиною с наш автомобиль, от дикого вида которых дерет мороз по коже!..*".

Магадан, 1940 г.

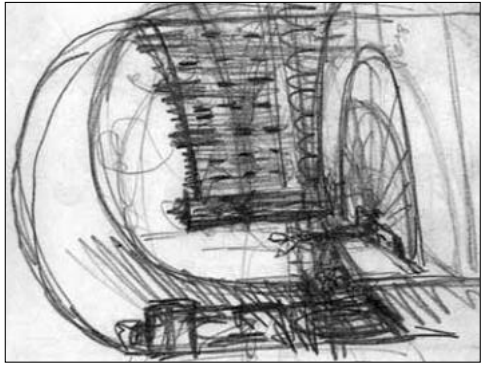
Во время Отечественной войны

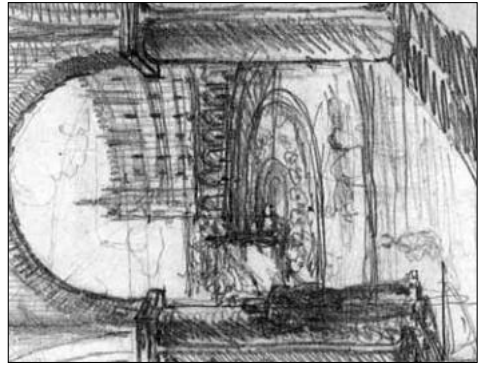
На этом я прерву цитирование: каждый, желающий ознакомиться с красочным описанием этого страшного землетрясения, может это сделать, прочитав выдержки из дневников А.О. Лисенко, а также его статьи и очерки зрелого мастера в книге, которая вышла в издательстве "Optimum" (Одесса) в 2005 г. в рубрике "Мастера отечественной архитектуры" и носит название "Эссе об архитектуре Одессы. Андрей Онисимович Лисенко".

Итак, после работы в Одессе, Харькове, Херсоне папа два года учился в Одесском ИЗО (архитектурный факультет) вместе с будущими известными художником А. Шовкуненко и архитектором Н. Шаповаленко, затем переехал в Ленинград — Академия художеств (архитектурный факультет) и Институт гражданских инженеров, который окончил в 1934 г.

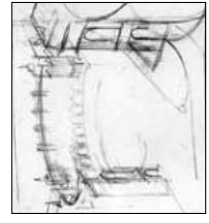
Еще в период обучения, а затем и после его окончания, Андрей Онисимович работал и на стройке, и в проектных и художественных организациях Ленинграда (Горстройпроект, Ленгорпроектстрой).

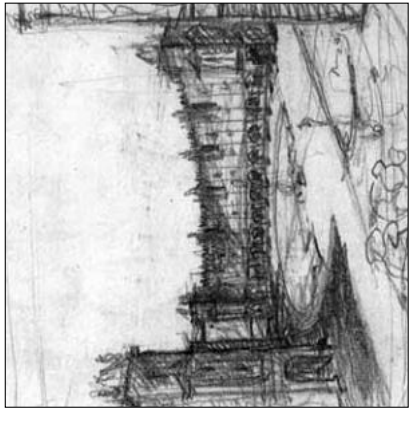
За это время было спроектировано и построено по его проектам множество объектов для бурно развивающейся страны: г. Магнитогорск — реконструкция цирка, технический проект планировки IV квартала и XIII квартала, детские сады: на 40 мест, на 140 мест, на 50 мест; 78-квартирный жилой дом, столовая, школа на 400 мест; г. Вязьма — жилой массив для Льнокомбината (40 объектов); г. Чимкент — генплан жилого массива; г. Сталинабад — реконструкция и фасад театра; г. Ленинград — заводы спецназначения Наркомата оборонной промышленности (производственные объекты, жилые комплексы), интерьеры ресторана на Лиговском

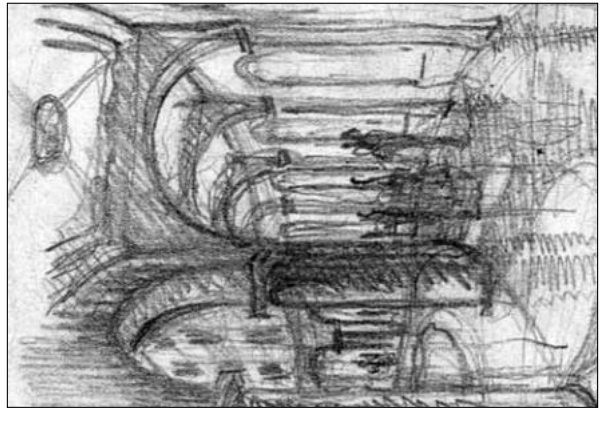

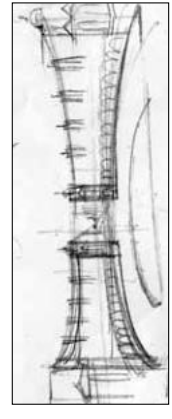

Эскизы к проекту реконструкции площади перед оперным театром Одессы

Одесса, 1950 г.

проспекте; кафе-кондитерская в г. Гатчине; торговые павильоны для центра Ленинграда...

Немало творческих сил и энергии он отдавал также разработке театральных интерьеров, декораций, оформлению улиц и площадей крупных городов. Так, им был разработан проект Театра зрелищ, получивший серебряную медаль конкурса в Монтевидео (30-е годы), в основу которого были положены архитектурные идеи начала 20-го века в России: демократизация зрелищ, царство разума, Город Солнца — лозунги, использованные затем знаменитым Корбюзье.

30-е годы в СССР, как хорошо известно, были тяжелыми и опасными. Это было время, когда в стране много строили, создавали, созидали. СССР становился крупнейшим индустриальным и культурным государством мира. И все это создавалось самоотверженным трудом миллионов граждан: инженеров, архитекторов, ученых, учителей, врачей, крестьян, рабочих, военных, артистов...

Это грандиозное государственное строительство шло, к сожалению, и всем на беду, на фоне ожесточенной политической борьбы в верхних эшелонах. В этот мрачный период нашей истории мой мудрый и дальновидный отец решил поехать по контракту в Магадан, отказавшись от заманчивых приглашений в Москву. Кроме того, работа в Магадане очень хорошо оплачивалась (в СССР вплоть до горбачевской "перестройки" при освоении Дальнего Севера зарплаты были в два-пять раз выше, чем на "материке"; кроме того, проработавшие 5-10 лет на "дальних северах" специалисты получали право на квартиры в лучших местах СССР по их выбору), а А.О. Лисенко в Ленинграде обитал в коммунальной квартире, и семья нуждалась в отдельной жилплощади.

В Магадане, куда через год приехала к мужу моя мама, поначалу жили трудно, в суровых условиях: сначала в палатках, затем в холодных бараках, где волосы примерзали к подушке. Постепенно построили дома, и семья переехала в удобную квартиру (я остался жить с бабушкой и де-

душкой в Ленинграде, пережил всю блокаду; мои родичи умерли от голода, а меня вывезли в полумертвом состоянии вместе с детским домом в Алтайский край).

В Магадане мой папа за 4 года разработал проекты: генплан города, проект планировки и благоустройства морского порта в бухте Ногаево, коттеджей для командированных, столовой, бани, хирургического корпуса, гинекологического корпуса, гостиницы № 1, 80-квартирного жилого дома с кафе и магазином; реконструкция холодильника на 15 тыс. куб. м, склады Колымснаба, склады косситерита (минерал) и др., Охотско-Колымский краеведческий музей, городской театр, морской вокзал в бухте Ногаево, стадион со зданиями обслуживания, здание управления НКВД (1939-1942)... В то время в этих далеких и страшных краях все принадлежало этому ведомству — ничего гражданского не было, там даже военного ничего не было. На Колыме совестливые вольнонаемные старались вытащить из концлагерей тех заключенных, которые подходили для "свободной" организации. Папе это нередко удавалось, и у него в отделе постоянно работали техники, инженеры, архитекторы, геодезисты из "зоны"...

После работы в Магадане А.О. Лисенко перевели в Якутск, в систему Главсевморпути. Из Магадана в Якутск папа добирался морем: через Охотское и Берингово моря, Берингов пролив, а затем, в конце навигации, Северным морским путем до устья Лены и, наконец, вверх по Лене до Якутска.

Работая в Якутске в системе Главсевморпути, отец за два года, возглавляя архитектурно-строительный отдел, разработал проекты: жилого комплекса судоремонтного завода, генплан судоремонтного завода, дома управления Горрыбтреста, столовую, механический цех судоремонтного завода...

Война заканчивалась... Наша армия еще освобождала Европу от фашистов, а страна уже начала восстанавливать тысячи и тысячи разрушенных гитлеровцами городов, поселков, заводов, комбинатов, железных дорог, вокзалов, речных и морских портов.

В 1944 году А.О. Лисенко вызвали в Государственный комитет по архи-

тектуре и строительству Совнаркома СССР и, учитывая его опыт и авторитет, предложили должность главного архитектора города на выбор — в Прибалтике (Таллин, Рига, Вильнюс), Минск, Львов или Одессу...

Поразмыслив, мой отец — умудренный опытом человек — решил: "Эти территории — сателлиты: Прибалтика, Галиция исконно тяготели к западным реалиям, будучи по сути частью Пруссии и Австро-Венгрии... И эта тяга со временем будет лишь усиливаться... А в Одессе я до войны жил и учился, здесь похоронены мои родители".

В 1945-46 гг. за время работы в Одессе под его руководством был разработан Генеральный план города (в 3-х вариантах), который рассматривался в Москве во Всесоюзной академии архитектуры, был одобрен и направлен Кабинетом Министров СССР для согласования и окончательного утверждения "украинским товарищам" в Киев. Однако, к сожалению, при активном противодействии Министерства железнодорожного транспорта генеральный план после продолжительной административной волокиты принят не был.

По основной градостроительной идее этого первого послевоенного генерального плана, наш город должен был развиваться равномерно во все стороны от "центрального ядра" — района, разрушенного во время Великой Отечественной войны, железнодорожного вокзала, и иметь четкие композиционные оси: ул. Пушкинская — ул. Пантелеймоновская, что и предусмотрел отец в Генплане 1946 г. Нужно было лишь вынести из города уже не существующий разрушенный железнодорожный вокзал, а квартал вокруг Пантелеймоновского подворья стал бы организующим центром ансамбля, новым центром города. А город строился бы от степной части в сторону порта, а не лентой вдоль бухты, как нынче, что создает большие транспортные затруднения.

В результате Одесса при "регулярной" древнеримской планировке фактически не имеет центра, фрагментарна.

Однако и в наше время в проектах реконструкции и застройки центра можно проследить воплощение идей архитектора А.О. Лисенко, хотя несколько запоздалое и довольно сложно реализуемое.

В послевоенные годы под его руководством и непосредственном участии происходило восстановление, реконструкция и реставрация зданий, разрушенных во время Отечественной войны, новая застройка Французского бульвара, Комсомольского бульвара и др. И одно из самых любимых мест досуга одесситов — полуциркульные дома, Дворец моряков на Приморском бульваре, стадион "Пищевик" (ныне ЧМП), а также здания общежитий ОИИМФ (в прошлом — Института благородных девиц) и др., 1945-55 гг.

Был разработан проект одесского морвокзала (совместно с архитектором П. Бронниковым) в стиле венецианского ренессанса. Проект участвовал в конкурсе, выиграл первую премию, однако в жизнь воплощен не был, так как в конце 50-х началась кампания против "излишеств" в архитектуре...

В Одессе он работал и дружил с архитекторами Каневским, Троупянским, Копыловым, Готгельфом, Бельчиковым, Замечеком; с Сильвестровичем, отбывшим 25 лет сталинских лагерей...

Андрей Онисимович был идеалистом-романтиком, Дон-Кихотом, для него главными были порядочность, работа, творчество — и никаких компромиссов с совестью. Как любой главный архитектор города, он испытывал давление со стороны властей, его пытались и подкупить, и запугать, чтобы он разрешил незаконные постройки (ведь Генплан — это закон). Он шел на конфликты с властными структурами, вплоть до обращений в ЦК, чем немало изумлял одесситов. И будучи главным архитектором города, и после перехода на преподавательскую работу, Андрей Онисимович не утрачивал общественной активности: работал экспертом областного и городского управления архитектуры, выступал со статьями в специальной и периодической прессе, на радио, участвовал в архитектурных конкурсах (в частности, в конкурсе на памятник Потемкинцам).

Опираясь на богатый профессиональный опыт, Андрей Онисимович Лисенко более 20 лет посвятил воспитанию архитекторов и укреплению одесской архитектурной школы. Многие годы, работая в Одесском инженерно-строительном институте и Одесском институте инженеров морско-

го флота (гидротехнический факультет), он уделял большое внимание воспитанию молодого поколения, укреплению одесской архитектурной школы. Среди его учеников: арх. М. Савулькин — автор десятков проектов в Одессе, ведущий архитектор Гипрограда; заслуженный архитектор Украины С. Гольдвар — автор застройки г. Ильичевска и других объектов; арх. С. Сержантов, долгие годы занимавший должность одесского областного архитектора; арх. А. Ексарев — профессор архитектуры, многолетний проректор Одесской академии архитектуры и строительства; арх. А. Лобков — доцент ОГАСА, автор книг и учебников по архитектуре, "Справочника архитектора"; арх. Е. Гринберг; арх. А. Донец; арх. В. Катышева; арх. А. Ланда; арх. С. Мельничук; арх. Р. Пилипчук; арх. Л. Поверина; арх. Н. Попенко; арх. В. Шевченко и др.

Андрей Онисимович Лисенко отличался ренессансной энциклопедичностью как в области знаний и умений, так и в тематике авторских работ.

Он создавал учебники и учебные пособия, писал рассказы, стихи, эссе, сценарии капустников, рисовал карикатуры; хорошо пел — со своим драматическим баритоном выступал с профессиональными концертмейстерами и певцами во время творческих встреч; был хорошим спортсменом — в молодости боролся в цирке, был гимнастом, играл в футбол, большой теннис; профессионально танцевал.

В послевоенные годы в нашем доме — доме архитектора А.О. Лисенко в Одессе — регулярно собиралась на музыкальные, художественные и театральные вечера интеллектуальная элита: К. Данкевич, З. Добродеева, Е. Кедрова, И. Гайдаенко, И. Рядченко, Г. Топуз, П. Злочевский, Л. Заднепровский, М. Бельчиков, Н. Шаповаленко, М. Замечек, Н. Каневский, А. Копылов, В. Кремляков, Л. Павловская, Т. Фраерман, Б. Тандарин, З. Зейлигер, Ю. Буяченко, О. Благовидова, А. Фоменко и др.

Истинной музой Андрея Онисимовича, его душевным талисманом, по-настоящему близким человеком на протяжении всей жизни, наполненной тяжелейшими испытаниями, выпавшими на долю нашей страны, была его жена, моя мама Тамара Александровна Лисенко.

Одесса, 60-е годы

Тамара Александровна получила три высших образования, в том числе музыкальное (вокал) — после окончания Ленинградской консерватории. С 1945 г. работала в одесском филиале "Военпроекта" инженером-конструктором (окончила Институт гражданских инженеров в Ленинграде). После окончания факультета иностранных языков Одесского государственного университета и курсов военных переводчиков на протяжении 20 лет преподавала английский язык в Медицинском институте, а затем в Высшем мореходном училище...

Умер Андрей Онисимович Лисенко 22.08.1970 г. в Одессе и похоронен на одесском Втором христианском кладбище.

В 1997 году в Одесском историко-краеведческом музее была организована выставка проектов, эпистолярных документов, фотографий, предметов быта и искусства архитектора А.О. Лисенко, приуроченная к 90-летию со дня его рождения, которая проводилась под эгидой Украинской академии архитектуры, Инженерной академии Украины, ИКОМОС (Южноукраинский филиал), Строительной академии Украины, Одесской государственной академии строительства и архитектуры, Главного управления архитектуры и градостроительства Одесского горсовета.

На доме, где он жил, по адресу Ляпунова, 9, решением горисполкома в 1997 г. была установлена мемориальная доска:

"*В этом доме жил с 1945 до 1970 гг. выдающийся украинский зодчий Андрей Онисимович Лисенко*".

Вера ЗУБАРЕВА

"Дни, которых уже не вернешь": любовь и война

Читая дневники отца

Памяти моего отца Кима Беленковича

Девятое мая... Марши, знамена, шарики — все, скорее, напоминало тогда нам, детям, карнавал. Война существовала только в книгах, учебниках, на экране, — а здесь, в жизни, было торжество, великий праздник Победы, и живые родители, молодые, как мы сегодня...

Отец никогда не рассказывал мне о войне. Конечно, я знала, что он воевал, но все это было только в сфере знания, и никогда не переходило

в сферу осознания. Во-первых, он совершенно не был похож на тех солдат, которые на экране говорили выспренним языком передовиц и становились в позы памятника героям Сталинграда. Во-вторых, у отца было замечательное чувство юмора, которое просто бы не позволило ему вписаться в военную героику того времени. Стало быть, думала я, война не была чем-то реально угрожающим моему отцу. Заблуждение мое длилось много лет, включая и годы жизни здесь, в Америке. Да, я всегда поздравляла его с этим днем, но делала это больше формально, не придавая того, особого, значения, которое этот день имел для него, и, разумеется, для меня. Только после его смерти мне открылась вся степень моего заблуждения...

Тетрадь в надорванной белой обложке, покрытой пятнами, проступившими и на страницах, напоминала потерпевший крушение корабль. Я открываю первую страницу и начинаю пробираться сквозь размытые, вольно плавающие между линеек буквы, которые постепенно складываются в слова. И слова оживают, издавая глубокий вздох, как счастливец, выброшенный из глубин океанских на берег. Тетрадь запела, зазвучала, и первыми ее строками были стихи, написанные на внутренней стороне обложки.

"*В суровых морях, в Атлантических водах,*
Где серые дни, словно волны, плывут,
Где сердце мое зачерствело в походах —
Немало испытано сильных минут.

Вот ветер крепчает, и волны, как звери,
Окутавшись пеной, грозятся бедой.
Корабль болтает, стучат где-то двери
И кажется, небо слилося с водой.

Корабль, как пылинка средь грозных громадин,
То на гору лезет, то в пропасть летит.
Надстройки и винты в ледовом наряде
И в сто тысяч флейт лютый ветер свистит".

Больше всех пострадала первая страница, датированная 1941 годом. Все же удается восстановить почти всю запись, за исключением нескольких навсегда размытых слов, отчего смысл становится еще более страшным, а картина — еще более реальной.

Из дневника 1941 года:

"Я начинаю новую тетрадь своих заметок. К сожалению, предыдущие с друзьями погибли при условиях довольно неблагоприятных (слова размыты. — **В. З.**)*, так что...* (слова размыты. — **В. З.**) *спасении тогда бы меня не было и мы...* (слова размыты. — **В. З.**) *Быть может, когда-нибудь я вспомню об этом и допишу ту небольшую тетрадочку... Сейчас мне было бы очень трудно просмотреть "дела давно минувших дней" и снова вспомнить пережитое. Но пока пора кончать мое вступление и начать, наконец.*

1941 г., октябрь. Начало ноября. Дата начала теперешней тетради. Удивительно, как изменчива судьба! "Что день грядущий мне готовит?" Однако, если об этом думать, придешь к не совсем уже утешительному выводу.

День накануне моего совершеннолетия мне, кажется, запомнится навсегда. Это было тринадцатое число. Как же ненавижу я эту цифру! Поневоле становишься фаталистом, хотя осознаешь, что это абсолютный абсурд. Я хорошо запомнил эти бледные, перепуганные, растерянные лица, рука, держащая пистолет у виска, густые клубы пара, заволакивающие всю эту картину, и судно, медленно погружающееся в воду... Картины (слова размыты. — **В. З.**) *смерти* (слова размыты. — **В. З.**).

Меня волнует отсутствие всякой связи с матерью и сестренкой. Связь с отцом была потеряна с момента его взятия в армию. Где они? Что с ними?.."

Семья же в это время, по воспоминаниям папиной сестры, моей тети Жени, бывшей тогда совсем девочкой, переправляется с обозами беженцев прочь от дома. Бегут почти налегке — самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки — одна на моего дедушку, папиного отца, который воевал в пехоте, а другая — на моего отца. Похоронки пришли в один день, и моя бабушка трясущимися руками раскрыла обе. Отец был ее любимцем, и таким остался до конца ее дней. Тетя Женя рассказывала мне, что эта любовь у них была обоюдной, хотя мне, ребенку, было трудно себе представить, что отец может любить кого-либо сильнее или так же сильно, как меня.

— Ты на нее похожа, — говорила мне тетя Женя.

Я никогда не знала свою бабушку — она умерла задолго до моего рождения, но ее портрет, который отец вывез с собой сюда, как самую большую ценность, стоит у меня на столе напротив его портрета. Мне хотелось, чтобы они всегда смотрели друг на друга, как это было при жизни от-

ца, когда он внутренним взором обращался к ней и посвящал странички своих дневников. Вместе с бабушкиным портретом он также вывез маленький обрывочек бумаги — ее письмецо, наверное, единственное, что было написано ею. В нем она сообщала ему, что купила для него новые удобные туфли, которые собиралась передать с оказией... О, мелочи повседневной жизни, как много вы можете поведать тому, кто отыскивает вас в раскопках времени!

Когда моя бабушка молча положила оба письма возле моей прабабушки, в честь которой меня назвали Верой, та поднесла их к глазам, о чем-то задумалась, а затем сказала: "Мужа не жди. Он не вернется. А Кима жди. Он жив." Каким образом она могла прочитывать тайнопись судьбы, никто не знал. Но факт оставался фактом — моя мудрая прабабка была наделена необычным даром видения (умышленно говорю видения, а не предвидения, поскольку мне чужда идея запрограммированности будущего). Кроме того, она была целительницей и умела снимать головную и зубную боль, а также высокую температуру.

Вскоре после получения похоронок вся семья отправилась в эвакуацию. Они ехали длинной и трудной дорогой, и точно такой же длинной и трудной дорогой ехал мой отец, ничего не знавший о них, и дороги эти, столь схожие, пока не пересекались.

Из дневника 1941 года:

"*Скоро Новый год. В течение двух недель я имел небольшой так называемый отдых, которым сменилось путешествие Тамань — Джимэтэ до Новороссийска на грузовике. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Как с первого взгляда кажется просто, но когда вспомнишь длинную однообразную дорогу, метель и небольшой морозец, за спиной котомку чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут еще тринадцать таких же, как и ты, то поневоле становится грустно. Как длинна и однообразна зимняя дорога! Впереди и сзади по дороге, насколько может видеть глаз, столбы*

и столбы. Столбы без конца... Сколько мыслей приходит в голову в течение этого пути! Мысли набегают друг на друга, и так же быстро, как приходят, тут же и улетучиваются из головы... Но они никак не могут заглушить основную мысль, основной вопрос, когда же дойдем, когда же конец пути?"

Очевидно, об этом же думала и папина семья, двигаясь в длинной колонне беженцев. Однажды на рассвете моя прабабушка проснулась и разбудила свою дочь и внучку. Обе недовольно протерли глаза: рано, холодно, чем дольше спишь, тем легче переносишь голод и тряску. Но моя прабабка казалась необычно встревоженной на сей раз.

— Проснитесь, проснитесь же! — тормошила она дочь и внучку.

— Что, мама? — тихо спросила дочь, еще в полусне.

— Береги Женю, слышишь? Береги Женю! Меня оставь, если что, а от Жени не отходи!

К вечеру она сделалась беспокойной, стала метаться, а потом у нее начался жар. Диагноз был поставлен почти сразу — сыпной тиф. Всех тифозных немедленно отделяли и клали на другие подводы. Перед моей бабушкой встал выбор — следовать ли за матерью или остаться при дочери. Стиснув зубы, она попрощалась с моей прабабкой, лежавшей в беспамятстве, и с делала так, как та ей с утра велела, — осталась с дочерью. А к вечеру и тете Жене стало плохо, поднялась температура, и вскоре она потеряла сознание. Очнулась только в госпитале спустя несколько дней и никак не могла понять, что произошло и где ее семья. Вскоре выяснилось, что ее бабушка умерла от тифа и похоронена где-то в братской могиле, а мать в соседней палате поправляется.

— Не плачь, деточка, не плачь, — успокаивала ее медсестра, принесшая обе вести. — Погоди, все образуется. Бог милостив — видишь, мать жива и скоро тоже встанет на ноги...

И жизнь их потихоньку стала входить в колею военных будней, ставших уже привычными. То же самое происходило и с жизнью моего отца, от которого по-прежнему не было вестей.

Из дневника 1941 года:

"*Теперь жизнь моя пошла немного более спокойно, сравнительно, конечно. Правда, это никак не назвать нормальной жизнью, но что-то приближающееся к этому. С 3 числа я поступил работать на "В". Часто бываю в клубе на танцах и в кино, иногда езжу в город.*

Некоторое время я встречался с Ш. Я познакомился с ней на танцах. Она небольшого роста, быстрая и хорошенькая девушка, к тому же хорошо танцует. Иногда после танцев или прогулок я провожал ее домой и у дома садились на скамеечке и болтали о всякой всячине. В один из таких вечеров мы пошли в турецкий сад и взобрались немного выше — в лес. Там она призналась мне в любви. Мне было неприятно осознавать, что я не испытываю подобного чувства к ней, и я, отшучиваясь, замял этот разговор. Многие парни хотели бы встречаться с Ш. Для меня же Ш. была только приятной собеседницей и хорошим партнером в танцах. В дальнейшем она поняла это. Мы с ней еще до сих пор не потеряли дружественных отношений, хотя она и встречается теперь с другим парнем. Точка и ша".

Так я с удивлением узнала, что война не отменила ни мыслей, ни чувств, естественных, казалось бы, только для мирного времени. Балансируя над пропастью, в которую обрушивались все новые и новые жертвы войны, люди, тем не менее, умудрялись вить свои временные гнезда и строить планы на будущее. "*Меня не оставляет вопрос о дальнейшей судьбе моей учебы, т. е. о дальнейшей моей судьбе*, — пишет мой отец, тогда еще 18-летний юноша. — *Что-то нужно предпринять, но что — пока для меня неясно. Финал 1941 года*". Как будто бы и не был он на грани жизни и смерти, как будто бы не рвались кругом снаряды, заволакивая будущее пылью неопределенности. Многие думали только о том, как бы выжить, он же никогда не снисходил до инстинкта. Не выживаемость, а собственное развитие, профессиональное и человеческое, ставил он во главу угла.

Его планы всегда реализовывались, его мечты всегда сбывались, и его слова всегда находили подтверждение. Едва вынырнув из-под цепкой хватки смерти, он уже размышлял о будущем и о своем месте в нем. Отец никогда не любил мыслить от шага к шагу, ему нужно было видеть картину в целом, чтобы определить свои координаты и выбрать правильный курс. Наверное, поэтому мальчик матрос и стал впоследствии капитаном.

Из дневника 1942 года:

"*The 1942! The zone* (*light*) *is in the blue sky. Very well! This morning is beautiful. This is my lay off. Редко бывают у меня такие хорошие дни, но когда они бывают, я стараюсь их использовать так, чтобы после не жалеть о пропавшем дне, чтобы это действительно был выходной день в полном смысле слова. Часто мне это удается достигнуть. К вечеру вы-*

ходного дня я иду или в кино, или к другу поболтать, а иногда на танцы. За последнее время они очень надоели. Меня абсолютно уже не тянет на танцы. Танцевальный идеал сменился другим. В это время подходит, вероятно, период, когда я должен расстаться с работой. Мне уже надоело вечное ворчание этого старого дурака капитана. Время от времени я не выдерживаю и огрызаюсь, а однажды даже поругался с ним в присутствии всей команды".

Пока его сверстники спешно хватают сиюминутные радости в передышке между военными действиями, понимая, что жизнь может оборваться в любой момент, он изучает английский, ведет дневник, читает, много раздумывает. Во всей этой суматохе войны, смешавшей судьбы и планы, он пытается найти себя, двигается дальше, не довольствуется достигнутым. И при всем при этом он остается наивным и юным. Внутренняя чистота и благородство были неизменными его качествами с молодости. Еще не испытавший любви, конечно же, втайне мечтающий о ней, он, тем не менее, понимал, что нельзя клевать на подделку, нельзя играть чувствами других. Мужественность его характера сочеталась с нежным и преданным сердцем человека, умеющего любить.

Из дневника 1942 года:

"*Пару дней назад сюда приехала группа радисток из Баку. В этот же день со мной случился небольшой конфуз — я отморозил себе правое ухо и даже не заметил, как это случилось. Ухо приняло огромнейшие размеры и немного издали напоминает блин в масле. Придется мне с ним повозиться в течение некоторого времени.*

Среди радисток, которые приехали на практику, есть пара хорошеньких, вернее, средненьких, девочек. Одна из них черненькая, небольшого роста, не знаю, правда, ее имени, мне немного понравилась. Если судить по внешнему виду, она должна быть ветреной или, быть может, она ни с кем не встречается и ради проведения времени — сегодня с одним, а завтра с другим".

Так начинается новая страница его военной молодости, которую можно озаглавить банально: "первая любовь". Уже само определение содержит зыбкость и преходящесть этого чувства: раз была первая, то будет и вторая. Отец же всегда был против подобного подхода к отношениям. Его идеалом была глубокая внутренняя связь, чтобы раз и навсегда, что-

бы штиль и девятый вал — вместе. Красоту жизни он видел в сближении двух душ, в таинстве их объединения друг с другом и вселенной. Его взгляд всегда был обращен к звездам. Даже в последний день нашей встречи, не предвещавший конца, он смотрел на бегущие облака, на приливы и отливы голубизны на горизонте, и я знала, что он ощущает себя частью безраздельного космоса...

Как бы там ни было, но и ему не удалось избежать быстротечности первой любви, вместе с присущими ей ошибками и нелепостями.

Из дневника 1942 года:

"*Познакомился, т. е. разговорился с Л. Интересно, как быстро мы сблизились! Еще вчера она была для меня почти совсем посторонним человеком, а сегодня я чувствую, что она близка мне. Это та, о которой я мельком упомянул выше. До нашего разговора я не думал, чтобы она могла быть такой, какой она показалась мне теперь. Постепенно она мне все больше и больше стала нравиться. В первый вечер я мог ее только уважать, она мне немного понравилась; а теперь — "Люблю ли тебя я — не знаю, но, кажется мне, что люблю." Да, это так. Пусть она казалась мне ветреной, пусть это даже окажется впоследствии истинной правдой, но все же несмотря ни на что I love her! Мне кажется, что и она меня немного любит. Она мне говорила об этом*".

Нет, вряд ли эта девушка, уже испытавшая хрупкость военного счастья, отдавала себе отчет в том, кого ей привелось повстречать на своем поспешном пути. По-видимому, для нее это было не больше, чем очередная игра в чувство, возможность испытать в сжатый военный срок то, что неспешно разворачивается в мирной жизни. Ее трудно в этом винить. Многие скороспелые отношения того времени подточены этой скрытой логикой смертника. Отец же ощущает этот "мир на грани распада" по-иному. Для него важен не статистический опыт, а то сокровенное и настоящее, что нельзя ни заменить, ни сымитировать.

Итак, ему 18 лет, Идут бои, кто-то уходит в плавание и больше не возвращается. Безвременные утраты частично восполняются новыми дружбами. Он переходит на другой пароход, вернее, теплоход, на котором начинает подготовку к новому рейсу. Он молод, думает о жизни, и зреющая в его сердце любовь звучит вызовом рвущимся неподалеку снарядам.

"Через день, наверное, идем в рейс. Сегодня заскочил проведать Л. Хотя я был там и недолго — обеденный перерыв, но все же увидел ее. Вечером мы с ней встретились. Она зашла ко мне... Была в каюте. Поболтали немного и я ее проводил назад. Я окончательно в нее влюбился, и если придется мне с ней расстаться, то мне будет очень тяжело это сделать".

Увы, чем больше он раскрывался ей и себе, тем сильнее проявлялась их разность. Смотрящие в небо несовместимы со стоящими обеими ногами на земле... "Непрактичный ум" отпугивает искательниц прочного счастья. Они и представить себе не могут, что именно из таких, как мой отец, и получаются те самые легендарные капитаны.

"Снова зашел на "дуб". Меня встретили ребята (*они уже знают, что я встречаюсь с Л.*) *с неприятной для меня вестью. Она как бы подтвердила мое первоначальное мнение о Л. Мне стало грустно и чего-то жаль, что я познакомился с ней. Я решил не подходить к ней, хотя она была в шести шагах от меня. Внешне я не подавал виду, что расстроен, что у меня камень на сердце, и всецело был занят каким-то пустяковым разговором.*

Я уже собирался уходить, когда мне кто-то сказал, что она просит меня подойти. Я подошел. Произошел небольшой разговор. Я ей сказал об услышанном, но она сказала, что это ложь. Короче — мы с ней помирились, и я остался ночевать у нее. Утром я ушел на судно. Мы ушли в Камыш-Бурун. Я с ней простился у парохода, когда еще шла погрузка. Наутро я вспомнил о ней, и мне захотелось ее увидеть. Я сел у столика и начал что-то чертить карандашом. У меня ничего не выходило. Только почему-то рука моя писала букву "Л", хотя я чертил сам не знаю что. Я решил написать ей письмо, но из этого ничего не вышло. Я написал только первые два слова, а потом не знал, о чем писать дальше. И как-то само собой, не замечая этого, я начал писать что-то похожее на карикатуру стихотворения. В смысле литературы оно не представляет никакого интереса, но интересно то, что я первый раз, можно сказать, нечаянно высказал свои мысли в "стихотворной" форме. Вот то, что у меня вышло.

* * *

Совсем случайно мы встретились с тобою:
Был тихий вечер, я подсел к тебе,
И этой тихою вечернею порою
Я полюбил тебя. Все было, как во сне...

Я помню: вечер временной разлуки.
Шептали оба нежные слова;
Потом пожали мы друг другу руки,
И я ушел, пока не навсегда.

И снова встретились. Я прилетел на крыльях
Увидеть милую, услышать милый глас,
Но показалось мне, что ты уж все забыла,
Что эта ночь разъединяет нас...

Но нет, клянусь, тебя я не забуду —
И как забыть мне милую любовь?
Я наши встречи вечно помнить буду
И взгляды нежные, понятные без слов".

Она превратилась в его музу, сама того не подозревая, и ее образ, очищенный от реальных черт, помогал раскрываться его творческому потенциалу. Так проходили дни и недели вдали от берега, вдали от суетной реальности. Даль размывает ухабы и неровности суши и являет только плавности ландшафта, маня моряка обманной безмятежностью. И моряк стремится к ней в своем трудном плавании, как путник стремится к горизонту.

Сколько дней проходит от одной записи до другой — порой определить трудно. Ни одна из страниц его дневников не датирована. Эта особенность его заметок разных лет поражает. Что за этим стоит? Ощущение иного, непрерывного внутреннего времени, которое адекватно первозданному космическому времени? Читаешь — словно плывешь по безбрежному морю записей, медленно перекатываясь с одной волны на другую...

Находясь в эпицентре военных действий, он, тем не менее, смотрит на войну как на нечто временное, преодолимое, словно знает, что выйдет целым и невредимым из пекла. Размышления о будущем не покидают его. Передалось ли ему это качество "видеть" по наследству от его бабушки, или просто речь идет о мужестве оставаться человеком в любых обстоятельствах?

Из дневника 1942 года:

"*Может быть, за это время ничего не происходило, о чем можно было упомянуть в моих записках? Нет, было много такого, о чем я в другое вре-*

мя непременно вписал бы в свою "летопись", но главное все же составляла тогда (да и теперь) моя любовь к Л. Иногда мне приходилось много из-за этого переживать. Даже ночью, стоя на баке впередсмотрящим, я думал о ней. Она не выходила у меня из головы. Однако из этого не стоит делать вывода, что я потерял голову. Ничуть нет. Наоборот, я решил самостоятельно продолжать свою учебу. Оставаться в дальнейшем матросом для меня было бы очень обидно. Разве для этого я восемь лет учился в школе и потратил два года в техникуме? Но пока такое время, что с этим считаться не приходится. После войны это все уладится. При благоприятном случае это может уладиться и до конца войны. В последнее время я потерял почти всех своих знакомых девушек. Они меня абсолютно перестали интересовать. Даже к старым знакомым я перестал заходить. Если бы я перестал встречаться с Л. или долго бы ее не видел, я был бы совершенно одиноким. Завязывать новые знакомства мне абсолютно не хочется".

Да, его целеустремленность только крепчала вместе с крепчающими штормами и шквалом воздушных атак. Его волевые качества особенно поражают, когда видишь, в каком сочетании с мягкостью и теплотой характера они находятся. Отец очень любил уют и всегда умело сооружал вокруг себя свой собственный мир, недосягаемый для штормов и рвущихся неподалеку снарядов. Этот мир был его крепостью, непроницаемой для внешних разрушительных стихий. Я имею в виду его внутренний дом, пристань души, которую он умело и бережно сооружал в самых неимоверных условиях

Из дневника 1942 года:

"*На море сильный ветер от NO, и мы стали на якорь из Кабардинки. В каюте тепло, и никого, кроме меня, нет. Воспользовавшись этим, я продолжаю записывать всякую ерунду в мою терпеливую тетрадь. Как приятно лежать в это время в теплой каюте, читать газету или какую-нибудь книжонку под свист ветра — равномерное покачивание судна, стоящего на якоре!*

Скоро наступит весна. Еще месяц-полтора — и распустятся почки на деревьях, и зацветут цветы. И теперь иногда выпадают хорошие теплые деньки. Хорошо в такие дни пройтись в парк или забраться куда-нибудь в лес, полежать на травке или загорать на солнце. Но это летом. Сейчас только начало, и об этом пока нечего и думать".

Следующая страница дневника — Керчь. Как хотелось бы мне знать поподробнее, кто и с какой целью отдал этот дьявольский приказ, когда судно отца было выставлено на внешний рейд и пребывало на виду у врага в качестве пушечного мяса! Несомненно, за этим крылся некий план, и, как обычно, человеческие потери не принимались в расчет. Избежав одного потопления, мой отец был опять поставлен в ситуацию, когда пришлось смотреть в лицо смерти.

Из дневника 1942 года:

"*Снова начались дни, которые я испытывал в ноябре в немного больших масштабах. Эта чертова Керчь, наверное, никогда не изгладится из памяти. Нет дня, чтобы не было налетов. Ежедневно налетают по 4-5 раз в день группами от 4 до 12 самолетов. Уже скоро кончатся снаряды для наших пушек, хотя мы начали вести огонь экономно. В это время отпадает всякое желание работать. Уже дней десять как я не брился, не снимаю даже рабочей робы до самого сна. Вчера вечером был массовый налет. Мы стояли (уже четвертые сутки!) на внешнем рейде. Весь Керченский канал был освещен прожекторами и взрывами снарядов. В воздухе стоял сплошной вой от летящих снарядов, осколков, свистящих и рвущихся бомб. Мы были в центре этого содома. В ста — ста пятидесяти метрах упали и разорвались в воде три бомбы, которые легли параллельно правому борту. Они, вероятно, предназначались для нас.*

Вчера на моих глазах сбили один самолет. Лейтенант сказал, что в этот день сбили еще одного "Фрица". Два летчика спустились на парашютах. Сегодня наш "ишак" (так называют у нас И-16) сбил тоже одного двухмоторного бомбардировщика. Однако несмотря ни на что, ни на какие бомбардировки, я все время вспоминаю о моей любимой, славной девчурке. Как хотелось бы мне снова ее увидеть! Мы уже не виделись с ней целых двенадцать дней. Это, мне кажется, целая вечность. Даже во сне она мне часто снится. (Даже сейчас, несмотря на туман, прилетел "Фриц", и я вынужден был прекратить временно свою писанину.)"

Когда тебя отсекают от мира, и будущее в любой момент грозит разлететься вдребезги, первым естественным порывом будет найти, восстановить связь времен, дабы не быть растерзанным этим свихнувшимся временем. В своей маленькой каютке, между сушей и небом, слушая разбойничий свист смерти, отец возвращается мысленно в детство, потому что детство имеет могучие волшебные корни: выкорчевать такое древо жизни

сложно даже и смерти. Возвращение в прошлое особенно характерно для минут, когда мост между настоящим и будущим шаток, и нужно закрепить свою связь с жизнью, прильнуть к ней и уткнуться в ее теплый живот воспоминаниями. Воспоминания — это мосты, связывающие быстротечное и непреходящее, смертное и вечное.

Из дневника 1942 года:

"*Иногда вспоминаешь свое детство и школьные годы. Это было сравнительно недавно, но настоящее никак нельзя сравнить с прошлым. Я помню, как в нашем большом залитом асфальтом доме собирались мы теплым летним вечером и болтали обо всем. Тут были и анекдоты, и Шерлок Холмс, и Нат Пинкертон с их ужасными и увлекательными путешествиями. Особенно в рассказах отличался Михаил Тернов, мой друг, с которым я дружил более семи лет. Он был высокого роста, немного сутулый и уже в очках от бесконечного чтения книг, которые он читал запоем. Интересно рассказывал анекдоты Володя Брейман, мой сосед, одноклассник, паренек среднего роста, плечистый. Он очень увлекался рисованием, и все рисунки нашей стенгазеты были сделаны им. Вовка Коваленко был непрочь подшутить над девчатами, веселый паренек, любитель футбола, тоже часто рассказывал, но рассказы его были из действительной жизни, и он им часто придавал юмористический оттенок. Два брата — Адольф и Эмиль — здорово отличались друг от друга. Эмиль был серьезный, хороший паренек, часто любил играть в шахматы, домино и волейбол, а Адольф — наоборот — замкнутый, хмурый, его во дворе почему-то недолюбливали.*

Много было в нашем дворе ребят и девчат (двор имел двадцать четыре квартиры), но это были основные, костяк двора. Приятно иногда вспомнить, что было хорошего совсем недавно! Эти дни уже никогда не вернутся, и я не жалею об этом. Сейчас другие дни, и если мне удастся их пережить, то тогда будет много о чем вспомнить. Ну и все пока. Уже поздно — часов десять — пора ложиться спать: завтра снова утром на работу. И, послав из Керчи в Новороссийск воздушный поцелуй любимой, я начинаю укладываться спать. Good bye!"

Образами света и веры населял он свой шаткий мир, чтобы сделать его прочным и непроницаемым для катаклизмов. Это качество осталось неизменным. Сколько я его помню, от него всегда исходила жизнеутверждающая энергия. Выражение лица можно как-то подделать, но свет, который излучает душа, подделать нельзя.

Из дневника 1942 года:

"*Да! Снова пою песнь свою. Опять с того самого места, что и в прошлый раз, я пишу свой дневничок. Мы стоим на рейде. Уже двадцатые сутки, как мы вышли из Новороссийска и, признаться, до того надоело стоять тут, что пешком бы пошел, кажется, в... куда-нибудь подальше от этой Керчи. Дня четыре-пять "Фриц" не летал над нами, и мы за это время немного отдохнули. Погода преимущественно стояла хорошая, солнечная. Мы начали красить свой теплоход. Изредка солнечная погода сменялась туманами, которые шли из Азовского моря, и тогда все были уверены, что "Фриц" не прилетит. За это время мы в Керчи достали байдарку и покрасили ее. Скоро сделаем весло и будем кататься на ней, если будут соответствующие условия. Но все это ерунда, это проза — поэзия еще впереди*".

Увы, и в этом он был прав: "поэзия" грядущей бомбежки была впереди с ее дьявольским запрограммированным ритмом падающих снарядов и обилием рвущихся из глоток зениток гласных. Каким чудом уцелело его судно, груженное боезапасами, оставленное на виду у всех, атакуемое беспрерывно в течение десяти суток? Какая игра стояла за всем этим? К сожалению, теперь вряд ли удастся это узнать.

Из дневника 1942 года:

"*Сегодня после небольшого перерыва "Фриц" сделал очередной визит. Сегодня прилетело двенадцать "Фрицев". Я побежал на бак к пушке. Там, кроме комендора, никого не было, и мы начали вдвоем стрелять. Мне показалось, что один наш снаряд попал в крыло "Фрицу", но он почему-то продолжал лететь дальше. Во всяком случае, этот самолет мы подбили. Через некоторое время с другой стороны тоже прилетели самолеты. Очень много бомб они сбросили на город, на приморскую часть. Я не понимаю, из каких соображений держат судно, груженное боезапасом, на виду у всех на внешнем рейде более десяти суток? Но мы — маленькие люди и "не должно сметь свое суждение иметь", хотя больше всех достается нам*".

О чем думает человек в такие минуты, когда принятие решений не зависит от него, когда все практически уже решено? Мой отец думал о том, что "решено" еще не означает "предрешено", и он погружался вновь и вновь в мысли о жизни, самое яркое проявление которой есть любовь.

Из дневника 1942 года:

"*И грустно, и скучно... Неужели я больше не увижу мою любименькую Л.?*

Хотел бы в единое слово
Я слить свою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

О, если б то слово печали
К тебе, дорогая, дошло!
Ты б вспомнила, как мы встречались.
Придется ль увидеться вновь?..

Да, ужасно хотел бы ее увидеть. Интересно, о чем она сейчас думает. Думает ли... она обо мне... или, быть может, уже встречается с другим... Мне кажется, что пока этого быть не может. Хочет ли она видеть меня так, как я хочу видеть ее? Черт возьми! Я действительно влюблен в нее по уши, если не до макушки.

Опять уже хоть и десять часов вечера, "Фриц" навестил снова Керчь. Одного поймали прожектора, но сбить его не смогли, и он себе преспокойно улетел спать, наверное, до завтрашнего утра. Весело. Ну, пока все. Лягаю спочивать до ранку. Надобраніч, моя люба!"

Где ты, женщина, которой посвящены эти самые поэтичные страницы военных записок отца? Я благодарна тебе за то, что твой образ, во многом придуманный отцом, стал для него светом маяка, пробивающегося сквозь месиво стихий человеческих и природных. Ты внесла упорядоченность в хаос и всплеск в затишье — и в этом и была твоя великая роль вдохновительницы военного времени.

Так шли дни за днями, приравненные по напряжению к годам мирного времени. Наконец, показался Новороссийск.

Из дневника 1942 года:

"*Город Новороссийск встретил нас не по-праздничному. 1 Мая провели в Анапе. Впервые за 22 дня мы вступили на твердую почву спокойно. Час спустя после прихода теплохода на судне не было половины команды, после двенадцати, кроме вахтенных и нескольких человек администрации, на судне не было ни одного человека. Баланс дня: четверых забрали в милицию,*

пятеро еле дошли до трапа, а остальные, за небольшим исключением, изрядно подпили. Веселый день 1-го Мая! В Новороссийск еженощно прилетают "Фрицы". Много разрушенных зданий, но это преимущественно небольшие домики. В Новороссийске Л. не увидел. Она пока находится в Батуми. Придется ли еще ее увидеть? Хотелось бы увидеть ее, и чтобы она уехала в Баку, домой. Тут плавать опасно. Ежедневно неприятные новости: "Восток", "Пушкин" и другие — покойники. Хотя и хотелось бы быть вместе, но лучше одному рисковать, чем двум. Может, после войны (если жив останусь, в чем сомневаюсь) мне удастся снова ее увидеть и принять остаточное решение. В управлении записался на курсы штурманов малого плавания, которые будут в Ростове. В списки уже занесли, но зачислят ли? Выгорит ли номер? Получил дубликат комсомольского билета. Ну, пока спешу кончать. Сейчас писал и спешил, поэтому грязно и безграмотно написано. Куда спешил, и не знаю".

"Еще прошла неделька. Как много новостей произошло за это время! Нет, я вру — прошло уже около двух недель с момента последней записи. Писать ли обо всем? И хочется, и колется. Это заняло бы много времени, и к тому же, некоторое мне не хочется, вернее, боюсь даже доверять моей молчаливой тетради. Первое — это наша встреча с Л. Как я ждал ее и как все это просто вышло! Потом они (я подразумеваю ее пароход) стояли рядом с нами, и она иногда заходила ко мне. Все практикантки уже уехали в Баку, она осталась одна. Быть может, она поедет в Ростов, куда ее хотят направить. Дальше видно будет. Тут часто попадаются знакомые. Некоторые мои бывшие соученики уже тоже многое пережили. Один из них, Н. Ш., награжден орденом Красного Знамени, другой — Г. З. оторвало руку, трое занимаются в Батуми, двое сидят, некоторые плавают, некоторые в Армии.

Наш теплоход переходит, вероятно, в военное ведомство. В общем, в ближайшем будущем должны быть большие перемены, может быть, даже решающие в дальнейшей жизни. Что именно — не знаю".

"Итак, я продолжаю. Пишу 25 мая. Это первая дата во всей моей летописи. Сижу на старом месте и пишу, откуда же и в прошлый раз. Я не знаю уже, т. е. не помню, когда у меня было хорошее настроение. Это было, кажется, во время последнего свидания с Л., да и отчего могло быть хорошее настроение? Вспоминаю: хорошего мало; настоящее — ничего хорошего; будущее — в ближайшем ничего хорошего. Немного под-

держивали настроение письма от матери и встречи с Л., но сегодня это отсутствует. Сегодня получил от мамы письмо, которое меня очень взволновало, — первая новость, и потом узнал, что Л. вчера только выехала в Ростов. Я не знаю, чем можно объяснить, что она не пришла ко мне попрощаться. Этим может кончиться наша история. Я ее очень любил, и она меня любила не меньше. Каждый вечер первое время мы с ней встречались. Чаще всего она заходила ко мне, и мы оставались в каюте вместе. Как хорошо было тогда! Потом она оставалась у меня ночевать, и мы спали вместе. У нас не было друг от друга секретов. Все шло так хорошо и вдруг сломалось. Вчера уехала в Ростов. Быть может, это и есть конец.

Четыре месяца прошло одним мгновеньем,
Настал разлуки грустный час.
И вот теперь — с каким-то сожаленьем —
Я чувствую — даль разлучила нас...

Завтра думаю писать письмо матери и немного ободрить ее. Жду письма от Л. Пока все. Писал уже только об одном. Уже 25-е мая 1942 г. Может быть, это начало".

Дождался ли он письма от Л.? Если и так, то это ничего не изменило в характере их отношений. Эта женщина имела совершенно другое предназначение в его жизни, возможно, более значимое, чем то, о котором он мечтал. Именно этой встрече он обязан первым проявлениям своего литературного дара.

"*Сколько уже времени прошло с того дня! Сегодня 11 сентября, т. е. уже прошло три с половиной месяца. За это время произошло очень много перемен*".

Но об этих переменах мы уже никогда не узнаем. Следующая запись датирована 1944 годом, о чем он попутно, вскользь, упоминает в середине записок. Там, в мире его дневников, время по-прежнему не дробится. Девушки Л. уже нет, но грусть то ли по ней, то ли по пережитому все еще витает на страницах, не разделенных датами. Любил ли он ее, была ли она просто той кромкой берега, тем пристанищем души, оглушенной разрывами бомб и требующей отдохновения в мечтах, — навсегда останется предметом наших догадок. Как они расстались — не доверено страницам днев-

ника. Известно только, что он потерял свою первую любовь. Жизнь, как война, не обходится без потерь.

Последняя запись в дневнике военных лет посвящена матери, дому, а также тем дням "тревог и волнений", о которых он писал в стихах, помещенных на обложке тетради.

"Сколько дум передумано, сколько мыслей прошло
Под унылое пение ветра, под волны монотонный напев...
Надо мной небо вечно туманное и седой океан подо мной.
О тебе лишь мои все мечтания, о любимой, желанной, родной.

Не пройдет наша молодость зрелая —
Прочь вы, черные думы-ужи.
И не плачь ты, пурга озверелая, —
Слышишь?! В сердце огня не туши!

Знаю, все преходяще — желания,
Радость дружбы, блаженство любви,
Тайны бывшие станут нетайными,
Страсти стихнут, угаснут мечты...

И быть может, под старость забвение
Будет в том, что порой вспомянешь
Эти дни — дни тревог и волнений,
Дни, которых уже не вернешь..."

Из дневника 1944 года:

"Вчера было грустное настроение. Все время вспоминал о матери, сестре, и захотелось мне просмотреть мой дневник, вернее, записки, которые я писал в 1941-1942 г. Они навеяли на меня воспоминания. Вспомнились бомбежки, обстрелы, рейсы, уходя в которые, часто не надеялся возвратиться в родной. И в нем же я снова прочел, что неразлучно со мной во всех невзгодах, во всех скитаниях была семья, в особенности славная, постаревшая, наверное, за это время, но в тысячу раз ставшая ближе ко мне за время разлуки мать.

Дорогая мама! Образ твой всегда стоит у меня перед глазами. Как хочется увидеть тебя счастливой среди нашей семьи! Пароход уходит в рейс. Таможенный досмотр окончен. Формальности также. Я сижу за

столом в небольшой, но уютной каютке. Вокруг полная тишина, и тараканы ласково улыбаются на потолке. Сейчас вечер, поздний мартовский вечер 1944 г. (...) Что будет?"

Я останавливаюсь на этой последней записи и тихо приоткрываю дверь в его каюту. Он не видит меня и ничего обо мне не знает. И я не могу рассказать ему о его будущем, потому что таков закон. Это обоюдно: он не может узнать о том, что будет, а я не могу узнать о том, что было. До поры до времени, конечно. Но на какой-то миг наши времена пересекаются, и он вдруг поднимает глаза и улыбается мне из тумана, и я тихо поздравляю его с грядущим праздником Победы, о котором он пока не знает, но веру в который я вселяю в него в этот миг, я — его Вера.

Владимир КАТКЕВИЧ

Одесский след в Приэльбрусье

Искатель фумарол

— Ежедневно сейсмостанции регистрируют в Приэльбрусье толчки до трех баллов, а иной раз трясет и по несколько раз на день, — говорит Сердюков, отхлебывая чай из чашки с силуэтом двуглавого Эльбруса. — Уже обнаружены четыре локальных точки повышенной температуры. Все четыре температурных пятна расположены на разломах земной коры. Это подтверждают снимки из космоса.

Ветераны альпинизма, приехавшие 4 августа на 60-летний юбилей украинского лагеря "Эльбрус", находят тревожные точки на самодельной карте. Карта скопирована с немецкого оригинала, провисевшего на Приюте одиннадцати чуть ли не до семидесятых.

— Наблюдаются не только температурные скачки, но и подвижки земной коры, — Сердюков поигрывает расклепанным крюком с германским клеймом, правда, без свастики. — Над проблемой работают четыре института Российской академии наук: геологии, географии, физики Земли и геофизики.

Для патриархов одесского альпинизма вражеский крюк не диковинка. Они не только крюки находили, но и немецкие консервы, вкусные были консервы. В каждом камне мерещилась торчащая из-под снега голова покойника. Первые сборы украинских альпинистов организовывали в 46-м, стартовали из руин дома отдыха работников культуры БАКСАН-РОТ-ФРОНТ, своей базы у УССР тогда еще не было.

— Ледники чуть ли не наполовину укоротились, — огорчаются. — Вон от Кашкатау меньше половины осталось!

Из летнего кафе на берегу речки Адыл-Су виден грязный язык ледника Кашкатау на сером, припорошенном пылью фоне — ослепительно белые лоскуты — ночью выпал снег.

Говорят, ледники отступают метров на 10 в год, поэтому, наверное, пришло время корректировать и точную немецкую карту. Завидно держится только Шхельда, увековеченная в "Вертикали" Говорухина. Ледник от таяния защищает слой обрушившейся на него породы с валунами, галькой, цветами и даже низкорослыми, как в тундре, кустарниками.

— Вот здесь, под языком Большого Азау, я обнаружил фумаролу, вытаину. Образовалось целое озерцо талой экологически чистой воды, — Сердюков показывает точку на карте.

Планируют бурить в леднике вблизи Кюкюртлю-Колбаши скважину на глубину свыше 100 метров, чтобы экстраполировать запасы термальных источников. Скважина пронзит слой ледникового периода, что особенно его как ученого воодушевляет. Буровую установку доставят вертолетом.

Сердюков пакует в рюкзак американские датчики, провода, самописцы. Завтра он потащит 15 килограмм этого добра на Эльбрус к Скалам Пастухова и выше. Пятого августа приборы были установлены на высоте 5600 метров у Восточной вершины, где меньше шляется групп. Пока датчики не крадут, как, скажем, эльбрусскую жерству.

Иван Иванович Сердюков, доцент единственной в РФ кафедры чрезвычайных ситуаций Кабардино-Балкарского университета.

Ветераны Ивана Ивановича уважают за то, что он не только человек науки, но и гор. С 91 по 92-й, когда лагерь утратил статус украинского, отставной ракетчик Сердюков был директором лагеря "Эльбрус". Соседние базы пустовали или вовсе пребывали в запустении, а "Эльбрус" цвел палатками. Считает, что ехали на фамилию. Не только, думается, "на фамилию" добирались перекладными энтузиасты из Киева, Одессы, Харькова, чьими руками этот лагерь благоустраивался, обихаживался и развивался с памятного 47-го года.

— Когда же прогнозируется извержение Эльбруса? — спрашиваю напрямую.

— Цикличность вулканической активности в районе — примерно 100-101 год, — отвечает спокойно, видимо, привык к мысли. — Период определен по отложениям пепла с Эльбруса в Волгоградской области. Поэтому извержение или локальный выброс ожидается примерно через год. Даже если произойдет таяние ледников, сметет многие поселки, и изменится климат в регионе.

Он напяливает рюкзак и шлепает в сторону Эльбруса. А хозяину сезонной харчевни звонят по сотовому.

— Мы на Эльбрусе, — сообщают. Вой ветра слышно. — Эльбрус Муратович, ты часикам к двадцати пяти приготовь ужин при свечах на трех персон: усиленный лагманчик, шурпу, то, се, ты знаешь. Чтоб все путем.

— С горой вас! — Эльбрус знает, что раньше трех часов ночи джип с экстремалами не приедет, но идет к вагончику-кунгу, где кухня.

— Я все равно схожу на Эльбрус, — срывается ветеран Анатолий Саввич, разговоры его будоражат.

— Зачем тебе это надо? — Николай Францевич, его ровесник, гневно машет разборной лыжной палкой. Палку он использует и для опоры,

до тривиальной инвалидной клюки не опускается. — Там сейчас людей, как на Дерибасовской!

— А я все равно не пойду, у меня после Джан-Тугана ботинки мокрые.

Джан-Туган — в переводе "хороший парень".

Давка на Эльбрусе

На конечной станции третьей ветки эльбрусской "канатки" "Мир" столпотворение, в бочках-домиках еще и живут, путевочных диогенов кормят, остальные завидуют. Группы, экипированные в высокие непромокаемые ботинки стоимостью в 300 долларов, пробираются вереницей к фундаменту Приюта одиннадцати. Одни скользят, падают в кроссовках, а другие, как циклопы, скачут с горы на титановых "кошках". По леднику, выедая промоины и обнажая трещины по флангам, несутся потоки талой воды, но народ не сдается, прет с напором. Американцы шлепают с темнокожими, как в экспедиции Роберта Пири, к полюсу.

— Кур-р-рва-а-а! — кричит обессилевший паренек из Кракова. Автор к нему "сел на хвост", легче подниматься след в след. "Ратраки", похожие на трактора тяжелые гусеничные снегоходы, носятся взад-вперед, размалывая натоптанные в снегу цепочки следов. За 450 долларов "ратрак" доставляет интуристов, минуя похожий на ярмарку Приют одиннадцати, чуть ли не до седловины, где они теряют сознание, так как в спешке и нетерпении не прошли ступенчатой акклиматизации. Поверженных эмчаэсовцы стропят, как на лесоповале, и волокут сначала ниже, потом грузят в "акью", пластмассовое корыто, — оживление поставлено на поток. Наши не смирившиеся со старостью "снежные барсы" экономными шажками топают к Скалам Пастухова. А им в лицо выхлопы "ратраков" — дым в чистом да еще разреженном воздухе особенно вреден.

Имущественное расслоение достигло вершины Эльбруса. Товарищей богатых иностранцев смущают вздутые банки, и они их выбрасывают. А наши студенты подбирают и пользуют, пенсильванская тушенка сытная, сам отведал. Банки же вздуваются от разрежения — у загрангостей пробелы в азах физики.

Вообще, многие услуги ориентированы исключительно на иностранцев. Перед рестораном "Сакля" в устье Адыл-Су западные покорители вершин с приятным удивлением читают строфу Высоцкого, которую в переводе переврали: "Only mauntains can be better than mauntains". Горы все же девственнее и честнее, чем восходители, оседлавшие "ратраки".

Это у нас альпинизм был массовым, когда в магазине "Динамо" на Советской Армии продавались ботинки-"вибрамы" за десять рублей (кстати, хорошие ботинки были!), а на Западе альпинизм элитарен, как яхтинг или дайвинг.

Как-то нынешний президент федерации альпинизма Украины Валентин Симоненко, еще будучи мэром Одессы, оказался в Марселе, где встретился с мэром города-побратима Морисом Эрцогом, покорителем первого восьмитысячника Аннапурны.

— У нас в Домбае есть вершина, названная в вашу честь, пик Эрцог, — подбросил наживку Симоненко.

Морис Эрцог растрогался, хотя вершина так экзотически названа совсем по другому поводу. Есть в Приэльбрусье растение, что-то вроде чертополоха, название на местном диалекте немного исказили, и французский прононс с уважением прижился. В разговоре Симоненко намекнул на то, что одесские альпинисты были бы благодарны за спонсорскую помощь. Глядишь — еще бы какой семитысячник нарекли в честь покорителя Аннапурны. Или барельеф за облака приволокли, тем более что опыта транспортировки бюстов вождей не занимать.

— Если деньги есть, то альпинизмом занимаются, — отрезал Эрцог. — Если нет, то ждут их.

Тем не менее, несмотря на выхлопы и суету, дуэт отважных одесских барышень в составе Валентины Семенюк ("Снежный барс") и Веры Митюхиной благополучно достиг Западной, подконтрольной МЧС вершины Эльбруса. Валентина Семенюк покорила Эльбрус дуплетом, то есть дважды за сезон, причем с интервалом в неделю. Последнее восхождение было 16-м.

Кто-то из одесских ветеранов не ступал на ледяной купол Эльбруса лет двадцать, другие и того больше. Огорчались, что 16 августа 1998 года сгорел Приют одиннадцати, запечатленный на наивных любительских снимках, сделанных когда-то всепогодной "Сменой". Кстати, среди одиннадцати участников, облюбовавших место у скал для бивуака, в июле 1909 года вместе со студентами московского университета были и харьковские студенты.

"Надо ехать, Борис!"

Они тоже были студентами, когда в 47-м ехали столбить свою территорию. Из Киева добирались товарняком недели две, на открытой платформе разбили палатки, там же стояла полуторка. Везли абсолютно все: лопаты, топоры, стройматериалы. Когда радиатор полуторки перегревал-

ся, воду доливали из Баксана. Вода, кстати, в этих краях мягкая, ее, родниковую, и сейчас заливают в аккумуляторы.

Жили на морене, постелив под палатки лапник. Раньше здесь было отстоявшееся озерцо, и потому донимали комары. Курс в единственном стационарном строении, имевшемся в наличии, читал преподаватель киевского института физкультуры Михаил Тимофеевич Погребецкий, глубоко интеллигентный человек, член Географического общества СССР. Зачастую подготовку альпинистов поручали людям науки. Погребецкий первым поднялся в начале 30-х годов на Хан-Тенгри, спускались через сопредельную китайскую территорию. Экспедиция еще и уточняла в труднодоступном районе госграницы. В войну Погребецкий носил военную форму и обучал навыкам альпинизма бойцов в Алма-Ате. Среди наставников на Адыл-Су был боец подразделения, снимавшего с вершины Эльбруса немецкий флаг со свастикой. Командир роты егерей дивизии "Эдельвейс" капитан Гросс водружал флаг, правда, ненадолго, а этот самый инструктор снимал. Делилась мастерством с новичками и одесситка Хана Сауловна Лернер, она в 30-е участвовала в памирских экспедициях легендарного Александра Владимировича Блещунова. Лернер была в составе бюро секции альпинизма при одесском спорткомитете.

После занятий в охотку осушали болотце, корчевали пни, скатывали валуны, освобождая горизонтальную площадку для будущего лагеря. Поваленные деревья старались за ночь сжечь, чтоб не было неприятностей. Среди пионеров украинского лагеря целая колония одесситов: Виктор Лифшиц, Илья Люцин, Валентин Циркович, Олег Санин, Борис Британов.

— Кормили прилично, — вспоминает Борис Архипович Британов. — В основном, варили каши, но лакомились и лендлизовскими консервами, беконом, югославским морковным джемом. В качестве добавки на ужин выставлялась кастрюля манной каши, залитой киселем.

Только в 48-м отменили карточки, но слушатели не голодали. Вместо спальных мешков на первых порах использовали конверты для раненых. К концу курса небо обложило, дождило, и Погребецкий предложил Британову остаться на второй цикл, еще на 20 дней, где отрабатывалась методика преподавания. После окончания цикла Борис Архипович "сделал два перевала за двое суток", получил звание инструктора и надолго связал свои отпуска с лагерем "Эльбрус". С 47-го по 63-й регулярно выбирался сюда на 2-3 месяца. Привязанность не нарушилась, даже когда стал начальником отдела, он станкостроитель. Дело в том, что строго выполнялось постановление, подписанное Иосифом Виссарионовичем, согласно

которому инструкторам альпинизма производство было обязано предоставлять 2-месячный отпуск без содержания. Как беременным женщинам. Потому директор предприятия вызывал Британова и ответственно благословлял:

— Борис, надо ехать!

Борис Архипович для вида вздыхал и шел с желанием покупать плацкартный билет. Если оклад инженера-конструктора первой категории составлял 160 рублей, то будучи командиром отряда в учебно-методическом центре "Эльбрус", Британов получал 180 целковых. Да еще бесплатно питался и смотрел кино "Семеро смелых". И разумеется, с него не вычитали за порчу снаряжения. Снаряжение выдавал и списывал неугомонный романтик дедушка Ноякс, в зимнее время проживавший в бельэтаже на Ланжероновской, в этом доме сейчас гостиница "Моцарт".

Близ лагеря находилась скальная лаборатория с различными формами рельефа, ее застолбил австрийский энтузиаст Густав Иванович Дербль. Еще до войны с группой австрийских коминтерновцев он бежал от режима Гитлера в СССР. Австрийские антифашисты еще до войны покорили на Кавказе несколько "белых" вершин, их участие даже было отмечено в географических названиях. Так вершину близ Домбая назвали пиком Австрийских альпинистов. Пик Гермогенова до войны обозначался пиком Шутцгунд, в честь австрийского антифашистского движения. Как и большинство коминтерновцев, Густав Иванович мотал срок, на лесоповале потерял руку. После реабилитации в 50-е работал инструктором-сторожем на базе МВТУ им. Баумана. Любил наблюдать за карабкающимися фигурками на шпице (скале) Густава, названном в его честь.

Крючья бы делать из этих людей

В 61-м Британов выполнил норму мастера спорта. Почему вождь народов, большой друг моряков, авиаторов, а теперь еще и альпинистов, пестовал восходителей?

— Чтобы с помощью высокогорной селекции воспроизвести генерацию людей, которым органически необходимо преодоление на грани возможностей, — рассуждал инструктор с соседней турбазы "Шхельда". — Таким аполитичным дурные мысли в голову не лезут.

Кстати, на базе "Шхельда" работал инструктором легендарный Михаил Хергиани, и кушал кашу из концентратов Владимир Высоцкий, когда Одесская киностудия снимала на леднике фильм "Вертикаль".

По разумению инструктора, получается, льготы жаловали, чтоб из этих отчаянных людей делать крючья с проушиной, которые скалолазы вбивают для страховки в трещины. Думается, все же наставник из "Шхельды" погорячился, и рассуждения в адрес переразоблаченного товарища Сталина искусственны. По инерции мышления. Минувшая война показала, что подготовка советских горных отрядов оставляла желать лучшего, не говоря уже об экипировке, пеньковых веревках на десять душ и так далее. На ногах вмерзших в лед Марухского ледника трупов были обмотки, у многих переломаны лодыжки, раненые просто коченели, не дождавшись помощи. Просто друг альпинистов учел протяженность горных границ шестой части суши и принял меры для массового развития военно-прикладного вида спорта.

К тому же яростное развитие спорта вообще в молодых соцстранах поощрялось на государственном уровне (вспомните успехи Кубы или ГДР), и особенно массовых видов, к которым относится горный туризм, в частности. В пятидесятые в Кабардино-Балкарии толпы волокли на вершины пудовые бюсты товарища Сталина... который отлучил балкарцев от исторической родины. Такие массовые восхождения сродни чем-то массовым заплывам через Хуанхэ. В трудные годы региональным профсоюзам на развитие альпинизма отпускались средства, и немалые, они использовались по назначению, времена были строгие. Восходители же, в свою очередь, благодарно нарекали безымянные вершины в честь обществ и организаций. С тех пор есть в Приэльбрусье пик Профсоюзов, "Локомотив", перевал ВЦСПС и гора Физкультурник.

Обитателям лагерей приходилась доплачивать всего лишь по 17 рублей за путевку, остальные расходы брали на себя отраслевые профсоюзы, спортивные общества. В июле же этого года на сборы в лагере "Уллу-Тау" каждый из сорока одесситов раскошелился на дорогу с пересадками (прямой летний поезд Одесса-Кисловодск отменили) по 350 долларов. Оно и понятно, за регистрацию надо уплатить в эквиваленте 25 долларов и за каждое восхождение презентовать инструктора двадцатью долларами — во как! С инструкторами списываются заранее. Участникам повезло, потому что в этом лагере курс обучения бесплатен, иначе расходы бы зашкалили за 500 "зеленых". Если добавится еще одна пересадка, думаю, все равно одесситы поедут с неудобствами. Так что, цепочки одесских следов не успеют замести капризные верховые метели.

За полвека украинская школа инструкторов взрастила целую плеяду инструкторов и мастеров. В 53-м в первый раз и навсегда был очарован та-

мошними красотами одессит Эдуард Вайсберг. С тех пор уже более сорока лет мастер спорта Эдуард Миронович Вайсберг приезжает ежегодно на сборы, где всерьез, а не формально благословляет на восхождения группы. Индивидуализма не признает принципиально.

Неучтенные маршрутно-квалификационными комиссиями гордые одиночки так же неучтенно и пропадают. Скорбными табличками о погибших пестрят скалы на пути к ледяному гроту "Улыбка Шхельды". На латунной пластине в память погибших в 2005-м Марты Рогальской и Мирослава Савицкого выдержка из псалма латынью: "Бог забрал ваши души себе, а тела оставил здесь!".

Говорят, "черные альпинисты" потом бродят по ущельям без страховки, мертвым страховаться поздно. Только по официальным данным, в прошлом году на Эльбрусе погибло 28 человек, так что спасателям работы невпроворот. Для сравнения: на всех горных системах СССР ежегодно погибало в среднем 18 спортсменов.

Розыгрыш Говорухина

Эдуард Вайсберг помнит, как десант Одесской киностудии высадился на Баксане для съемок фильма "Вертикаль". Курс, рассчитанный на 20 дней, инструкторы Мария Готовцева и Анатолий Сысоев прочитали за декаду. Накануне зачетного похода кинематографистов случилось несчастье в группе ЦСКА, при восхождении отслоившейся плитой раздавило Виктора Живлюка.

— Мне осталось жить 5 минут, — прошептал Виктор, бледнея на глазах, он был врачом экспедиции.

Высоцкому разрешили остаться в лагере, чтобы "по-свежему поработать".

При зачетном восхождении Лариса Лужина угодила в расщелину. Когда вернулись, Говорухин на койке Высоцкого обнаружил листок с текстом: "Мерцал закат, как сталь клинка...". Самого автора и исполнителя обнаружил в холле, конечно, с гитарой. Обрученные с вершинами актеры воспринимали написанные всего за шесть дней песни тоже по-свежему.

— Ее все поют на маршрутах, могу воспроизвести припев, — разыграл Высоцкого Говорухин. — Может, ты когда-то слышал, и в подсознании запечатлелось?

Высоцкий даже изменился в лице.

За время съемок, вспоминают, Высоцкий не сказал ни одного резкого

слова. Когда получал жалованье, шел с Толей Сысоевым на почту отправлять алименты. Зарплату, кстати, выплачивали с перебоями, коллектив был наэлектризован, в Терскол даже приезжал усмирять бунт директор Одесской киностудии Збандут. Умываясь утром в речке, Высоцкий уронил обручальное кольцо — палец от холодной воды сжался. Так что уезжал, "оставляя в горах не только сердце", но и колечко из драгметалла.

Одесских ветеранов альпинизма, приехавших на торжества, некоторые эпизоды фильма в свое время откровенно потешали. Например, мучения изголодавшегося восходителя, который не мог открыть без ножа консервную банку.

— А ледоруб для чего? — говорит Анатолий Саввич Романенко. — Крючья, в конце концов, есть.

— Валя Симоненко открывал банку крюком и порезал руку, — вспоминают.

Золотой песок советского альпинизма

Если Гималаи называют самым высокогорным стадионом, то Приэльбрусье в Великую эпоху обозначали полигоном восходителей, после которого можно было замахнуться на семитысячники Памира и Тянь-Шаня. После покорения 5-ти советских семитысячников присваивалось звание "снежный барс", и барс имел право мечтать о Гималаях. Вероятность зачисления в загранэкспедицию была еще меньшей, чем, скажем, выигрыш электробритвы "Харьков-2" по всесоюзной лотерее.

Но все-таки путевку в большой спорт украинским альпинистам давало Приэльбрусье, с конкретной географической привязкой к учебно-методическому центру "Эльбрус", который расположен на слиянии коротких горных речек ледникового происхождения Адыл-Су и Шхельда.

— Украинские медали начинались отсюда с 1983-го года, — сказал на торжественной линейке Мстислав Горбенко, одессит, старший тренер национальной сборной Украины.

Подготовленная им команда украинских альпинистов 9-го мая 2007 года, подтвердив свой высокий класс, поднялась без кислородных аппаратов на вершину Гимал-Чули, восьмитысячника в Гималаях, пройдя впервые в истории мирового альпинизма проблемную северо-восточную стену.

Все участники последней гималайской экспедиции тоже начинали с лагеря "Эльбрус",

— Он был и остался на 95% украинским лагерем, — подчеркнул Валентин Симоненко, председатель Счетной палаты Украины, президент альпклуба "Одесса". — Поток спортсменов из Украины, не избалованный снежными пиками, не уменьшился.

— Эти перевалы и ледники политы кровью и потом украинских альпинистов, — напомнил Владимир Моногаров, профессор, доктор наук, многие годы возглавлявший Федерацию альпинизма Украины.

В последних июльских учебно-тренировочных сборах в Уллу-Тау участвовало 40 одесситов. Пробным заоблачным камнем, как и раньше, осталась вершина Гумачи — "Хоть плачь, хоть кричи, отведут на Гумачи".

Ориентир — рукомойник

В 52-м украинский УТЦ "Эльбрус" сменил хозяев и был преобразован в лагерь "Шахтер". Передача его состоятельному профсоюзу работников угольной промышленности (министерство тогда находилось в Донецке), сказалось благотворно, значительно увеличилась территория. В 58-м в связи с реорганизацией ВЦСПС лагерь снова переименовали в "Эльбрус".

Нынче на воротах лагеря написано: "ООО "Учебно-методический центр "Эльбрус" ОАО "Кабарбалальпинист". По слухам, 15% акций принадлежат профсоюзу Кабардино-Балкарии, 10% — профсоюзам центрального аппарата, остальное — Фонду госимущества РФ. По другим слухам, землей уже владеет директор лагеря.

— Почему бы украинским профсоюзам посильно не поучаствовать в хозяйствовании, приобретя часть акций? — заикнулся один из местных хозяйственных руководителей. — Ведь была бы взаимная польза.

К тому же, говорят, существует документ времен 58-го года, где четко сформулировано, что украинский лагерь "Шахтер" с территорией и имуществом передается в "бессрочную собственность пожизненного пользования".

Вот уж поистине, хорошо там, где нас нет! Местное руководство видит, что украинские альпклубы проявляют внимание к центру, причем чуть ли не на государственном уровне. "Главный счетчик Украины" Валентин Симоненко наведывается по мере возможностей, так Валентина Константиновича обозначил в приветственной речи директор центра Курман Наниев. Симоненко подарил руководству кофейный сервиз с одесской монограммой. Опять же, дорогой автобус "неоплан" привез одесских ветеранов на

юбилей. Известно руководству лагеря, что 16 ветеранам оплачено проживание и питание. Спонсировал бывший инструктор-методист, а ныне известный в Одессе бизнесмен. На базе "Эльбрус" об этом, разумеется, знают.

Замечают и старожилы, что база не развивается, только поддерживается по мере сил. Сгорела столовая, построенная альпинистами, где питался Британов, исчезли еще несколько построек. Трапезничают же сейчас в помещении учебных классов, где начинающим восходителям читали обязательный 20-дневный курс теоретической подготовки. Спасибо новым властям, что территорию не разбазарили, что на месте бывшей морены не столбятся ударно элитные термитники, как наблюдаем в Отечестве. Это тоже одна из загадок.

Но умывальник за крытым спортзалом раскурочен, не работает. Тем не менее, ориентируются почему-то именно на этот неработающий источник. Когда объяснить, как пройти, непременно привязываются к водопроводу.

— Вы знаете, где кран? — справляются.

Так обычно в Одессе наседают:

— Вы знаете, где оперный театр?

Шизофрения в барокамере

Однако прецеденты подписания межгосударственных соглашений "О признания права собственности одного государства на территории другого" имели место, и как это ни дерзко выглядит в новейшей истории, прецеденты успешные. В восьми километрах от УТЦ "Эльбрус" находится Международный центр астрономических и медико-биологических исследований при президиуме Академии наук Украины. Украинский центр столбил в 30-е киевский академик Николай Николаевич Сиротин. Тогда же присмотрели и площадку для астрономов на высоте 3150 метров, где сейчас находится украинский телескоп с двухметровым зеркалом, один из самых высокогорных в Европе (!). В обсерваторию нынче настоящее астрономическое паломничество.

Украинские ученые наблюдают изменения на клеточном уровне, которые происходят в условиях высокогорья, и исследования их выглядят вообще революционно. Например, на высоте более двух тысяч метров прорастают... кровеносные сосуды-капилляры. Общеизвестно, что среди горцев больше долгожителей, но вместе с тем у них развивается иммунодефицит, замечено, что дольше заживают раны. Еще при Сиротине на станции ус-

пешно лечили сахарный диабет, астму, шизофрению. По этому поводу у украинских ученых в ходу анекдот.

Шлепают на Эльбрус туристы. На Приюте одиннадцати стайка в больничных пижамах греется на солнышке. Выражение лиц, понятное дело, отсутствующее. Как у персонажей фильма "Полет над гнездом кукушки".

— Это, правда, что здесь лечат шизофрению? — интересуются горные путники.

— Да.

— А где же больные?

— Поднимитесь на второй этаж, там как раз ученый совет.

Второго этажа на приюте нет, как и третьего, сгорели, не сохранились, а вот украинский центр в очень "вкусном", лакомом для застройки месте на берегу Баксана отстояли.

— Благодаря настойчивым действиям двух академий, РФ и Украины, удалось продвинуть идею создания международного центра, — говорит заместитель директора по научной работе Владимир Портниченко.

Борьба за 2 заоблачных гектара обсерватории, еще за 2 прибрежных гектара с барокамерой и 16 соток долгостроя в поселке Эльбрус длилась без малого 3 года. Несмотря на то, что российские коллеги были кровно заинтересованы во взаимовыгодном научном тандеме, местные судебные инстанции упорно не хотели признавать право собственности одного братского государства на территории другого. Выдержали 16 судебных разбирательств, они происходили на фоне участившихся нападений на российские маяки в Крыму. И только в июне 2006-го было принято решение Апелляционного суда РФ в пользу Украины, причем неожиданно. Если бы этого не произошло, то при демонтаже от украинского телескопа стоимостью в 18 миллионов гривен остались бы "дрова".

— Центр выдержал 16 проверок контролирующими органами, начиная от "Котлонадзора" до ФСБ, и надо полагать, шестнадцатая не последняя, — говорит директор украинского Владимир Тарадий.

Местное население будоражат слухи о том, что украинские медики якобы берут у местных добровольцев донорскую кровь и переправляют ее в Киев. Вот до какого абсурда доходит!

Среди добровольцев, которых заточили в барокамере центра, было целых две команды, нацелившихся в Гималаи: Украины — во главе со старшим тренером национальной сборной Украины Мстиславом Горбенко — и Краснодарского края. Ребята вместе и на памятной фотографии, висящей в лаборатории. Чем это не пример разумного сотрудничества?

Изменения на генетическом уровне случились и у населения, которое увлеклось альпинизмом, самым духовным из всех видов спорта, он особняком, как духовная музыка. Так что, с легкой руки товарища Сталина воспроизведен таки морозоустойчивый вид одержимых преодолением горных препятствий граждан. Они до сих пор стоически преодолевают контрольные пункты на границах. За собственные деньги, чтобы увидеть еще раз "Улыбку Шхельды", так называется поляна перед ледником, где теребил струны Высоцкий.

Разумеется, увлеченных людей в Отечестве всегда хватало, но следует принимать во внимание и международное признание достижений, наконец. Причем не позавчерашние, сдобренные причитаниями о потерянном, а свежие сводки трехмесячной давности. Чуть ли не стратегическим туристским ресурсом являются белые пятна на карте государства Непал, их осталось мало, и многие экспедиции облизываются, глядя на эти девственные пики. В королевстве не топтанные "кошками" возвышенности берегут, как говорится, на черный день. Еще в 2000-м Мстислав Горбенко и Валентин Симоненко присмотрели с вертолета непокоренную классическую вершину, разумеется, с неприступной стеной. В 2006-м, наконец, было получено "добро" от его величества короля Непала династии Бхавандра, украинцам таки жаловали "белую" вершину. А ведь для высокогорного Непала это все равно, что растамповать нефтяную скважину. Чем это не признание?

Конституция и национальное достояние

Нынче в мировом альпинизме наметился явный уклон в сторону индивидуализма, скалолазания в галошах по красноярским столбам, а пляжный коллективный волейбол не в почете. Потому и сетует старший тренер национальной сборной Украины Мстислав Горбенко, что "укоротилась скамейка запасных". А с другой стороны, одолевает технический альпинизм. Например, во Франции крюки в скальные стены вбиты с расчетом трех типоразмеров: "Икс-эль" и так далее, как шмотки. Только примерься — и вперед!

Что будет дальше? Будем приглашать китайских инструкторов, не подверженных вирусу индивидуализма? Но наши доморощенные пока произрастают по неистребимому закону генетики, они поджарые, за свой счет мотаются в Форос на тренировки, пока Америка борется с ожирением.

Эти люди — национальное достояние, как телескоп вблизи Чегета,

и потому в соответствии со статьей Конституции Украины "О национальном достоянии" это исключительное обстоятельство надо учитывать. И финансировать целево. Для очевидной пользы государства.

Навряд ли стоит оспаривать принадлежность морены, ссылаться на ветхие формуляры профсоюза работников угольной промышленности, что в Донецке, претензии только нарушат хрупкий баланс отношений. Но дружить, искренне, конструктивно, щедро, последовательно с дирекцией нынешнего ООО "Эльбрус" крайне необходимо. В одной проверенной десятилетиями связке продолжать первопрохождение, ведь по "белому пятну" пробираемся, потому что даже когда есть страховка, "порхать" крайне неприятно, это вам подтвердит любой срывавшийся альпинист.

Когда автобус "неоплан" снимался обратным курсом на Одессу, киевляне, прижившиеся по бедности рядом в палаточном лагере, утирали слезы.

Эльбрус Муратович помахал вслед из сарая-кухни. На фронтоне было написано: "Лучше гор могут быть только горцы". Еще, пожалуй, покорители гор, головы которых обсыпаны сединой, как гордые пики долины Шхельды. С их ветеранским участием полезно было бы проводить ремиссии впавших в уныние жителей равнин. В разреженном воздухе помимо прорастания сосудов происходит не изученная пока доктором Портниченко кристаллизация души, очищение. Кристаллы совсем по-другому искрятся в разреженном сияющем воздухе. Здесь все не так, мельче будяк и мельче воробьи. Здесь лагерный пес Джек, расталкивая грудью юниоров, втискивается в шеренгу на построении, а потом провожает группы на маршруты.

Перед Пятигорском мелькнула крикливая реклама: ООО "Лермонтов Моторс", и рядом: "Красота гор спасет мир". От абсурда.

Адыл-Су, лагерь "Эльбрус"

АВТОИНТЕРВЬЮ

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

"Если обещал — ждите!"

Люблю театр БДТ.
Любимый актер — Басилашвили.
Лучший город — Петербург.
Любимый город — Одесса.
Живу в Москве.
Любимый писатель — Чехов.
Любимое дерево — липа.
Сразу после липы люблю дуб.
Любимое время года — лето.
Любимое время жизни — осень.
Любимая река — Волга.
Любимое море — Средиземное.
Любимое общество — женское.
Из граждан люблю англичан.
Из друзей — давних.
Из эмигрантов — своих.
Еще больше люблю котов.
Не считаю, что дети — наше будущее.
Как не считаю, что мы — их прошлое.
Мы разные.
Музыку люблю — далекую и тихую.
Люблю систему Менделеева.
Любимый элемент — фтор.
Из продуктов люблю борщ.
Из людей — женщин.
Из женщин — жену.
Еще люблю каждую из тех, кто любит меня.
В кино люблю веселье.
В лирике — нежность.
В жизни — скромность.
Со скромностью люблю встречаться.
В себе стараюсь разобраться, но не могу.
В других стараюсь разобраться и тоже не могу.

Из людей также люблю не очень старых стариков.

И не очень молодых молодых.

Это, в общем, одни и те же люди.

Погоду люблю наблюдать, но не люблю участвовать.

Из человеческого очень нравится память.

Из животного — слух.

Из частей тела — голова.

Затем глаза.

Затем ноги.

У женщин — наоборот.

В животном и человеческом мире нравятся обеды коллективные, когда сам наедаешься и видишь, как это делает другой.

В это время у всех живых существ рождаются приятные беседы, при пережевывании и переваривании более мелких и беззащитных.

Из поведения люблю сытое веселье.

Голодного веселья не наблюдал.

Из веселья больше всего люблю смех.

В смехе ценю раскатистость и заливистость.

Дикий хохот — не люблю.

После этого долгий кашель, дрожание рук, невозможность вспомнить, что там было.

Ванную не принимаю.

Выйдя из душа, считаю себя чистым.

Плевал на другие мнения.

Легок на подъем, когда ждут там или надоело здесь.

Чтоб двинулся, где-то должно быть лучше.

Когда вернусь, всегда не знаю.

Если обещал — ждите!

"Не кажется ли мне, что задачи современного кино?.."

— Кажется.

"Не кажется ли мне, что современная литература?.."

— Да, придумана на кушетке.

"Не кажется ли мне?.."

— Нет.

Вред от денег?

Есть. Если их очень хотеть.

Все, чего очень хочешь, прячется.

При добывании денег думай о другом.

Получится одно и другое.

"Не кажется ли мне, что генетически измененная картошка?.."

— Безразлично.

"Верна ли тенденция современной медицины?.."

— Нет... Не верна... Бесплатность лечит лучше, платность — охотнее...

Держите любое второе про запас.

Сытость делает человека приятным, голод — полезным.

"Считаю ли я, что болезнь?.."

— Да... И не осуждаю... Человек в болезни меняется. Он приспосабливается... И к нему...

"Как я думаю — тщеславие?.."

— А как же... Обязательно.

"Зависть?.."

— Необходима. Что-то должно тянуть пустые вагоны таланта.

"Если взять дружбу?.."

— Закончилась... Тщеславие, сострадание, взаимопонимание. Но не встречи.

Дружба труднее любви.

Любовь — это одиночество.

Дружба — это вдвоем.

Любовь неподвижна.

Дружба работает.

"Не кажется ли мне, что?.."

— Да. Время изменилось. Люди — нет.

Необязательный, но упорный, — достиг верхней точки.

Лживый достиг верхней точки.

Оба хотят купить чего-то вечного.

Покупают Айвазовского.

"Выборы?.."

— В предвыборной так называемой борьбе участвовали беспамятство, невоспитанность, косноязычие и безволие... Я еще не знаю, кто победил.

"А возраст имеет значение для деятельности?.."

— Молодые ребята разобрались в кнопках, слегка запутались в приоритетах.

Мат их веселит. Пули привлекают.

Кровь возбуждает.

Давно не было войны.

Они могут разжечь из любопытства.

Им помогают те, кто пишет и показывает.

Если им хочется умереть раньше других, кто помешает...

Дети тоже увлекаются смертью. Им еще не страшно.

"А женщины?.."

— Умнее... Их не развлекают драки, бокс, стрельба.

Дольше и живут.

Литература?

Старые напоминают высохших жуков. Молодые — однодневных бабочек.

Те и другие еще живы.

Будем ждать мамонта Федю.

В завершение...

Уверен, что все будет хорошо.

И именно это многим не понравится.

Маленький комментарий

Жанр автоинтервью достаточно редкий. Из русских писателей им единожды воспользовался Иван Алексеевич Бунин, написав шуточное автоинтервью, чтобы журналисты все не переврали, в 1947 году перед своим выступлением на литературном вечере. В советской прессе это автоинтервью опубликовал в журнале "Наука и жизнь" № 6, 1976 год, А. Бабореко. Для нас, одесситов, оно интересно еще и потому, что Бунин в нем по памяти воспроизвел строфу из стихотворения "Лошади простого звания" одесского поэта Анатолия Фиолетова, погибшего в годы гражданской войны.

Это автоинтервью И.А. Бунина мы перепечатываем из Интернета, где помещены все произведения Бунина.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Иван БУНИН

У И.А. Бунина

Мы застали И. А. в его кабинете за письменным столом, в халате, в очках, с пером в руке...

— Bonjour, mattre (Добрый день, мэтр!). Маленькое интервью... в связи с вашим вечером 26 октября... Но мы, кажется, помешали, — вы пишете? Простите, пожалуйста...

И. А. притворяется сердитым:

Им помогают те, кто пишет и показывает.

Если им хочется умереть раньше других, кто помешает...

Дети тоже увлекаются смертью. Им еще не страшно.

"А женщины?.."

— Умнее... Их не развлекают драки, бокс, стрельба.

Дольше и живут.

Литература?

Старые напоминают высохших жуков. Молодые — однодневных бабочек.

Те и другие еще живы.

Будем ждать мамонта Федю.

В завершение...

Уверен, что все будет хорошо.

И именно это многим не понравится.

Маленький комментарий

Жанр автоинтервью достаточно редкий. Из русских писателей им единожды воспользовался Иван Алексеевич Бунин, написав шуточное автоинтервью, чтобы журналисты все не переврали, в 1947 году перед своим выступлением на литературном вечере. В советской прессе это автоинтервью опубликовал в журнале "Наука и жизнь" № 6, 1976 год, А. Бабореко. Для нас, одесситов, оно интересно еще и потому, что Бунин в нем по памяти воспроизвел строфу из стихотворения "Лошади простого звания" одесского поэта Анатолия Фиолетова, погибшего в годы гражданской войны.

Это автоинтервью И.А. Бунина мы перепечатываем из Интернета, где помещены все произведения Бунина.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Иван БУНИН

У И.А. Бунина

Мы застали И. А. в его кабинете за письменным столом, в халате, в очках, с пером в руке...

— Bonjour, mattre (Добрый день, мэтр!). Маленькое интервью... в связи с вашим вечером 26 октября... Но мы, кажется, помешали, — вы пишете? Простите, пожалуйста...

И. А. притворяется сердитым:

— Мэтр, мэтр! Сам Анатоль Франс сердился на это слово: "Mattre de quoi?". (Мэтр чего?) И когда меня называют мэтром, мне хочется сказать плохой каламбур: "Я уже так стар и будто бы знаменит, что пора меня называть "киломэтром". Но к делу. О чем вы хотите беседовать со мной?

— Прежде всего, о том, как вы поживаете, как ваше здоровье, чем порадуете нас на вечере, что сейчас пишете?..

— Как поживаю! Горе только рака красит, говорит пословица. Знаете ли вы чьи-то чудные стихи:

Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

Но где ж мне взять самообладания? Я лошадь не совсем простого звания, а главное, довольно старая, и потому трудности существования, которых, как вы знаете, у многих немало, а у меня особенно, переношу с некоторым отвращением и даже обидой: по моим летам и по тому, сколько я пахал на литературной "ниве", мог бы жить немного лучше. И уже давно не пишу ничего, кроме просьб господину сборщику налогов о рассрочке их для меня. Я и прежде почти ничего не писал в Париже, уезжал для этого на юг, а теперь куда и на какие средства поедешь? Вот и сижу в этой квартирке, в тесноте и уже если не в холоде, то в довольно неприятной прохладе.

— А можно узнать, что именно вы будете читать на своем вечере?

— Точно никогда не знаю чуть не до последней минуты. Выбор чтения на эстраде — дело трудное. Читая с эстрады даже что-нибудь прекрасное, но не "ударное", знаешь, что через четверть часа тебя уже не слушают, начинают думать о чем-нибудь своем, смотреть на твои ботинки под столом... Это не музыка, хотя был у меня однажды интересный разговор на эту тему с Рахманиновым. Я ему: "Вам хорошо — музыка даже на собак действует!". А он мне в ответ: "Да, Ванюша, больше всего на собак". Так вот все колеблешься: что читать, чтобы не думали о своем, не смотрели на ботинки? Я не червонец, чтобы всем нравиться, как говорил мой отец, я не честолюбив... Но я самолюбив и совестлив — заставлять людей скучать не люблю... Так что одно имею в виду для вечера: не заставлять скучать.

— А вы, И. А., очень волнуетесь, читая на своих вечерах? Ведь все на эстраде, на сцене волнуются...

— Еще бы! Я юношей видел в "Гамлете" знаменитого в ту пору на весь мир Росси и в антракте получил разрешение войти к нему в уборную: он

полулежал в кресле с обнаженной грудью, белый как полотно, весь в огромных каплях пота... Видел, тоже в уборной, знаменитого Ленского из московского Малого театра в совершенно таком же положении, как Росси... Видел за кулисами Ермолову — имел честь не раз выступать с ней на благотворительных литературных вечерах: если бы вы знали, что делалось с ней перед выходом! Руки трясутся, пьет то валериановые, то гофмэновские капли, поминутно крестится... Кстати сказать, читала она очень плохо — как почти все актеры и актрисы...

— Как! Ермолова!

— Да, да! Ермолова. Что до меня, то, представьте, я исключение: и за кулисами, и на эстраде спокоен. "Не нравится — не слушайте!" В молодости я на эстраде краснел, бормотал — больше всего от мысли, что ровно никому не нужно мое чтение, — и даже от какой-то злобы на публику. Совсем молодым я однажды был участником литературно-музыкального вечера в огромнейшем зале в Петербурге, и знаете, вместе с кем? Вы не поверите! С самим Мазини, который, хотя был уже далеко не молод, но был еще в великой славе и чудесно пел неаполитанские песни! И вот вылетел я на эстраду после него, — вы понимаете, что это такое: после него? — подбежал к самому краю эстрады, глянул — и уж совсем обмер: на шаг от меня сидит широкоплечий, с широким переломленным носом сам Витте и крокодилом глядит на меня! Я забормотал как в бреду, облился горячим и холодным потом — и стрелой назад, за кулисы... А теперь я, пожалуй, не смутился бы даже под взглядом... ну, придумайте сами, под чьим взглядом...

Роман БРОДАВКО

Две монопьесы

Во всем виноваты актеры

Перед публикой появляется симпатичный молодой человек лет двадцати восьми в современной одежде.

Молодой человек. Я — Гамлет, принц датский. Вас удивляет мой современный облик? Но я Гамлет XXI века, далекий потомок легендарного Гамлета по боковой линии.

В современном мире монархи и члены королевской семьи ведут совсем иной образ жизни, чем в минувшие эпохи. Мы работаем и тем самым вносим посильный вклад в укрепление экономики и обороноспособности наших стран.

Я вхожу в совет директоров крупной компании, которую возглавляет мой дядя король Клавдий. Мое хорошее английское образование позволяет с достаточной компетентностью общаться с серьезными учеными и инженерами, которые разрабатывают новейшие технологии... Кое-что новое предложил компании я сам. Мои идеи были поддержаны и специалистами, и советом директоров. Так что назвать меня рефлектирующим инфантом никак нельзя...

Вокруг нашей семьи постоянно витают легенды. Отблески прошлого то и дело вспыхивают в воспаленном сознании обывателей, начитавшихся и насмотревшихся Шекспира. Да, наша семья и наше окружение в какой-то степени напоминают тех далеких предков, о которых писал сэр Уильям. Но время другое, и мы уже давно другие.

Про дядю говорили когда-то, будто он виновен в смерти моего отца... Мой отец, его старший брат, был крепким мужчиной, отличным спортсменом. То, что в расцвете лет он умер от инсульта прямо у себя в кабинете, многих ошеломило. Пятна на лице... Некоторым они показались подозрительными. Стали говорить об искусном отравлении... Однако вскрытие отвергло эти подозрения.

Потом общественное мнение взбудоражил брак дяди, который женился на вдове брата, моей матери. Это произошло тогда, когда я стажировался в Гарварде. На церемонию бракосочетания я не прилетел. Не мог... Вернее, не хотел. Что я мог сказать новобрачным? Пожелать им семейного счастья? Смешно...

Дядя мой до этого времени не был женат. Однажды — мне было тогда четырнадцать лет, время, когда чувственность у мальчишек развита чрезвычайно, — я увидел такую сцену. Во дворце был рождественский вечер. Все поздравляли друг друга с Рождеством, близкие родственники обменивались поцелуями. Дядя подошел к моей матери, королеве Гертруде, обнял и поцеловал ее. Я наблюдал за ними... Это был не братский поцелуй. Это был поцелуй любовника, горячего любовника, — и она так же ответила ему...

На какое-то время я забыл об этом эпизоде. Но когда умер отец, и мать вышла замуж за дядю, эта сцена порой всплывает в моей памяти...

Отца уже не вернуть, а то, что мать устроила свою жизнь, — разве это плохо? Куда хуже, если бы она оставалась безутешной вдовой. Сейчас матушка живет в санатории для нервнобольных. Хорошем санатории. Дядя периодически ее навещает. Я тоже...Она часто бывает в состоянии задумчивости, которая может длиться несколько часов. Смотрит в одну точку — и молчит. И словно не замечает ничего вокруг себя... Такое вот состояние... Доктор говорит, что при ее болезни в этом нет ничего страшного.

Теперь о дяде. Руководитель он жесткий, но толковый. Ему ничего не стоит уволить любого, кто проявляет инакомыслие. Дядю за глаза называют деспотом, но большинство предпочитает терпеть его деспотизм. По крайней мере, не перечить ему. В конце концов, он хорошо платит.

Ко мне Клавдий относится по-родственному. Иногда приглашает отобедать вместе, интересуется, как идут мои дела... Недавно я обратил внимание на то, что он начал быстро стареть. Седина, брюшко, морщины... Конечно, бремя ответственности у него огромное. Король и предприниматель в одном лице — согласитесь, такое не каждый выдержит.

И еще эта Сильвия... Аппетитная итальянка, которая является его референтом и сопровождает во всех поездках. Никто не сомневается в их близких отношениях, хотя все приличия соблюдаются. А для представительских функций Сильвия очень полезна... Этакая пышечка в тесных кофточках, которые буквально распирает ее мощная грудь. Как единственный сын Гертруды, я, по идее, должен быть возмущен этой связью, но, по-моему, это глупо. Жизнь есть жизнь, а дяде только пятьдесят четыре.

Вообще, отношение мое к Клавдию сложное. Иногда я им восхищаюсь, иногда терпеть не могу... Восхищаюсь его силой и изворотливостью, умением идти напролом, его независимостью. Не люблю за откровенный цинизм, хамство, пошлость. Правда, как я уже сказал, меня это не касается. Но когда кто-то из старых сотрудников вспоминает моего отца, который был предельно корректен и доброжелателен, мне почему-то стано-

вится не по себе. Впрочем, что я могу изменить? Увы, время нынче такое, когда не до сантиментов — иначе проиграешь. Думаю, что много веков назад было то же самое. Наверное, надо с этим мириться. Так что у меня к дяде "любовь-ненависть". Это, вероятно, что-то фрейдистское. Но я Фрейда не читал. Недосуг... Да и к чему? Я не собираюсь копаться в себе, я хочу просто жить.

Это мой друг Горацио постоянно весь в себе. Он постоянно в размышлениях о несовершенстве мира, о деградации человечества. Как будто раньше, до нас, не было всего того, что происходит сейчас. Горацио занимается спиритизмом: духов вызывает. Я ко всему этому отношусь спокойно. Хотя из-за Горацио один дух меня периодически терзает... И зовут его... Впрочем, об этом потом. Дядю моего наверняка никакие духи не терзают. Боятся.

Моя личная жизнь... Уже два года, как мы живем с Офелией. Она хорошая девочка, спокойная, тихая, ласковая. Кажется, она меня любит, и кажется, я ее тоже люблю. Когда-то она нравилась Розенкранцу, и Гильденстерну тоже нравилась... Но она отвергла их ухаживания, хотя оба парня вполне заслуживают внимания. Они умеют жить... Дядя это сразу понял и отправил их в Англию. Там Гильденстерн и Розенкранц успешно работают в филиале нашей фирмы.

Офелия нежна. У нее на редкость теплый взгляд и мраморная кожа. С ней я забываю обо всем. По-моему, она не претендует на то, чтобы владеть мною безраздельно. Все-таки я принц... Но если честно, меня не интересуют другие женщины. И вероятно, в конце концов, я женюсь на Офелии.

Вот кого я не люблю — так это ее папашу Полония. Он в нашей компании отвечает за внутреннюю безопасность. Я понимаю, что по роду службы ему положено во все совать свой нос. Но не настолько же!.. Кроме того, он — редкий доносчик и доносит скорее по любви к этому искусству, чем по службе. Даже дядю порой раздражает его фискальство.

Ко мне Полоний относится, с одной стороны, с почтением — принц как-никак! — а с другой, со скрытой неприязнью. Впрочем, здесь я могу его понять: отец все же, и к тому же, человек старых взглядов. Сожительство дочери с таким типом, как я, не приносит ему радости, но здесь ему придется терпеть... Так же, как он терпит фортели своего сыночка Лаэрта.

С Лаэртом мы выросли. В детстве у него было прозвище Лягушонок, потому что он очень смешно прыгал. Так попрыгунчиком и остался... Вечный студент, гуляка. Живет в Париже, ничего не делает и постоянно про-

сит у отца денег... А вообще он парень неплохой, веселый. Иногда я ему завидую. Он радуется жизни, а большинство из нас ее проживает...

Вот, собственно говоря, все о нашей семье и ее окружении. Но я не сказал о главном: о проклятии. Проклятие заключается в том, что наши имена стали нарицательными. Нас отождествляют с персонажами трагедии, которую сочинил Уильям Шекспир четыреста лет назад, хотя мы, живущие в Эльсиноре сейчас, совсем другие.

А виноваты во всем актеры!.. Они настолько любят эту пьесу, что считают счастьем для себя играть в ней. Они наслаждаются страданиями и страстями четырехвековой давности и утверждают, что это созвучно нашему времени. Актеры не хотят понимать, что мы, теперешние, вовсе не такие...

Возможно, в чем-то мы мельче тех, кто жил тогда — то ли в Средневековье то ли в эпоху Ренессанса. Но мы в чем-то и лучше: гуманнее, спокойнее, терпимее, наконец.

Могу себе представить, как отреагировал бы мир, если б я, Гамлет, принц датский, явился в дом родителей и порешил дядю, Полония, Лаэрта, отправил бы на тот свет Гильденстерна и Розенкранца, стал невольной причиной смерти матери и свел с ума Офелию!.. Меня б назвали серийным убийцей, маньяком, монстром...

Но я не такой. Я не задаюсь вопросами планетарного масштаба, не страдаю за все человечество. Я — обыкновенный принц, который со временем без всяких интриг унаследует престол и продолжит благородные традиции конституционной монархии.

Все хорошо, если бы не Он!.. Я жил спокойно до тех пор, пока Горацио не затащил меня на спиритический сеанс. Ни с того ни с сего он вызывал дух Гамлета. Того самого... И началось... Тот Гамлет приходит ко мне ночами, садится в кресло напротив кровати и смотрит на меня своими печальными глазами. Он ничего не говорит — только смотрит... И в это время я начинаю ощущать какую-то тяжесть в сердце. Против воли я начинаю анализировать свои мысли, свои поступки. Я все больше становлюсь недовольным собой. Я чувствую, что тот Гамлет презирает меня...

Офелия мирно спит у меня на плече. Она ничего не знает о нем. Я не говорил ей... Зачем?..

Я мысленно гоню его прочь, но он презрительно улыбается и остается. Сидит до тех пор, пока я, изможденный, не впадаю в забытье.

Утром я просыпаюсь с головной болью и мешками под глазами. А его — и след простыл. На кого он похож — на Пола Скофилда, Лоуренса Оли-

вье, Смоктуновского?.. А может, на меня — или, вернее, я на него? Такой же лоб, скулы, волосы... Предок мой, Гамлет!

Я прошу Горацио: "Прогони его!". А он мне: "Извини, я могу вызвать дух, но изгнать его — это не в моей власти. Сделай что-нибудь такое, что ему понравится, — и он исчезнет". А что ему может понравиться? Мои раздумья о том, чему быть, а чему не быть? Поединки со смертельным исходом? Моя собственная смерть?

Я не играю Гамлета. Я и есть Гамлет, но только другой. Другой, слышите? Я не актер, играющий принца датского и врастающий в эту роль всем своим существом. Я такой, какой есть, — и, поверьте, не самый плохой... Я предпочитаю роль зрителя, который умеет оценить хорошую постановку и хорошую игру. Аплодирую я — мне же ваших аплодисментов не надо, даже если я в чем-то их достоин. "Дальнейшее — молчанье!"

Убийца Моцарта

Гостиная в старом замке в горах Тироля. Через окно в комнату пробиваются яркие лучи угасающего летнего заката. В кресле у зажженного камина с газетой в руках сидит немолодая женщина — хозяйка замка баронесса Агнесса фон Вален. Ее лицо болезненно бледно. Взгляд устремлен в газету. Большие напольные часы гулко отбивают шесть раз: уходит еще один день 1821 года.

Агнесса. Какая низость! Они оклеветали старика, милого старика, который был так добр к нему... Антонио Сальери — убийца Моцарта! Какая нелепость! Гениев убивают неудачники, осознавшие, что их жизнь прожита впустую, либо те, кто любит гениев безответно... Вольфганга Амадея Моцарта убила я, Агнесса фон Вален. Но об этом не знает никто. А главное — это уже никому не интересно.

То, что Моцарт умер, — это счастье. Гений не должен жить слишком долго. Иначе в зрелом возрасте он услышит от вчерашних поклонников, что исчерпал себя. Ему противопоставят нового кумира. Сеньор Антонио — лучший тому пример. Ну, кто воспринимает сегодня Сальери как великого композитора? Сальери умер, когда родился Моцарт... А я родилась в одно время с Моцартом и медленно умираю через три десятилетия после его кончины. Если публично объявить о том, что я — убийца Моцарта, меня сочтут умалишенной... Впрочем, умалишенному Сальери поверили, будто он отравил Вольфганга Амадея...

Мой отец барон фон Ленау любил меня больше брата. В детстве я часто болела, всегда была худой и бледной. Зимой почти не выходила на улицу, чтобы не простудиться... Мой брат Генрих — он старше меня всего на два года — плавал, ездил верхом, охотился, мечтал стать гвардейским офицером — и стал им. Сейчас он при дворе... Меня же постоянно лечили, кутали, не давали играть с другими детьми, чтобы я не заразилась какой-нибудь опасной болезнью.

Это произошло, когда мне исполнилось восемь лет. Отец привел меня в гостиную и усадил на диван. В гостиной уже расположились два его друга и незнакомец в коричневом камзоле, по-моему — итальянец. Незнакомец рассказал о том, что слышал игру удивительного мальчика: ему восемь лет, но он музицирует как взрослый и даже сочиняет музыку. Потом незнакомец сел за клавир и заиграл. Что это была за музыка! Я никогда не слышала ничего подобного... Это был родник с хрустально чистой водой, но этой водой нельзя было утолить жажду...

— Вам понравилось? — спросил меня незнакомец, окончив играть.

— Очень!.. А как зовут этого мальчика?

— Моцарт, — ответил он, а затем обратился к отцу: — Барон, этот вундеркинд в пятницу будет играть у архиепископа. Думаю, вам не составит труда попасть на этот концерт.

Архиепископ приходился моему отцу двоюродным дядей.

В пятницу отец взял меня с собой в архиепископский дворец. В большом зале было много людей. У клавира в центре зала стояло два канделябра. Их свет отражался в огромных венецианских зеркалах...

Когда гости заняли места, у клавира появился высокий худощавый господин. Это был отец вундеркинда. Низко поклонившись, худощавый господин сказал, что его сын сочиняет и импровизирует с двух лет, и если кому-нибудь из гостей будет угодно задать мальчику тему, то он тут же исполнит импровизацию...

Потом появился мальчик. Он очень смешно поклонился публике, подошел к клавиру... и попросил подушку, потому что пуф оказался для него слишком низким. Все заулыбались... Слуга принес подушку. Мальчик сел за инструмент и, не глядя на клавиши, заиграл... Мне показалось, что в этот момент он был где-то далеко, за пределами архиепископского дворца, в каких-то высших сферах... Его пальцы двигались, словно сами по себе, извлекая из лакированного ящика волшебные звуки.

Мне было видно его лицо. В нем не было ничего привлекательного. Обыкновенный мальчишка... И в то же время музыка, которую он творил... Она не просто очаровывала — это был голос Господа!..

Когда он окончил играть свое сочинение, мой отец подошел к клавиру и наиграл мелодию. Она была достаточно замысловата. Я бы никогда не запомнила ее с первого раза. Но Моцарт только кивнул головой и тут же, не раздумывая, повторил ее и начал импровизировать... С каждой новой вариацией мелодия усложнялась, становилась весомее, значительнее. Мне показалось, что мальчик насмехается над наивностью моего отца, который задал ему такую легкую задачу...

После концерта, который длился часа полтора, архиепископ подозвал вундеркинда и протянул ему руку. Мальчик поцеловал руку архиепископа и остановился в нерешительности.

— Как тебя зовут?

— Вольфганг Амадей, ваше преосвященство, — раздался голос отца мальчика, который в мгновенье ока оказался рядом с ним.

— Благослови тебя Господь, Моцарт Амадей, — сказал архиепископ. Отец и сын поклонились и вышли.

— Пригласите Моцарта к нам, — попросила я отца, когда мы возвращались в карете домой.

— К сожалению, завтра они уезжают за границу. Но когда вернутся — непременно! — сказал отец. Однако Моцарты уехали надолго...

Через некоторое время я стала учиться музыке у доброго сеньора Ливетти. Иногда он приносил мне сочинения Вольфганга Амадея. Я наслаждалась этой музыкой, но маэстро Ливетти находил ее не более чем занятной.

Прошло несколько лет. Для меня они прошли с музыкой Моцарта. Я выросла сначала в нескладного подростка, затем во мне стали проявляться черты женственности. Временами я пыталась представить, каков Вольфганг Амадей сейчас. Мое воображение рисовало высокого стройного юношу. Мне казалось, что я вижу его глаза — серые, с поволокой... Я представляла его сильным, как мой брат Генрих, и нежным, как мой отец... Уже тогда, не отдавая отчета в своих чувствах, я любила его, моего Моцарта, но понимала, какая дистанция разделяет нас — меня, баронессу, и его, пусть даже необыкновенного музыканта.

Я ловила любое упоминание о нем. Говорили разное: одни превозносили его до небес, другие, наоборот, старались унизить...

Слушая все это, я думала о том, как тяжело жить гению. Гений — это упрек всем нам, ленивым, неповоротливым, самовлюбленным и равнодушным. Когда рассуждают о гении, редко говорят о его титаническом труде, зато на все лады разглагольствуют о том, как быстро, легко и уверенно он добивается результатов, о которых мы, грешные, даже не мечтаем...

Гений — это еще и оскорбление, которое природа наносит большинству людей, лишая их ярких талантов. Увы, я одна из них...

Прошло девять лет с тех пор, как я впервые увидела Моцарта. Из угловатой девочки-подростка я превратилась в некрасивую девушку, невесту с богатым приданым. Я стала выезжать. За мной уже ухаживали двое молодых людей, один из которых, Вальтер фон Вален, через некоторое время стал моим мужем. Наш брак был недолгим. Вальтер сорвался со скалы во время охоты в Альпах, не оставив наследников. Мы прожили с ним чуть больше года как друзья детства, испытывающие иллюзию духовной близости. На самом деле мы были равнодушны друг к другу.

После смерти Вальтера я стала еще богаче и еще несчастнее. Спасаясь от одиночества, я открыла свой дом для всех, кто желал бывать в нем.

Однажды один из моих знакомых сообщил, что в город приехал Моцарт. Уже прославленный Моцарт! Моцарт — гений! Я тут же написала ему письмо с приглашением на ближайший четверг, когда я обычно принимала гостей.

Первый вопрос, который гений задал моему секретарю, который отнес ему приглашение: "Сколько мне заплатят?". Секретарь успокоил его на этот счет, но я была уязвлена до глубины души. Гений начал с денег... Впрочем, вскоре я поняла, что неправа. Ведь я при моем состоянии могла только догадываться, что такое бедность.

Он пришел в четверг — маленький, большеголовый, некрасивый. В его облике и поведении не было ничего, что хотя бы отдаленно говорило о его исключительности. Поначалу он показался мне чересчур болтливым и хвастливым. Но когда он сел за инструмент... Чем больше он играл, тем острее я ощущала непреодолимую дистанцию между ним и собой. Я стояла на земле, а он парил в небесах и словно невзначай изредка взирал на меня — скорее из любопытства, чем с интересом...

Гонорар, который во много раз превосходил положенные за концерт суммы, заранее лежал в конверте с моим вензелем. Когда Моцарт, уже получивший его, прощался со мной, я сказала:

— Маэстро, я бы хотела заказать вам...

— Все что угодно, баронесса, — быстро ответил он, не ожидая продолжения моей фразы.

— Все что угодно, — подтвердила я, и мы расстались.

Было поздно, но я не хотела спать. Я ходила по своему огромному дому, заставляя вздрагивать слуг, которые валились с ног от усталости. В ту ночь я сделала для себя ужасное открытие: я поняла, что люблю его. Но не той романтической девичьей любовью, которую испытывала в юности. Я люблю его... В каминах догорали дрова, в подсвечниках оплывали свечи... Меня бросало то в жар, то в холод...

А он! Назавтра я узнала, что он всю ночь провел с друзьями в кабаке, пропивая свой гонорар. Я живо представила себе, как он рассказывал о вечере в моем доме, как изображал меня и моих гостей. Уже за это одно стоило убить его!..

Начинает звучать первая часть "Реквиема" Моцарта. Темы "Реквиема" то и дело возникают во время монолога Агнессы.

Спи, Моцарт! Уже недолго осталось мне ждать встречи с тобой. Силы покидают меня, и холод, страшный могильный холод постепенно сковывает мое тело. Господь милостив: он отбирает у меня жизнь, которая давно не нужна мне. Пустую жизнь, в которой был только ты, Моцарт! Мое имя никогда и нигде не должно стоять рядом с твоим именем. Поэтому я сожгла титульный лист рукописи, где стояло посвящение мне... Я не хочу уподобиться тем женщинам, которым досталось бессмертие только потому, что их имена были связаны с гениями. Я ненавижу этих Лаур, Беатриче, о которых по смерти слагают легенды. Наверняка сложат легенду и о твоей Констанции, которая сейчас, когда ты мертв, мирно делит супружеское ложе с другим и лишь изредка, чтобы не забывали, чья она вдова, восклицает: "Бедный Моцарт! Он так рано ушел от нас!".

Твои дети как дети. Они намного счастливее тебя, Моцарт, потому что не знают каторжного труда гения. Твой "Реквием" дописан, Вольфганг Амадей... Теперь он стал твоим в полном смысле слова. Все, кто претендовал на твою дружбу и привязанность, давно успокоились. И только я, твоя убийца, безутешна...

Я знаю: бедные люди от отчаяния способны на самые низкие поступки. Они становятся завистливыми, жестокими, злобными... Я боялась, чтобы эта злоба не проявилась в тебе. Я знала, что ты нищ, как церковная

крыса, что деньги текут у тебя между пальцами, как вода... Ты писал симфонии, концерты, оперы. Ты щедро расшвыривал бриллианты, а взамен получал стертое от многолетнего употребления серебро. И еще: у тебя никогда не было настоящих друзей. До тридцати лет от этого не страдают. Но после порой их так не хватает!.. Я как никто понимаю это, потому что одиночество с завидным постоянством следует за мной, куда бы я ни направлялась...

В Вене я была свидетельницей твоего триумфа после премьеры "Свадьбы Фигаро", в Праге я обливалась слезами радости, слушая твоего "Дон Жуана", а в Зальцбурге — симфонию "Юпитер"!.. Я всегда удивлялась тому, как, несмотря на все мерзости жизни, тебе удается оставаться светлым гением.

Как ты мог полюбить эту женщину! На дочерях домохозяев женятся бедные студенты, соскучившиеся по горячим обедам. А ведь ты познакомился с Констанцией, когда уже был Моцартом! Что тебя привлекло в ней, этой пухленькой смазливой пустышке?

Впрочем, какое право я имею задавать этот вопрос? Не раз я видела из окна кареты, как светились твои глаза, когда ты шел рядом с Констанцией по улице. Ты забавлялся ею, Моцарт, как забавляются красивой игрушкой. А она забавлялась тобой, особенно когда у тебя были деньги...

Ты терялся, когда она заболевала. Ты отправлял ее лечиться на курорт, а сам день и ночь работал, чтобы отдавать долги...

А она... Впрочем, не будем сплетничать. Это недостойно, когда речь идет о тебе...

Однажды накануне Рождества я проезжала мимо твоего дома. Шел мокрый снег. Дул холодный пронизывающий ветер. Ты возвращался откуда-то пешком, кутаясь в старый плащ. Я почувствовала, что тебе плохо. Наутро мои люди узнали, что издатель отказался выдать тебе аванс...

Я тут же оплатила весь тираж будущего издания, велев издателю немедленно приобрести у тебя все, что ты мог в то время передать ему... Естественно, издатель не знал, от кого получил деньги. Он охотно выполнил мое требование, и теперь твои биографы называют его "благодетелем Моцарта". Черт с ним.

Ну, а теперь о главном. Мой покойный муж оставил мне в наследство не только большое состояние, но и многочисленных родственников. По-

скольку я больше не выходила замуж, они боготворят меня, считая, что я храню верность бедному Вальтеру. Меня ставит в пример даже наш император, хотя примерного в моей судьбе мало. Среди родственников покойного мужа люди самые разные: светские столичные аристократы и провинциальные затворники, ненасытные карьеристы и самовлюбленные графоманы. К последним относится граф Франц фон Вальзег цу Штупак. Граф Вальзег еще в юные годы вообразил, что он — одаренный композитор, и мечтал прославиться, не имея на это никаких оснований. Единственным существом, которое верило в композиторское дарование графа, была его жена. Бедная Анна-Мария! Она так молодо ушла из жизни, оставив своего бестолкового мужа, что называется, без руля и ветрил. К годовщине ее смерти Вальзег решил сочинить реквием. Я обескуражила его, сказав, что посредственная музыка, которую он способен сочинить, будет оскорблением памяти Анны-Марии. Вальзег загрустил. И тут меня осенило!

— Вы можете заказать реквием Моцарту, граф! Не поскупитесь — и вы получите мессу, достойную вашей супруги.

— Но я хочу это сделать сам! — возразил Вальзег.

— Вы можете купить у Моцарта права на реквием, — сказала я и увидела, что подала ему прекрасную идею. Граф немедленно послал своего управляющего Лойтлиба к Моцарту с авансом за будущее произведение.

И вот тут начало моего преступления. Моцарт уже был болен... Серьезно болен. Приняв большой заказ, который предстояло выполнить в сжатые сроки, он рисковал жизнью. Но об этом я узнала после... Первым моим побуждением было сделать все возможное, чтобы граф Вальзег отказался от своего заказа. Но я тут же подумала, что это не спасет Моцарта. В поисках заработка он возьмется за другую работу, которая вместо нескольких тысяч принесет ему гроши, жалкие гроши... Ночами он так же будет сидеть за столом, швыряя на пол исписанные листы нотной бумаги. Чтобы превозмочь внутренний озноб, он будет пить глинтвейн и снова писать, писать... Разве я одна сумею заменить Моцарту человечество, которое пока еще так мало знает о нем и уважительно отзывается только о покойниках? Так, может быть, смерть — единственное благо для него?

Моцарт писал свой реквием. Силы быстро покидали его. Я чувствовала это, но не представляла, что его кончина уже так близка...

Первого декабря по совету врачей я уехала из Вены в Италию. В Риме, в доме русского князя Голицына, кто-то невзначай произнес:

— Знаете, Моцарт умер...

Когда я очнулась, возле меня суетились дамы. Послали за доктором. Всем было известно о моем нездоровье, поэтому никто не связал мой обморок с именем Моцарта.

На следующий день я выехала из Италии. Приехав домой, я тут же направилась на кладбище... Погода была морозной и пасмурной. На том месте, где, как мне сказали, он похоронен, не было ничего, кроме большого креста. Обыкновенная братская могила для бедных. Говорили, что даже жена не проводила его в последний путь.

Я стала на колени. Дрожь пробирала мое тело. Сердце вылетало из груди. Я просила у него прощения. Я была уверена, что он слышит меня. Я ожидала какого-то знака, но его не было. Только холодный ветер... И вдруг на какое-то мгновенье мелькнул солнечный луч... Неужели услышал? Но простил ли он мне свою смерть?..

Звучат последние такты "Реквиема".

Александра НЕСТЕРОВА

Орфей и Клара

У меня умерла жена. Похороны прошли с соблюдением всех приличий: слезы, тяжелые вздохи, терзающие душу воспоминания друзей о веселости ее нрава, покладистости характера, удивительных артистических способностях, заботливости...

— Держись, родной, — похлопав меня по плечу, сказала одна из Клариных подруг, последней покидающая наш дом. — Я знаю, как тебе ее недостает.

Согласно кивнув, я с облегчением закрыл за ней дверь.

Действительно, теперь меня совсем некому доставать. Это ее дом, все вокруг напоминает о ней. Моим здесь было, кажется, только собственное тело, за которым Клара тщательно ухаживала. Так что и относительно него меня давно уже терзали сомнения.

Когда-то она решила создать все условия, чтобы молодой и, на ее взгляд, одаренный писатель мог спокойно отдаться творчеству. А если эта женщина что-то решала, остановить ее было практически невозможно.

Ах, милая, добрая Клара, как внимательно она перечитывала мои дурацкие истории в надежде найти там хоть одну гениальную строчку. Надо сказать, дурой она не была, поэтому выражение восторга после тщетных поисков давалось ей с трудом.

Так проходили годы. В перерывах между едой и туалетом я писал, а она искала. Видимо, этот бой за мою гениальность наконец-то подорвал ее силы.

Теперь я остался один, обреченный на голодное нестираное существование. Ведь кроме хватания за перо и изображения глубокомыслия при малейшем шорохе за дверью, я больше ничего не умел.

Ладно, пора спать, Клара не любила, когда я нарушал режим.

Видимо, похороны все-таки произвели на меня тягостное впечатление. Стоило мне закрыть глаза, и я тут же оказался в царстве мрачного Аида. Какой-то мужик с кифарой стоял перед владыкой и умолял вернуть ему жену. Ба, да это же Орфей!

— Хорошо, Орфей, — отвечал Аид, — я верну тебе жену, ты пойдешь вперед, а за тобой будет идти ее тень. Но пока не кончится подземное царство, ты не должен оглядываться. Помни это! Оглянешься — и она навеки останется здесь, со мной.

Обрадованный Орфей отправился в путь, а тень за ним. Кого-то она мне здорово напоминала. Боже милостивый, да это же моя Клара! В ужасе я набрал в легкие побольше воздуха и заорал что было мочи: "Оглянись, Орфей, оглянись, это не Эвридика, это моя Клара!!!" Дурак, закрывая уши, он прибавил ходу. Что он делает? Еще немного — и они выйдут на свет. "Не-е-т!" — воскликнул я и проснулся.

Приснится же такое. Покрутившись немного в постели, я вновь закрыл глаза.

Снова какое-то тоскливое место? Голые деревья, везде валяется пожухлая листва, под дубом сидит мужик, зябко кутаясь в тогу, а рядом лежит весьма потрепанная кифара. Неужто Орфей, что это с ним? Я подошел поближе.

— Привет!

Орфей вздрогнул и испуганно покосился в мою сторону.

— Тише, тише, Эвридика услышит. Если бы ты знал, как она изменилась после царства Аида!

— Милый, почему ты не играешь? — раздался из-за деревьев голос Клары. Орфей затрясся и перешел на шепот.

— Вот так все время, а у меня уже пальцы деревянные от холода, я есть хочу.

Я был удивлен.

— А она-то что делает?

— Что, что... Танцует с нимфами на поляне, бегает на прием к Зевсу, требует, чтобы он взял меня в свой небесный оркестр. Хоть бы ее снова змея ужалила.

Так, значит Клара все-таки отыскала своего гения. Ну что ж, придется помочь.

— Давай свою кифару.

Орфей протянул мне инструмент.

— Ты знаешь ноты?

— Нет, но зато я знаю Клару, ну, то есть Эвридику.

Нужно отметить, что у меня нет ни слуха, ни голоса, поэтому я не только заиграл, но и подпел. Из-за деревьев послышались быстрые шаги.

— Спрячься, — шепнул я Орфею.

Через несколько мгновений появилась Клара.

— Дорогой, что случилось? — испуганно заговорила она.

— Как что? Вот, придумал для тебя свою лучшую песню, — любовно пропел я, нещадно терзая струны кифары.

— Боже мой, родной, ты, видимо, заболел, — заволновалась Клара. — Идем немедленно в дом, я буду тебя лечить.

Я улыбнулся.

— Конечно, милая, беги, грей чай, я сейчас же последую за тобой.

Клара опрометью бросилась куда-то, видимо, в сторону дома. Из-за дерева вышел Орфей.

— Вот так, — заключил я, протягивая ему кифару.

— Ну ты даешь! — Орфей захохотал. — Я знаю, что музыка творит чудеса, но чтоб такие...

Насмеявшись он отстранил от себя кифару.

— Знаешь, надоело мне это, хочется побыть обыкновенным человеком, ты лучше возьми инструмент себе, у тебя несомненный талант.

Он подмигнул мне на прощанье и пошел к своей Эвридике.

Несколько месяцев спустя, кое-как оправившись после Клариной смерти, я взял в руки перо и написал следующее:

Дорогая Клара!

Ты была самой лучшей женщиной в моей жизни. Вряд ли кто-то сможет заменить мне тебя. А чтобы пресечь любую попытку, я купил гитару. Теперь, когда какая-то новая знакомая решает провести со мной вечер, я с удовольствием ей играю и пою. На ночь еще никто не оставался. Но если это однажды произойдет, придется приобрести барабан.

Твои друзья больше не звонят, слышал, они называют меня чудаком, наверное, из-за того, что на сорок дней я сыграл для них на гитаре.

Клара, без тебя очень трудно, приходится многому учиться, сложней всего дается приготовление пищи. Что касается моего творческого гения, то его пока хватает только на заполнение анкет в агентствах по трудоустройству. Там меня все очень любят, говорят, что я обладаю талантом задействовать людей. Они уже с ног сбились, подыскивая для меня работу, так как еще никогда не встречали подобной бездарности.

Целую, всегда твой Орфей.

Анатолий КОНТУШ

Три фрагмента

* * *

Мир прост.

Он таков, каким мы его видим.

Мироустройство идеально.

Тот, Кто Создал Его, расставил все по местам, привел в движение и исчез.

В центре находится Земля. Чтобы это понять, не нужно быть Аристотелем — достаточно поднять голову и посмотреть на небо. Или закрыть глаза и заглянуть в себя. Аристарх очевидно сумасшедший, чтобы утверждать обратное.

Идеальная сфера небосвода окружает идеальную сферу Земли; последняя неподвижна и ничтожно мала по сравнению со Вселенной, и небосвод безостановочно вращается вокруг нее. Планеты скользят вдоль идеальных окружностей, которые нанизываются одна на другую, образуя деференты и эпициклы. Звезды застыли на местах, формируя сферические треугольники и складываясь в созвездия.

Это просто.

Сложность в точности, которая недоступна глазу.

Без точности нет науки. Без науки нет будущего.

Точность требует математики. Астрономия требует идеальной точности.

Отсюда "Математическое построение". Тринадцать книг, больше тысячи звезд, все пять планет, Луна и Солнце. Теперь я знаю, где они находились сотни лет назад, где находятся сегодня и где будут находиться через сотни лет, — я знаю прошлое, настоящее и будущее.

Земля есть часть мира — больше того, она его центр.

Очевидное следствие — география тоже должна быть математической.

Картография всегда точнее страноведения.

Отсюда "Географическое руководство". Восемь книг, двадцать семь карт, координаты более восьми тысяч городов. Теперь я знаю, где они находятся сегодня, — я знаю настоящее; однако их прошлое и будущее недоступны математике, поэтому эта часть знания остается скрытой от меня.

Я живу в Канопе, в дельте Нила, на берегу Внутреннего моря, наблюдая, как светила поднимаются над черной пустыней и опускаются в темные воды. Я замеряю ход звезд и планет, делаю записи и провожу триго-

нометрические расчеты. Днем я хожу в библиотеку; среди колонн прохладно, папирусы шуршат в моих руках, и старинные тексты соединяются с вчерашними цифрами, открывая частички мироздания.

Вот так понемногу я сложил из них весь мир.

Клаудиус Птолемей из Александрии
Декабря 24-го года 901-го от основания Рима

* * *

Что видит джазовый музыкант, когда играет?

Он видит страну, освещенную мягким светом японских напольных ламп, где жители прогуливаются по берегу темной реки; по реке ходит старенький пароходик, который подолгу стоит у причала, ожидая пассажиров, а потом отчаливает и исчезает в темноте; на пароходике без перерыва играет музыка, ее исполняет небольшой оркестр, состоящий из пианиста, саксофониста, контрабасиста и барабанщика; в этой стране все всегда живы, включая тех, кто уже умер, и пароходик перевозит умерших на другой берег, который нельзя увидеть отсюда, возвращаясь обратно порожняком; оркестранты так же знамениты, как футболисты в другом, более привычном для нас мире, у них огромные зарплаты, шикарные дома, длинные автомобили, маленькие самолеты и все остальное, что только можно себе представить, их знают все, от детей до стариков, и когда кому-

то случается оказаться рядом с ними, остается только раскрыть рот и замереть в изумлении, — хотя самые бойкие иногда забывают обо всем и осмеливаются попросить у них автограф; вдоль берега реки тянутся плоские крыши ресторанов; у воды расставлены столы, за которыми сидят люди; иногда кто-то из сидящих встает и идет к пристани, где его уже ждет пароходик; чаще всего это пожилые люди и старики, но бывает, что и молодежь, и даже дети; этот кто-то недолго стоит у воды, потом поднимается по сходням на борт и останавливается у релингов, глядя на оставшийся внизу берег; пароходик бесшумно отваливает и исчезает во мгле, навсегда увозя с собой пассажиров; не было случая, чтобы кто-то из них возвратился, но мы знаем, что все они где-то рядом, там, на другом берегу, что все они с нами, пока звучит музыка. Оркестранты всегда исполняют ту же мелодию, которую играет музыкант в данный момент, и он знает, что никогда не сможет остановиться, потому что это он, трое его спутников, он и больше никто, кто не дает тем, кто ушел, и тем, кто еще здесь, навсегда остаться друг без друга; он знает, что никогда не сможет остановиться, и играет без перерыва, и видит перед собой погруженную в полумрак страну, тусклый свет ламп и себя, играющего на открытой палубе маленького пароходика над самой серединой течения.

* * *

Я зашел в бар; Джек уже ждал меня в перевернутой бутылке над стойкой; я кивнул ему с порога, и он ответил мне золотистой улыбкой; я сел за стойку, и через минуту он уже плескался передо мной в тяжелом округлом стакане, наполненном кубиками льда, — Джек знал, что из всех звуков я больше всего любил тот, с которым лед раскалывается в наполняемом виски стакане, и как настоящий друг то и дело откалывал от кубиков по кусочку, чтобы доставить мне удовольствие; я поднял стакан над столом и несколько раз качнул плавным движением, а потом поднес к лицу, чтобы ощутить знакомый запах; Джек блеснул в желтом свете ламп, коснулся моих губ и увел за собой, не обращая внимания на остальных.

Я шел по пустынной местности, залитой золотым сиянием Джека; поросшая редким кустарником равнина уходила к горизонту, на котором поднимались горы; солнца не было, и ровный свет неярко освещал пейзаж, как на картинах ван Рейсдаля; я не знал, где нахожусь, но мне было хорошо известно, в какую сторону двигаться; я шел к горам, и дорога тянулась у меня под ногами белой лентой *escalier roulant*, разворачиваясь с каждым глотком; я прошел немного, и характер местности изменился;

вдали показались холмы, кустарник стал густым, появились невысокие деревья, и свет из золотистого превратился в бледно-желтый; это Джонни, шепнул мне на ухо Джек, и действительно, Джонни уже переливался всеми оттенками ранней осени прямо перед моим глазами на том месте, где только что был Джек. Я глотнул, и Джонни тотчас же протянул мне руку, похлопал по плечу и повел дальше. Теперь дорога шла вверх, петляя между холмами; склоны становились круче, иногда превращаясь в обрывы, у основания которых бежали ручьи, но идти было легко — я то и дело потягивал Джонни, а он в ответ тянул меня за собой. Дорога сделала очередной поворот, и я остановился: у моих ног расстилалась широкая равнина, на которую привел меня Джек, а вправо уходил узкий гребень, по другую сторону которого начиналась осыпь, и Джонни заливал все пространство своим ровным бледно-желтым цветом. Я постоял немного над обрывом, пронизанный неожиданным ощущением счастья, потом допил стакан и пошел к осыпи. По другую ее сторону возвышался остроконечный пик, выше которого не было ничего вокруг, и я решил, что смогу на него взобраться, если спущусь по осыпи и потом поднимусь по тропинке, начинающейся прямо от застывшей в ущелье груды камней. Я сделал глоток

и начал спускаться; идти было тяжело, ноги проваливались в гравий, который то и дело просаживался подо мной; когда я наконец добрался до камней, бледно-желтый свет, который все время освещал мне дорогу, слегка потускнел; пейзаж потерял четкость очертаний, и линия гор растворилась в дрожащем воздухе, слившись с висящими над ней облаками. Я глотнул еще немного Джонни, но свет так и остался тусклым; я выплеснул остатки, налил на два пальца Джека и выпил залпом, но и старина Джек отчего-то не захотел мне помочь — тени камней исчезли, расплылись абрисы скал, и я потерял тропинку из виду. Пик нависал надо мной черным изломом в темнеющем небе; я огляделся — стены ущелья уходили вверх, воздух был ледяным, и нигде не было видно ни Джонни, ни Джека, — махнул рукой и начал подниматься по крутому склону. Тропинки не было; сырые валуны громоздились вокруг, не давая прохода, и мне приходилось то и дело подтягиваться на руках, ползти на животе и карабкаться на четвереньках, чтобы обогнуть их и подняться немного выше. Быстро темнело, и я уже не всегда видел, куда ставлю ногу; темная пропасть несколько раз мелькнула в просветах справа от меня, и когда я поскользнулся на мокром скате, изогнулся над склоном и потерял равновесие, она тут же прыгнула мне навстречу, вцепилась в мое лицо и непреодолимо потянула вниз; я попытался оттолкнуть ее, позвать Джонни и Джека, но золотистый свет исчез, лед растаял, и в стакане осталась какая-то безвкусная дрянь; я падал вниз, и Джек уже ничем не мог мне помочь, хоть и был рядом; он молча покачивался перед моим лицом и только смотрел, как я быстро приближаюсь к камням, как бесшумно врезаюсь в них, как части моего тела разлетаются вокруг маленькими пятнами, едва заметными со стороны, и как я исчезаю над незнакомой местностью, навсегда растворяясь в беззвездном пространстве.

Марк ГИРШИН

Родословная и краткое жизнеописание гражданина М. М.

Щадя чувства близких, фамилию опускаем

Еще не так давно в Одессе на улице Старопортофранковской угол Торговой стоял длинный одноэтажный дом под непривычной взгляду желтой черепицей и с выпученными от старости окнами. Вросшие в тротуар мраморные тумбы у въезда во двор предохраняли от цепных бортов пароконных биндюжных площадок его стены из хрупкого ракушечника.

По всему по этому очень могло быть, что первые его обитатели через забрызганные дождем стекла видели со склоненными выями волов, влекущих этой улицей по ступицы в грязи крытые рогожей провиантские подводы, а под рогожей бочонки оливок и плетенные из тростника корзины, а в корзинах переложенные сырым хлопком синего стекла пузыри ямайского рома с длинными шейками, закупоренными сомбреро сургуча.

Они покидали беспошлинную зону порто-франко.

Моросящая холодная осыпь скрывала от них разгул царицей Екатериной приобретенной Новороссии, а на ней трезубец дорог: на Гадяч, Нежин и Сумы.

А еще до того желтоватой пухлости августейшая ее ручка поманила из душных гетто шляхетских Самбора и Бялостока новых своих подданных, "жидовски сподиченство", на волю этих степей. В том числе Мордку.

По законам праотцев, это библейское имя переходило из поколения в поколение, пока печать госЗАГСа на бланке с серпом и молотом не пришлепнула узаконенное марками регистрационного сбора "свидетельство" о рождении нашего героя.

За ним последовало безмятежное детство, прерванное Великой Отечественной войной. С ее началом отец отправил жену с сыном из прифронтовой Одессы в эшелоне с промышленным оборудованием на восток, а сам с легким сердцем отправился на призывной пункт, и тем счастливо переложил заботы о семье в непростых условиях советского быта на наркомат обороны.

Но к месту формирования он не доехал. Не совладав с селедкой и черными сухарями солдатского сухого пайка, этот не молодой уже мобилизованный был с приступом застарелой язвы вынесен из воинской теплушки

на перрон одной из станций Ростово-Сталинградской железной дороги, где и скончался.

А не слишком образованная мать пошла ради сына мойщицей (но не водой!) на эвакуированный в Сызрань номерной завод с закрытой столовой и полагающейся на вредных работах хлебной карточкой литеры "Л".

Науки не было на бледной палитре его дарований, зато природа — или папа Мордка — наделила этого мальчика легким характером, а от мамы ему достались антрацитового блеска тугие барашковые полукольца до бровей. И не только его соседка по парте перебирала их вспотевшими пальчиками в сладком девичьем сне.

Кое-как закончив сызранскую школу, он с освобождением Одессы поехал выселять из своей квартиры временных ее жильцов, так несчастливо для них проверяемых тогда органами как лиц, побывавших в фашистской оккупации. Члену семьи пропавшего без вести красноармейца, ему это удалось.

Со вселением на отвоеванную площадь из одной комнаты с ходом на улицу через коридорчик и брошенными прежними жильцами тахтой на ящиках и ненадежным стулом Миша неожиданно обнаружил в себе не такие уж редкие людские страсти, а на каждом углу — возможность их удовлетворить.

В то первое послевоенное лето в Одессе еще оставались открытые в оккупацию торгующие вином в разлив бодеги. Предчувствуя скорый конец, их владельцы спешили опорожнить бочки молодого вина и наполняли им стаканы по цене газированной воды.

Баснословное это время расцвечивалось второпях сброшенными на Мишкин стул трофейными юбочками всех национальных цветов стран поверженного фашистского блока.

Но открылось Мишке, как было бы теперь не к месту присутствие даже родной мамы. И тут, как и отцу в свое время, ему повезло. Прославленный авиазавод переселил труженицу-мойщицу из барака в самостоятельную комнату отпущенного с концом войны в родные места специалиста. Эти долгожданные квадратные метры оставили ее в Сызрани.

С наступлением зим Михаил ради хлебной карточки поступил в пивной техникум. Окончил он техникум уже в другое время.

Невозвратные потери Великой Отечественной войны кое-как заменила новая поросль, и девочки предпочли ее легкомысленному Мишке. Пиво же не вино, которому госторг вернул настоящую цену. Предстояло что-то придумать.

Тогда дружба народов еще не успела на сто процентов вернуться

в освобожденную от оккупантов Одессу, и непринадлежность к коренной национальности ставила известные препятствия в смысле устройства в некоторые учреждения. Неравнодушная к интересному брюнету паспортистка нашла пути избавить Мишку от отчества "Мордкович" и неудачной фамилии и заодно вписать в его паспорт подходящую национальность.

Стряхнув с ног прах предков, с нормальным паспортом Михаил направился в гормилицию Одессы. Оттуда он вышел бригадиром ночных сторожей. А на толчке приобрел почти милицейское обмундирование. С тех пор подковки его хромовых сапог, а в них вправлены галифе синего цвета, зазвенели на камне лестниц в винные погребки, охраняемые его сторожихами.

Дородные тети в халатах в винных разводах на неохватной груди охотно наливали симпатичному молодому бригадиру полный стакан. Сторожихи же по бабьей жалости делились со своим начальством кочанами горячей, натертой салом и посоленной кукурузы. Они приносили ее на смену в кастрюлях, завернутых в полотенце, чтобы не ушел пар. После чего он имел обыкновение спать в жарко натопленной дворницкой. К концу смены те же сторожихи его будили. Поставив против каждой птичку в книге учета, он отпускал их.

Возвращался домой и валился на тахту досыпать. Молодой сон долог, особенно зимой в помещении с холодной голландкой. Уже синели за окном сумерки, когда он вставал. Стоически брился, окуная помазок в холодную воду. Умыться он не решался. Смочив ладони "Тройным" одеколоном, он шлепал ими по щекам, налив на полотенце, вытирал шею и им же полоскал рот. Надев на себя уже упомянутые галифе, а зимой еще серый милицейский плащ с пустыми гражданскими погончиками и цигейковую ушанку, он выходил из дома. Колючий ветер дул с моря. Он обжигал лицо и уносил по Старопортофранковской остатки сна. Наступал его коронный час.

Надо знать, что солнечная Одесса манит во всякое время года жительниц сурового Севера. О том, что ветер с моря и гололед не многим лучше, скажем, сызранской метели и снежных сугробов, помнят из учебника географии немногие. Остальные входят под высокие своды гулкого зала ожидания вокзала "Одесса-пассажирская" с самыми радужными надеждами. Но очень скоро, кое-как преодолев ветер, сталкиваются с домохозяевами, предлагающими раскладушку на застекленной веранде.

Где взять такого Бальзака, который, обвенчавшись в Бердичеве, по дороге домой сделал бы крюк на Одессу, чтобы описать смятение и страх незначительных машинисток, учетчиц, нормировщиц и т. д., отправляемых

зимой в 12-дневный отпуск с отпускными покупательной способности от мэйкап "фром Олей" до бикини "мэйд ин Итали" на одесском толчке! Вернувшихся в теплый вокзал без спасительной временной прописки.

В эту роковою минуту перед ними появляется Мишка. Со стороны можно видеть, как он небрежно вскидывает руку к ушанке, как жертва испуганно подымается со скамейки, нервно роется в сумочке и вынимает паспорт. Мишка не спеша листает его страницы и кладет паспорт в карман. Что сказано при этом, издалека не слышно. После этого девушка неуверенно идет к выходу, а за нею следует милиционер с усиками. Сойдя с трамвая, Мишка галантно пропускает в коридорчик гостью и закрывает за собой дверь.

Он зажигает в комнате свет. Все еще не решаясь переступить порог, гостья замечает спускающийся с темного, как грозовая туча, потолка мохнатый от пыли шнур, и на нем лампочку в засиженной мухами чашечке тюльпана. Обращают также на себя внимание бегущие по стенам наружные провода на мраморных роликах и железный выключатель тех годов, когда улица в Одессе называлась улицей Троцкого, а папа Мордка брил наголо голову и носил косоворотку, подпоясанную витым шелковым шнуром с кистями. Но по юному возрасту она не может дать этим вещам верное толкование.

Ее охватывает блаженное тепло. Настоящего тепла в Мишкиной квартире быть не могло, но отсутствие ветра вызывало его эффект. Его не могла развеять даже подушка на тахте с мазками, смахивающими на следы раздавленных клопов.

Но и случалось, что эта подушка (а что же еще!) вызывала оторопь, и гости, забыв, что их паспорт находится в Мишкиных галифе, решительно шли к двери. Тогда Мишка останавливал их грозным напоминанием.

К ночи, когда приходило время идти на работу, он подымал их с ложа, возвращал паспорт и сажал на трамвай о прощальным "Пока!".

Несмотря на такое хамство, белые медведи на поздравительных открытках с Новым годом приходили к нему когда-никогда.

Но не всегда они.

Однажды, когда он шел с пляжа к трамвайной остановке, молодая гражданочка оставила своего спутника, грузного полковника, и подошла к нему: "Вы не Миша?". Он ответил: "Вообще-то, нет. А что?". "А вы знаете, что я могла бы сейчас позвать моего мужа? Я была у вас дома". В нем все похолодело, но Мишка обладал нахальством: "А какой вам расчет?".

И гражданка вернулась к полковнику.

Тем же летом принесли телеграмму. Соседи извещали, что мать Розалия Иосифовна умерла, и похороны завтра. Он прилетел, но на похороны опоздал. Побывал на могиле, забрал ее фото и документы, пачечку своих писем, стянутую резинкой от сигнатурки на аптекарской бутылочке, кое-что из вещей, а ненавистную мебель и остальное оставил соседям.

Больше никаких особых событий не было.

Возможность лицам еврейской национальности выехать в Государство Израиль оставила его равнодушным. А служба в милиции приучила к речи лаконичной: "А что я там не видал? Имею квартиру рядом с центром. Так или не так?" "Выслужил приличную пенсию. Я правильно говорю?" "Все могу достать. Или будете спорить?"

И тут грянула новая беда. Она появилась на пороге в образе забытой паспортистки. (Читатель помнит: "пятая графа" в паспорте и т. д.) Она попросила одолжить ей сумму.

Было известно, что завы винных погребков ритуально награждают свою охрану. Но Мишкины погребки были не из самых доходных, и он никогда не требовал, а брал, что дают. Денег у него не было.

Тогда паспортистка спросила: "Что ты мне тогда обещал, Миша? Что!.. Ты!.. Мне. Обе-щал!..". Повернулась и ушла.

За давностью преступления ответственность ей не грозила. Выбрать худшее для него время разоблачения было нельзя: ему дали рекомендацию в кандидаты партии и направляли в школу милиции. Крах и бесчестие! "Попытка обманным путем проникнуть в ряды и неверие в ленинскую национальную политику". В итоге — старый паспорт: "Мордкович". И старая "пятая графа". Но "не имей сто рублей, а имей сто друзей"! У компанейского Мишки они были. И он устоял. Из бригадиров не уволили. Сохранили стаж. Но об остальном пришлось забыть.

Это было время, когда почтальоны носили почту по лестницам на этажи, на булыжниках улиц подпрыгивали "Запорожцы", приемщики стеклотары летали следом за "Черноморцем" болеть на выездные футбольные встречи, самым богатым был директор китобойной флотилии "Слава" Соляник, время Кубинского кризиса, неординарного поведения премьера Н. Хрущева на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций, время "Ивана Денисовича", армянского коньяка "пять звездочек", да мало ли чего еще!

Жаловаться на это время Михаилу не приходилось. В доме его просто любили. Он мог устроить так, чтобы пребывание в вытрезвителе или, например, хулиганство не стало известно на производстве, мог достать биле-

ты на матч "Милан" (Италия) — "Черноморец" (Одесса). И длилось оно до тех пор, пока Михаила Мордковича с почетной грамотой и подарком от коллектива раймилиции не проводили на пенсию.

Вынужденно расставшись с галифе и хромом, он сменил вокзал на Приморский бульвар, для чего приобрел черный двубортный с металлическими пуговицами пиджак и белые брюки. Белый же отложной воротничок оттенил иностранную матовость его лица. Не искажали облик и глубокие морщины, и посыпанные солью все еще густые волосы.

Беззаботные туристки принимали его за моряка. Они, надо полагать, охотно приняли бы предложение спуститься на фуникулере у знаменитой Потемкинской лестницы в Летний сад и посидеть в кафе. Или даже посмотреть, как устроился одинокий моряк.

От кафе с ресторанной наценкой его выручала необходимость заступить на вахту. Второй же возможностью он иногда пользовался. Но все это было уже не то.

Михаил все чаще обрекал дам на бесплодное ожидание у памятника дюку Ришелье и проводил вечера у телевизора. Бывало, снимал с полки томик стихов Маяковского, память об отце, и неторопливо читал. Или вставлял в рамку побуревшую от пролитого чая семейную фотографию.

Его комната уже никак не напоминала прежнюю. Уютные сумерки лились в распахнутое на улицу окно и пахли сладкой прелью потерявших "товарный вид" предметов торговли соседнего магазина "Фрукты. Овощи". Не получив сбыта, они находили себе дорогу к столу Михаила Мордковича в виде дешевых бутылок вина с этикеткой "Міцне". Лучшего он не мог себе позволить.

Дни его гасли, как закат за городскими крышами.

Посмотрев из Москвы "Последние. известия", он надевал соломенную шляпу, брал складной стульчик и в вылинявших галифе на подтяжках и шлепанцах выходил из душной комнаты в дворовой садик, где под старой акацией присаживался к дружкам, ее ровесникам. Разговор неизменно касался древнего слуха о неминуемом сломе дома с предоставлением жильцам самостоятельных квартир с лифтом и всеми удобствами. Или вынимал из футляра разъехавшиеся очки и покрикивал на детей: они шумели и мешали ему читать "Советский спорт".

А в кухне-коридорчике не старая еще женщина пекла на балонном газе синие баклажаны на обед.

США

Владимир ЕФИМЕНКО

Волшебник

...и я теперь не знаю, что делать. Я вложил свои деньги, большую часть, в это предприятие, но теперь чувствую, что это куда-то безвозвратно уходит... Внешне все хорошо, со мной здороваются мои служащие. Но у них такой вид, будто они провожают меня на пенсию.

Все началось, когда я встретил Волшебника.

Это был крайне веселый чудак. Казалось, он все время куда-то спешил, хотя спешить-то было некуда. Он говорил: "Это как в игре № 8 (пеес! Гог зреей). Главное — скорость прохождения трассы. А как — это уже неважно". Он показал мне фокус, тогда, в кафе: достал из кармана серебряный доллар, щелкнул по нему ногтем и закрутил на столе, как волчок. Потом взял другой и запустил его рядом, потом пошарил по карманам, и обнаружив, что монет у него нет, попросил меня добавить. Я добавил — одну, две, три монеты. А они все крутились... Потом одна из них, словно раненная, стала прихрамывать, и видно было, что она вот-вот упадет. Тогда он сгреб их одним властным жестом к себе в карман со словами: "Ну, хватит, порезвились". Так мы и познакомились.

— Нас приучили к тому, что чудес не бывает, — говорил Волшебник, — но это неправда. Они есть. Я по убеждению, по своему мировоззрению — материалист. Но есть вещи, которые мы еще просто не в состоянии объяснить. Кое-чему меня обучили на Востоке. В годы молодости меня занесло куда-то в окрестности Калькутты. Заклинатели змей, брамины, бродячие фокусники — все это меня не слишком занимало. Другое дело, когда я встретил человека, способного оживлять камни. Он был совершенно безобидный малый и, по-моему, никак не использовал свое искусство для личного обогащения. Просто камни у него в руках становились птицами, ящерками, мышами... Я и сам не верил сначала, а когда узнал, все равно не поверил, но тем не менее, как-то же это существует... Я до сих пор не понимаю, как это все работает. Однако главное заключается в том, что ты не должен ставить себе границ возможного. Поверь в абсурд, поверь в сказку, и она станет былью. Не говори себе: "Этого не может быть". Тогда ты станешь всемогущим. Оттолкнись от позитивной установки! Не говори себе: "Я не хочу того-то". Скажи себе: "Я хочу этого". И вот "это", с положительным зарядом, станет притягиваться к тебе, поскольку у тебя на месте "этого" — только отрицательный заряд бытия. А природа не терпит пустоты. Твоя "дыра" сразу же наполнится. Стоит только захотеть. Но перед

тем как захотеть это осуществить, представь себе возможные последствия: стоит ли этого хотеть. Действительно ли оно тебе нужно, или это только блажь?

Я тогда не поверил. Какой Восток? Сколько уже было спекуляций на эту расхожую тему. "Неразгаданные тайны Востока", "Слоны из кармана", "Бриллиантов полные пещеры...". А этот чудак показал мне две обычные бамбуковые палочки, весьма затертого вида. Всего-навсего. Я тогда спросил: "Для чего они?". А он сказал, что если загадать желание, чтоб оно шло от души, и стукнуть палочками, одна об другую, желание сбудется. Это ведь не совсем простые палочки. Великий Праведник, живший лет триста назад, который мог летать и исчезать, был казнен ими. Точнее, тело Праведника положили на семена бамбука, и эти стебли проросли через его тело. Отняв жизнь у кудесника, сами ростки сподобились магической силы.

А я все не верил. Мне нужны были доказательства. Я попросил Волшебника, чтобы он показал мне, как это действует.

— Ладно, — ответил он, пожимая плечами и как бы колеблясь. — Пусть это произойдет. Займемся шокотерапией. Сейчас для примера две легковые машины столкнутся на перекрестке. Без жертв. Он стукнул палочками, и действительно через секунду "Форд" правой фарой врезался в крыло серого "Опеля". Звук удара, такой характерный "Бум!", и звон стекла были даже убедительней, чем само зрелище столкновения. Потом выскочили оба водителя, оба кричали, ругались: "У тебя что, глаза вылезли? Не видишь, куда едешь!". Стала собираться толпа. А у меня просто отвисла челюсть. Волшебник же грустно улыбнулся и спрятал палочки в карман.

Мне стало интересно, и я пригласил его к себе домой. Он пытался отнекиваться, но я настоял. По дороге, пока мы шли, он предложил: "Если хотите, сейчас можно сделать что-нибудь приятное. Правда, для этого потребуется сделать неприятное кому-то другому... Ну, смотрите. Смотрите по сторонам, ничего не пропускайте мимо". И стукнул палочками. Вы не поверите: но вот мы с ним идем по улице, и я нахожу кошелек. Иу, думаю, какой-то карманник избавился от улики... А кошелек приличный, крокодиловой кожи. Открываю — а там сто баксов! И ни адреса, там, чтобы можно было честно вернуть владельцу, ни кредиток, только сотенная. Ну, не чудо ли? А этот даже не удивился, будто так и положено. Зато вслух он заметил: "Вы сейчас нашли деньги, не прилагая усилий, а кто-то эти деньги зарабатывал в поте лица...". Но мне было как-то не до того, я очень обрадовался такому везению.

Потом мы долго говорили, попивая кофе с коньяком, о высокой

поэзии, я рассказывал ему о моей Музе, которая никогда не приходит, но вечно дышит мне в затылок. Что я влюблен в эту женщину, но никогда не видел ее лица. И мне кажется, что когда я ее увижу наконец, мне станет нестерпимо одиноко, и если она не останется со мной, то и мне не захочется оставаться на этом свете...

Тогда Волшебник выложил свои палочки из кармана и предложил взять чего-нибудь из крепких напитков. Я был сегодня неожиданно богат и согласился, а он, не заставляя себя долго ждать, пошел в магазин. Невольно взгляд мой скользнул на палочки. Как это? Надо захотеть? Так я уже хочу. Осталось только стукнуть одной об другую. Воровато схватил их — и стукнул. Услышал шаги за окном. Такое характерное "цок-цок-цок", что даже стали внутренне видны поджарые икры и тончайшие ахиллесовы сухожилия. Я живу на первом этаже, и все, что проходит мимо, отчетливо слышно. Я услышал ее шаги! Мне стало страшно. Ведь если это действительно она, то чем же мне потом придется расплачиваться за свою мечту? Может, показалось? Нет. Звонок в дверь. Открываю. Стоит ОНА. Красавица. Взгляд с поволокой. Четвертый размер. Бросается мне на шею и шепчет: "Не могу больше без тебя. Забери меня". Я спрашиваю, как идиот: "Как тебя зовут?". А она отвечает: "Майя". Мы куда-то вместе проваливаемся.

Такого секса, как с ней, у меня, наверное, в жизни не было. Она целовалась так, словно хотела меня съесть. Каждый сантиметр ее тела представлял собой часть клавиатуры, на которой можно было исполнить сонату, фугу, симфонию. И ногти на ее ногах были покрашены серебристым лаком, а на мизинце лак был почти вытерт. Такая вот маленькая реалистичная деталь. Она так сильно кричала, что я даже испугался, не сбегутся ли соседи. Я называл ее то ли "Майя", то ли "Моя", потому что больше и слова не мог вымолвить.

А потом она как-то незаметно исчезла, пока я еще не пришел в себя, не оставила ни телефона, ни своих координат, но зато вскоре появился Волшебник: "А вот и напиток (две бутылки). Я смотрю, вы какой-то сосредоточенный. Гоните от себя эту концентрацию. Лучше поговорим о приятном, а если сильно захочется — стоит только стукнуть палочками..." Между тем уже почти стемнело. Но я же помню, что когда он шел в магазин, стрелочки слились на двенадцати. Что-то странно как-то... Волшебник прочел мои мысли и для простоты выбросил будильник в окно. Мне это тогда показалось вполне естественным, и я даже долго смеялся его выходке. Потом мы долго пили и рассказывали анекдоты. Смеялся

только он. Я знал большинство анекдотов, что он пытался мне продать, и ухмылялся из чистой вежливости. Самое смешное, что ему удалось сделать за сегодня, — это выбросить из нашей жизни будильник. Это самое смешное, не знаю, поймете ли вы.

Но Майя была прекрасна... Была ли она? Я нашел на подушке ее волос. Значит, была. А это уже не шутка. Как? Приложился к подушке, в которую она кричала, но так ничего и не услышал. Может, приснилось? Нет, слишком все реально. Майя — прелесть. Я теперь обречен тосковать по ней и ждать, когда она снова появится. А вдруг это больше не случится никогда? Волшебник!

Или было дело, шли мы с ним по улице, а нам навстречу — молоденькая девушка в инвалидной коляске. Белокурые волосы, голубые глаза, но в них — такая тоска... Волшебник дал мне палочки: "Можете сделать все, что хотите, но на сегодня — это все". Я загадал желание и стукнул палочками. Девушка встала с коляски и, не веря своим глазам, сделала несколько неуверенных шагов. Ее компаньонка, по-моему, лишилась дара речи.

А в другой раз Волшебник появился мрачный и сказал, что сейчас из него лезет одна черная энергия, что он даже боится что-то желать. Взял, со зла стукнул палочками, а с неба упал мертвый голубь. А в другой раз он предложил мне взять лотерейный билет и одним стуком палочек сделал его выигрышным, я выиграл стиральную машину. Хотя как это — до сих пор не пойму. Потом Волшебник приходил еще не один раз. Однажды он вызвал грозу. Причем я ему потом заметил, что это совсем не то, что я хотел вызвать, но он только упрекнул меня в том, что я нечетко загадываю желания, но он все равно вынужден их исполнять. А гроза была действительно великолепной. Окна чуть ли не выносило, когда гремело. Не то что окна, земля содрогалась при раскатах. В воздухе пахло озоном. Но не грозу я хотел. Я хотел чего-то совсем другого...

Совсем недавно иду по улице, а навстречу идет Майя. Ослепительно прекрасная женщина с фигурой богини, со звездой во лбу. Делает вид, что меня не знает. Только поравнявшись, она успевает шепнуть мне: "Только стукни палочками, и я появлюсь". И идет дальше, как будто остальное мне приснилось. А у нее на запястье — та же самая царапинка (это когда она играла с моей кошкой), настолько реальная, что реальней просто не бывает. Не выколдовывается такое на заказ. И когда этот негодяй (Волшебник) в очередной раз зашел меня проведать, я, недолго думая, отправил его за выпивкой, а сам (вот же дурак!) воспользовался его палочками. Па-

лочки были сухие и словно наэлектризованные. А едва раздался долгожданный звонок в дверь, я его выпер, кудесника моего (вежливо, но непреклонно), ко всем чертям, сославшись на то, что я долго ждал одного человека "по очень важному делу". Вот так-то, взял да и выпер. Тот не обиделся, сказал, что зайдет попозже, и у нас с Майей были сказочные три часа. Мне не понравилось, как он посмотрел на Майю, столкнувшись с нею в дверях. Как на девку по вызову. Надо будет ему объяснить, кто есть кто. Хотя... если бы не его палочки...

Интересно, а как это все происходит? Но даже не это важно. Колдовство есть. Это часть нашей жизни, как бы там ни говорили скептики. Она на меня смотрит своими красивыми умными глазами, и мне хочется жить вечно. Разве это уже само по себе не колдовство? Она умничка, и похоже, много в жизни натерпелась. Она тоже влюблялась, но ее только использовали разные похотливые животные. Нелегко быть красивой женщиной! Все тебя только хотят, но никто не думает, чего хочешь ты. Или им кажется, что они знают, чего ты хочешь, но дождаться от них чего-то реального нет никаких шансов. Понятно, что ее тянет к стабильности, — сколько же можно питаться одними надеждами! Те козлы, что были у нее до меня, только обещали: рай в шалаше, синицу в руке, крепкий быт, надежный тыл... Устала женщина, и я ее хорошо понимаю...

Теперь мой черед действовать. Но я слов на ветер не бросаю. Я сделаю свою фирму по недвижимости. Правда, одних моих средств маловато будет, поэтому есть смысл слить свой капитал с компаньоном. Ведь если ждать, пока у тебя появится первый миллион свободных денег, так можно и всю жизнь прождать. А если ты в доле, то пусть и меньше получишь сам, но начнешь получать уже сейчас, а не в мифическом "когда-нибудь". Дивиденды, соответственно, будем делить тоже пополам. Волшебник предложил мне помощь. То, что конкурентам до нас будет не дотянуться, — это уже гарантия.

Кому-то другому я бы не поверил, но Волшебник... У него были какие-то сбережения и желание завести свое дело. Более того: чтобы не кормить чиновников и сэкономить на налогах, он все оформил только на свое имя. Мы взяли кредит и открыли фирму. Мой дом был поставлен в качестве залога. Да, и еще: этот балбес забыл у меня свои палочки! Расслабился совсем. Разве он не понимает, что я в любой момент могу такого натворить...

Лист из блокнота Волшебника

1). Столкновение двух авто (с ремонтом) — 400 долларов
2). Сброс мертвого голубя с крыши — 10 долларов
3). Кошелек на дороге — 100 долл. + стоимость кошелька
4). Лотерейный билет + стиральная машина — 350 долл.
5). Статистка на инвалидной коляске — 30 долл.
6). Вызов Майи на дом— 100 долл.
7). Повторный вызов — столько же
8). Аудиторская справка — 200 долл.
9). Нотариат по продаже фирмы в мою собственность — 300 долл.

Лена КУТИНОВА

Два файла

Для того чтобы начать чтение, вам необходимо перезагрузить сознание. Произвести перезагрузку сейчас?

OK!

(*При нажатии на кнопку* **OK!** *возникает пронзительный писк, и на мониторе появляется окошко загрузки с наполняющейся цветом шкалой,*

но в конце концов шкала замирает, и появляется окошко)

Внимание!
В вашем разуме обнаружено 1100048474524251700 ошибок! Вы уверены, что хотите обновить восприятие привычной картины мира?

OK!

На мониторе появляется заставка, имитирующая перезагрузку компьютера. Появляется следующее окошко.

Для налаживания работы мозга необходимо удалить ненужные мыслефайлы. Чтобы продолжить операцию, нажмите на ссылку:
"Я не возражаю против вторжения на мою приватную территорию временной памяти!"
Перезагрузка сознания успешно завершена!

Помогите!
Интерактивно-электронный роман

Все началось с того, что ты сел (а) за комп, поближе придвинул (а) кресло, и уставился (ась) в монитор. Твои зрительные биодетекторы отреагировали на ярко-красный заголовок с восклицательным знаком, и сознание прилипло к экрану, автоматически пожирая последующий текст, набранный жирным двенадцатым шрифтом **Times New Roman**.

В подвал твоего розовощекого Эго шумно рухнуло неожиданно новое понимание сотни раз перечитанного словосочетания — ПРИШЛО! *время* (Times) *нового* (New) *романа* (Roman)...

Ты подкурил (ла) сигарету, установил (ла) пепельницу рядом с мышкой и стал (а) читать дальше...

Теперь придется задать тебе нескромно истертый наждаками социума вопрос:

Ты чувак или чувиха?

Наведи курсор мышки и кликни здесь:

...АК	**...ИХА**

Завтра ты встанешь с ползающей по внутренности головы болью и заставишь свое тело выбраться из постели, чтобы начать активно функционировать в привычно наскочившей на проснувшиеся глаза реальности.

Картинка твоей комнаты подействует на орган созерцания, как **кристальный плевок прохладных капелек Нафтизина, омывающего берега уставших от сновидений глазных белков.**

Ты выпьешь кофе, слопаешь бутерброд, протрешь закисшую морду тоником, напитаешь подсохшую кожу кремом, обмажешь ресницы тягучей тушью, ну и... (*что ты там еще с собой по утрам делаешь?*)

Выбрав, наконец, облачение, ты надушишься и попрешься к лифту, захлопнув вечно заедающий замок с неприятным лязганьем. От лая соседского кабыздоха у тебя на мгнове-

ние **екнет сердце**. В этот момент лифт раскроет перед тобой пасть и проглотит тебя в измученное царапинами чрево. Ты нажмешь на кнопку с полустершейся цифрой "**1**" и вспомнишь, что ключи от квартиры оставила в коридоре, вместе с пачкой сигарет. Нащупав в сумке мобильный, ты облегченно вздохнешь и отодвинешь в пустующий угол разума рассуждения о том, как вечером попадешь домой.

И тут, прикинь, ЗАЦЕНИ ГЛУБИНУ ГОНА: — **ты просыпаешься!** Вскакиваешь, смотришь на циферблат будильника, понимаешь, что опоздала, мчишься в ванну, принимаешь холодный душ... Дрожа от бодрящего холода, укрываешься полотенцем, бежишь в комнату, и бросив случайный взгляд на теплую смятую обожаемую постель в оранжевую полосочку, уговариваешь себя — только секундочку полежу, согреюсь, обсохну...

Прыгаешь на матрац с разбегу, укрываешься одеялом с мохнатенькими цветочками и МОЛНИЕНОСНО ЗАСЫПАЕШЬ.

— Я не сплю! — говоришь себе ты, и сон послушно выполняет желание — вот уже твое тело делает утренние йоговские асаны, мягко вытягивается, прогибается, плавно подтанцовывая в такт птичьему визгу и ритмичным подревываниям трассы. Волосы треплет утренний ветер, на часах без пяти шесть — времени до фига ☺.

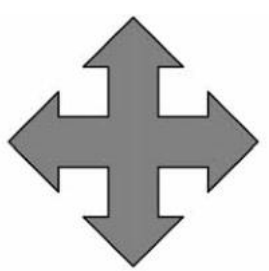
Ты смотришь в окно:

Наконец, ты понимаешь, что все-таки неумолимо спишь и опаздываешь на работу, одупляешся в лифте, в который только что заскочила и втыкнула, видимо, провалившись в щель между мирами, но теперь успешно восстановила в базе реальностей привычную картину мира, и едешь вниз, секунду назад отчалив от родимого этажа!

Ты трешь глаза, чтобы высыпать из них крупинки сонливости, и отмечаешь странное чувство, будто лифт движется не по вертикали, а по горизонтали, куда-то вправо, или это лево? Черт, когда ты уже научишься безошибочно определять стороны света? Большинство людей умудрились освоить эту науку еще в нулевом классе!

Ощущение становится все более осязаемым, охватывает тебя всю и убеждает твой разум в том, что лифт действительно движется неадекватно!

Ты внимательно вглядываешься в кнопки и замечаешь, что они расположены крестом:

При нажатии курсором мышки на мелькающие углы креста текст отъезжает вправо/влево/вниз/вверх, пока читатель не нажмет центральную кнопку, и текст не восстановится в первоначальное состояние.

Спустя неопределенный отрезок времени ты, наконец, осваиваешь пульт управления лифтами нового поколения, нажимаешь нижнюю кнопку по вертикали с полуистертой цифрой "1" и чувствуешь, как лифт, сотрясаясь, упирается в первый этаж, раздвигаясь перед тобой долгожданной перспективой выскочить вон из замкнутого пространства.

На радостях ты выпрыгиваешь из лифта, и вдруг на тебя падает бетонная плита, уставшая служить перекрытием между этажами и решившаяся покончить с собой, а заодно и с тобой..ой..ой..ой!

Твое сладко надушенное тело в одно мгновение превращается в сырье для кровяной колбасы.

Ты жрешь эту колбасу без всякого аппетита, смекнув, что заснула над завтраком и чуть не спалила чайник. Заварив кофе, ты понимаешь, что завтракать расхотелось, и подкуриваешь сигарету, закашлявшись от зуда в воспаленном спросонья небе.

Залпом опустошив чашку, ты включаешь радио.

Не притормаживай, жми на кнопку!

(*Ссылка на звуковой файл, обрывок утренней радиопередачи*)

Ты еще немного пошаришься по квартире в поисках ключа, потом обнаружишь его в сумке, которая болтается у тебя на плече, затем в доме вырубится электричество. Радио затихнет, лампочка в кухне цокнет, и прошвырнувшись взглядом по циферблату, ты, наконец, откроешь двери и почешешь пешком вниз по лестнице. Снизу будут доноситься странные звуки, которые усилятся по мере приближения, будто кто-то колотит в ворота чугунной рельсой.

Когда ты, наконец, спустишься на первый этаж, оглушенная грохотом, замечаешь **типА в камуфляжных джинах, отчаянно избивающего арматурой входную дверь.**

(*Конец страницы, заканчивающейся кнопкой NEXT. При нажатии на эту кнопку во время загрузки следующей страницы включается звук биения арматурой в двери*)

Орех и грех

Видали б вы наши леса сочнотравые! А грибки белые! А малинники! Село в овраге, а над оврагом — сосны! Да такие дылды, что птенчик сядет на верхотуру — и весь мир видит. А дальше — горы. Такие синие, а в горах речка.

Село наше красивое — хатки одна в одну, крышицы камышовые, оконца красные, на плетнях терракот сохнет, а дворы подсолнухами полыхают.

Видели, как на краю сада поскрипывает древними руками чудесный орех бабки Малашки? Орех посадили в день бабкиного рождения, и они росли вместе, как брат и сестра. Когда батька злится, огреет ее хлыстом за разбитый бутыль с маслом, — времена были голодные, — Малашка к ореху идет жалеться. Обнимутся они, плачут, и стоят так, до самой ночи, пока мамка к ужину не зовет.

Возмужал орех, подросла и Малашка. Влезет она на дерево — все село видно — как бабы ведрами воду носят, как мужики лес рубят, как мальчишки хряка гоняют, как солнышко тяжело за холмы садится.

Стала Малашка молодой девицей, и парубок из соседней хаты повадился к ней свататься. Не любила его Малашка, конопатый весь из себя, жирный, а характером и того хуже. Пришли сваты, а Малашка — прыг на орех — и сидит, пока их след не простынет. Ветви густые, темные, — как ты ее заметишь? Три раза свататься приходили — и Малашка все пряталась. С тех пор жирный Боряся на них с рехом насмерть обиделся.

Шли годы. Малашка замуж за хорошего хлопца вышла, родила дочку, да тут война с немцами, забирай их черт. Мужа в первый же месяц на фронте убили. А Боряка с румынами стал водиться, и они его полицаем на селе сделали. Важный такой ходил, пузатый, последнее добро у баб с детишками отбирает и румынам своим тащит, на рубли обменивать. Как-то раз занесся смерчем он в Малашкину хату. Мамка с дочкой, как на беду, в соседнее село к сестре за мукой пошли. На столе да в печи пусто, в погребе одни крынки, да бочки из-под вина дырявые. Разлютился Боряся, у него на Малашку заноза давно была, штаны свои провонявшие скинул и к ней волосатыми лапищами лезет. Малашка вырвалась, побежала девок да баб на подмогу звать, а злодияка ружье вскинул, да как бахнет! Малашка как раз до ореха добежала, и пуля прямешенько в ствол въелась. На том у Боряси и патроны, на счастье, кончились, а тут мамка с сестрой да бабой Дуней идут. Чертыхнулся Боряся и отправился себе с Богом. Малашка долго потом орех лечила, который ее от верной смерти спас. Пулю клещами вынула, рану древесной смолой замазала. Выжил орех, что с ним, великаном, станется?

Много лет уплыло, Малашка стареть стала, орех настоящим гигантом сделался. Боряся к старости совсем вредный стал. Сидит на пороге и всякую живность, что к нему в огород попала, из ружья бьет. Кошка зайдет, какая — нет больше кошки, собака — помрет собака кровавой смертью, курица залетит, утка — мигом Борясе в суп угодит. Люди стали своих собак привязывать, кошек да птиц запирать в хате, да как животное неразумное от беды удержишь?

И вздумалось Борясе Малашкин орех извести. Мол, он ему тень на заборе делает, а с забора она в огород отсвечивает, и картошке расти мешает. Стал, хороняка, под корень ореховый селитру да скипидар лить. Скандалила с ним Малашка, да как за старым демоном уследишь? Так и погиб орех — высох. Не стала его рубить Малашка, а только каждый вечер, как на могилу, к нему ходила. Пела ему, плакала, пионы вокруг него сажала и поливать как следует не ленилась. Бабы над ней смеются — а ей хоть что, — он меня от смерти молодой спас — говорит, и знай себе, ухаживает.

Прошли годы — Борясю хворь лютая одолела. Живет, а делать ничего не способен — все кровью кашляет, и нет ему избавления. Дети в город его возили, врачам показывали, знахарки яйцом выкатывали — без толку. Прокашлял он года два — жить мочи совсем нет, хоть бы помер, а Бог не забирает его, все изводит. Жену он свою на столбе повесил, а людям сказал, что с собой кончила. Дети в город от него сбежали, а старший в медвежью ловушку угодил и там с голодухи и обезвоживания помер. Стали родственники к нему дальние ехать — все прощения везут, помирай, мол, Боряся с миром, много у нас на тебя обид, да отпускаем, пусть Бог судит. А Боряся не мрет — на кровати лежит немощный, синий весь, страшный, говорить не может, а все кашляет.

Стали люди со всего села идти — все грехи мы тебе, Боряся прощаем, и за то, что полицаем был, и за то, что собак стрелял. И что жену свою повесил и девок наших силой попортил — уходи с миром — Бог один судить может. Живет Боряся, только жить ему так хуже смерти. Пришли дети Борясины просить Малашку: сходи, прости батьку, мы совсем ходить за ним изможделись. Жалко Малашке детей стало, что им зазря со старым иродом мучиться? Вздохнула она — пошла. Села коло кровати — Боряся страшнючий такой, весь черный, глаза, как холодец прокисший, шевелиться не может, — а кашляет — мочи нет видеть. Прощаю тебе все грехи, сказала Малашка, да руку ему на лоб положила. Тут Боряся сразу и помер.

Пришла весна, стала Малашка сад обкапывать — глядь — а орех-то — ожил! К осени даже урожай был. А на следующий год и совсем оклемался.

Сука-любовь

Вот как бит вам покажет, где боль.
На рану, как соль, сука любовь... Сука-любовь...
Любовь цвета боли, любовной печали,
Любовь цвета крови, бегущей по венам,
Она так стонала, она так кричала, —
Я чувствовал телом.

"Фи, как некрасиво!.. Что за песня? Что за слова? Неужели нельзя выбирать что-нибудь приличнее, без этих скабрезностей... Ладно, я понимаю, мода, чтобы зацепить, шокировать... Одним словом, попса!"

А что, если я вам представлю историю двух одиноких сердец, смертельно раненных любовью (и это в наше прагматичное время!), о высоких человеческих чувствах. Эта удивительная история о романтичной и безысходной любви так и будет называться "Сука-Любовь". С большой буквы.

Этим летом киевский Дом ученых пригласил нас с женой на встречу со столичными литераторами, представителями еврейских организаций, прессы. Будучи в это время в Одессе, где живет наш сын, мы взяли билет на ностальгический "Черноморец" и седьмого сентября рано утром прибыли в Киев. На перроне нас встречала организатор встречи Марина, хлопотливая женщина растяжимого возраста со следами былой красоты, достатка, уверенности и, к нашему удивлению, вместо того чтобы доставляться через весь город в какую-нибудь Дарницу, мы через двадцать минут оказались на Тарасовской в районе университета и уже входили во двор добротного шестиэтажного дома. Выперев свои чемоданы на высокий четвертый этаж, мы замешкались у дверей, а оттуда навстречу нам доносился отчаянный собачий лай. Вот так на три дня мы оказались среди Марины, ее мамы, двух собак и кошки с четырьмя котятами.

Нас сразу вынесло в город, который мы не видели пятнадцать лет, со времени нашего переезда в Германию. И опять по памятным местам: церковь Растрелли, Подол, Крещатик со следами памятного Майдана и опять тихая Тарасовская с громким собачьим лаем. Постепенно мы проникали в эту суматошную жизнь, которая была полностью подчинена домашнему зверинцу. Сначала было продемонстрировано святое кошачье семейство, и нам пришлось поумиляться. Собаки жили порознь. Одна — в передней, другая — в кухне. Жизнь наших хозяев была полностью подчинена стран-

ному собачьему ритуалу. На прогулку собак выводили порознь. Первой с Мариной отправлялась собака из передней, с бандажом от грыжи на крупе. С высокого четвертого этажа вниз и потом, соответственно, наверх. Затем ее силком отправляли в туалет, и из кухни под отчаянный аккомпанемент затворницы выводилась вторая, и опять тем же маршрутом — вниз и наверх. Когда я, забыв о ней, отправился в туалет, то она оттуда выскочила на рысях и бросилась к выходной двери. Ее трясло от возбуждения. При звуке проворачиваемого ключа, она совершенно осатанела и, царапая лапами дверь, лаяла безостановочно. Из гостиной с причитаниями выскочила сухопарая мамаша и начала оттягивать припадочную, чтобы дать возможность Марине со второй собакой проникнуть в дом. Та тоже незамедлительно включилась в процесс, и отчаянный лай еще долго звучал, пока собак растаскивали по местам. Эти странные боевые операции не раз разыгрывались на наших изумленных глазах. Вот тогда-то Марина и поведала нам историю об отчаянной любви и ненависти на всю жизнь.

Собачки эти попали к ним щенятами. Задрав хвосты, они гоняли вместе по комнатам, играли, катались клубком, вместе спали, ели из одной миски, сбегали с Мариной по крутым лестницам во двор... В общем, обычная щенячья жизнь без вопросов, без планов на будущее... Там недалеко гремел и разрывался Майдан, а здесь два кобелька жили и не знали, что жизнь — ой, какая штука! Так прошло пару лет. В доме появилась кошка, пошли котята. Ничто не нарушало идиллии. И вот год назад подруга Марины срочно должна была уехать и слезно упросила взять на месяц ее любимую собачку, зная, что той у Марины будет хорошо, — и уход, и внимание, и любовь. А вот эта сука-любовь и порешила враз эту безмятежную жизнь, взорвала ее и выпотрошила наизнанку. Вначале наши собачки дружно проявляли внимание к гостье. Вместе обнюхивали, вместе бегали за ней следом, сторожили ее у дверей. Но тут на глазах неискушенных простофиль дама стала вести себя самым странным образом. Она скулила, выгибалась, и от нее исходил такой будоражащий запах, что весь образ выдержанных собачек из приличной семьи спал, как шелуха. Они вмиг обезумели. Они атаковали нежное создание, загоняя ее в угол. Женщины растаскивали их в разные стороны, те огрызались, стараясь вырваться, одна раз даже тяпнула старую хозяйку.

Жизнь проходила в сплошной суматохе, в погоне за алчущими животными, в причитаниях женщин и грызне бывших приятелей. А однажды, когда им все-таки удалось прорваться в вожделенную гостиную, где обреталась гостья, они устроили свалку, рвали остервенело друг друга, захле-

бываясь в истошном лае, забыв о цели и причине любовного недуга. Тогда-то и пришлось их расселить по разным территориям.

По прошествии месяца даму их сердца забрали, а противостояние продолжилось и превратилось в затяжной конфликт. Мы оказались в этой квартире год спустя после памятных событий, а накал был такой, будто только вчера сыпанула "на рану, как соль, сука-любовь".

И каждый день "они так стонали, они так кричали, — я чувствовал телом".

Начинала всегда запертая в кухне, и ей тут же вторила та, что была в передней:

— Ты, подлый, да знаешь ли, что ты поломал мне всю жизнь?

— Это я? Да что ты вообще знаешь о любви? Это такое чувство!

— Врешь! Это на меня она так смотрела! До сих пор я чувствую каждой своей клеточкой..

— Никогда не прощу я тебе! Ты разрушил все мое счастье! Из-за тебя я стал инвалидом.

— И поделом!

— Поделом? Из-за тебя у меня грыжа! Целый день я лаю по твоей милости, а ты не слышишь! Моя любовь...

— Твоя? Ее зеленые глаза до сих пор стоят перед моим взором.

— Зеленые? Вот ты и выдал себя! Карие глаза, карие! Ты должен отступиться! Твое чувство пустое! Карие глаза, карие!

— Никогда не убедишь ты меня! Я разделаюсь с тобой! Выпустите меня!

— Ноги коротки!

— Мужлан!

— Монстр! Из-за тебя жизнь моя пошла прахом! Без семьи, без детей. Никто на старости лет не окружит меня...

— А обо мне ты подумал? Мы могли быть такой удивительной парой...

— Никто теперь из-за моей грыжи не глянет в мою сторону...

— А мой порок митрального клапана?

— О-о-о...

— У-у-у...

— Сука-любовь...

— Она так стонала, она так кричала...

— Я чувствовал телом...

И так все дни, что мы были там. И так все дни после нашего отъезда. А недавно я позвонил в Киев Марине и сразу услышал фоном:

— Ноги коротки!

— Мужлан!

— О-о-о...

— У-у-у...

— Сука-любовь...

— Да, сука-любовь, — сказал я, забывшись, Марине.

— Что?— опешила она, — как это?

Ее классическое воспитание, ее надтреснутое сердце милой старой девы вдруг куда-то ухнуло, а когда вернулось на место, то ли догадка, то ли неосознанное чувство утраты осталось где-то там, на его дне.

Я не стал уточнять. К чему? У каждого своя история. И только среди ночи летит по всему миру:

— У-у-у...

— О-о-о...

Дюссельдорф

Константин ИЛЬНИЦКИЙ

Как завою...

28 апреля 2008 года на окраине Будвы (Черногория) погиб мой сын Алеша, которому летом должно было исполниться 29 лет. Его отпели и кремировали в Белграде (Сербия), прах перевезли в Одессу. Чтобы как-то выжить все эти дни, я писал стихи.

* * *

До мудрости — мотаю срок
терпенья и ученья.
До зрелости — седой висок,
и сын, любовь-мученье.

До святости — стежком стежок
стяжание... икона.
До вечности — один шажок,
всего один — с балкона.

Всего лишь взмах, всего лишь блик
движенья. Боже, где ты?
До ужаса — один лишь крик,
кровоподтек планеты.

Верный расчет

I

У него был верный расчет,
он верил, что Бог спасет,
когда, отжавшись от перил,
он в небо воспарил.

Ну, замешкался бедный Бог.
Не успел, не сумел, не смог.
Потому что и так триедин.
Нас ведь много, а Он один.

II

Чем страшнее — тем дороже.
Есть и в смерти запредел.
Ты не плачь, не плачь, мой Боже!
Что же Ты не углядел?

По закону воровскому

Боже, где твой небесный твой причал,
что обещан сыну судьбою?
Ты зачем смертью смерть попрал?
И его поманил за собою.

Его помыслы были чисты.
Вопреки санитарам, контролю
из межреберной тесноты
он всего лишь хотел — на волю.

Ты зачем смертью смерть попрал?
По какому праву такому?

Карл у Клары украл коралл.
А меня Господь покарал
По закону, по воровскому.

* * *

Как завою, завою, завою... Зови — не зови,
не откликнется словом, ну разве что клекот гортанный.
Бог не спас, не сумел. Всей Его необъятной любви
не хватило. Не смог, Он не спас... На крови
мы скользим, мы скользим, оскользаются с нами Балканы.

Всего лишь повод

Что есть жизнь? Всего лишь довод
быть к себе нестрогим.
Что есть смерть? Всего лишь повод
посудить о Боге.

Молишь Его, молишь,
А Он лишь всегО лишь.
Он всегО лишь, всего лИшь
вседержитель — нувориш.

Жизнь — как заусенец,
откусил, лишенец.

Что есть срам? Всего лишь мера
низости голимой.
Что есть храм? Всего лишь вера.
Я ее не Иму.

Я не Иму, не имУ.
Позаимствую суму,
поползу по паперти.
Ну, подайте памяти.
Ну, подайте грошик
Боженьке Алеше.

Что есть мир? Всего лишь чудо,
оторопь пространства.
Что Христос, Мухаммед, Будда?
Мифы, иностранцы.

Я кричу: "He is alive!"
А в ответ собачий лай.
Я кричу: "Еще живой!"
А у Бога выходной.

Что есть Бог? Всего лишь слово —
звонкий небосWORD.
Суть всего, всему основа,
Тот, кто нас спасет.

Вытру слезы, сяду снова —
ручка, ноутбук...
Что есть Бог? Всего лишь слово
из трех букв.

Географии разрез

Между Будвой и Белградом
с телом сына кочевал.
Там для жизни есть преграда —
Черногорный перевал.

Пограничная прореха
между небом и землею.
Там, "папиры погледех",
разлучали нас с тобою.

Почему такая боль,
этот паспортный контроль?

У полиции, представил,
лики-лица: Петр и Павел.
Петр и Павел — лица,
мне бы с небом слиться.

Пограничная прореха
между жизнью и покоем.
Здесь у горнего кромлеха
видели и не такое.

Пограничная прореха,
захребетник запредела.
Здесь без взятки и без спеха
растаможивают тело.

Между Будвой и Белградом
путь пролег, и нет спасенья.
Серпантины автострады.
Солнце. Дождичек весенний.

Между Будвой и Белградом
от любви — до вознесенья
путь пролег. Кресты, ограды.
Ну, а где же воскресенье?..

Вседержительный замес
пасхальный, песочный.
Географии разрез
тонкий, подвисочный.

* * *

Оле

От Черного моря до Черного горя,
до Белого града и ввысь.
От быта историй до светопрестолья
мы вместе с тобой поднялись.

От мутных теорий — к любви априори,
насмерть, наповал, под венком.
От Черного моря до Черного горя,
пахнув крематорским дымком.

Белград

Когда, ворота раскроив,
Белград поджег Аттила,
для всеспасительной любви
тротила не хватило.

Когда над городом трясли
бомбежек покрывало,
для всеспасительной резни
кинжалов не достало.

Нас в этот ужас вовлекают.
Никто давно не смотрит в святцы.
И смоква кровью набрякает,
Чтобы на паперти взорваться.

Державы интересы —
кровавые замесы.

Патриаршее подворье

В час, когда накроет горе,
это горькая отрада:
патриаршее подворье
православного Белграда.

Благость заоконная,
святость заиконная.
Вязаная буковка,
голубая луковка.

Лики — моего народа,
стены — ангельские битвы.
Память Белого исхода
растревожена молитвой.

Кто сегодня не знаком
с адмиралом Колчаком?
В каком нынче ранге
здесь почивший Врангель?

Тянет гарью катастрофы
от ГБ и до гестапо.
Это русская Голгофа
называется этапом.

Мы кричим: "Славяне — братья!"
Поцелуй и снова драка.
Это русское проклятье —
погубить, потом лишь плакать.

Это русское веселье
в грязь, вразнос во время тризны.
Это русское похмелье —
называется отчизной.

А когда накатит горе,
и спасенье лишь в смиренье...
Патриаршее подворье,
запах зябнущей сирени.

Алешин заповит

Я не бог, я лишь любитель
миру во спасенье.
Вы простите, вы любите.
Завтра — воскресенье.

Деньги — прах, душа — обитель
нежности одной.
Вы не спите, вы любите.
Завтра — выходной.

Чуден барахла копитель.
Где отдал — там сказка.
Не копите, вы любите.
Завтра — Пасха.

Если уличная драка,
я не бил.
Я смеялся, кровью харкал,
но любил.

Бей не бей — обиды нету.
А беда рекой,
я прикрою всю планету
левою щекой.

Общих слов не говорите.
Мир спасен,
если любите. Любите.
Вот и все.

Юродивый

Столетия в народе
бытует мысль проста:
юродивый — пародия
на самого Христа.

Кощунственные речи,
безумные призывы:
любить, пока не вечер,
любить, пока мы живы.

А как любить юродивых —
отрепье всех местечек?
А может, не пародии,
а может быть, предтечи?

А может, отпочкованы
от Бога самого
предтечи местечковые
Алешки моего.

Будва — Белград — Одесса
29 апреля — 10 мая 2008

Марина ЛАЗАРЕВА

Домашние беседы в стихах

Родион Константинович был неординарным, ярким, тонко чувствующим человеком. Отсюда его редкий талант драматурга; умение слышать, предугадывать непроизносимое, тайное. Вся его жизнь – титанический труд к алтарю Мельпомены; любовь и уважение к читателю – умение подавать сценарии так (в сборниках, альманахах, книгах), чтобы читатель не путался в драматургической форме: Он (сказал). Она (сказала).

А это – труд. Титанический труд, который, хочется надеяться, будет по достоинству оценен и востребован.

В его биографии упоминается и о поэтическом даре писателя. Он не относился к этому жанру всерьез: кто в порыве чувств, эмоций, не пишет в юности стихи?

Творческий человек талантлив во многих своих проявлениях...

Часто мы импровизировали. Эти маленькие "домашние беседы в стихах" Рудик доверял бумаге (и только). Он часто называл меня насмешливо "Луной", "которой посвящена одна из лучших пьес и стихи"... Но все мои попытки и уговоры "хоть одним глазком" взглянуть на стихотворения ни к чему не приводили. Мне думалось, что, может быть, оттого, что лицо мое слишком кругло, обо мне пишется что-то смешное, юмористическое.

...Но душа поэта воплощала свое видение таинственного женского начала, своей анимы – частицы себя.

Однажды он сказал с некоторой манерностью, присущей героям ушедших веков: "Вы их найдете и прочтете, несравненная моя, когда уйду в подлунный мир...".

Они нашлись. Они смягчили боль утраты голосом, который слышится мне и в стихах, и в прозе жизни:

...Когда беда ведет свою беду
В пространстве совершенном
рядом с морем,
Избави Бог среди других в ряду
Тебя увидеть, омраченной горем...

Эти строки стали ростками новых поэтических строчек, утверждающих бессмертие и мощь энергетического потенциала творческой личности.

* * *

Куда бежать,
где врач больных любовью?
Высоки небеса
ее дела вершат,
Иль ад великий начал свою ловлю,
Послав на пробу ловких бесенят?

Любовь ко мне приткнулась.
По дорогам
из века в век скиталася она,
Как нечто, предугаданное Богом,
Иль то, что так прошляпил сатана.

А может, небеса и слуги ада
Скрестили все возможности свои
В сраженье из-за редкостного клада, —
В прах превращая все — из-за любви?

Когда полюбишь, значит, может статься,
Тебе в бою придется оказаться.
Скорей тогда судьбу свою проси:
О, чашу эту ты скорей ко мне неси.

* * *

Как я Луну люблю —
я ей завидую.

Вот хоть бы кто-то
в полпроцента
От той любви
меня любил...

Тогда б я знал, как лунную плаценту
Скорей оставить
взмахом гордых крыл.

Ворваться в мир,
не потеряв акцента,
Поняв: откуда свет и где в нем тьма, —
Всю мощь его органного концерта...
Но только вот не верю я процентам,
Что не от лун растут, а от ума.

Ум врет, играет и подводит счеты;
Льстит и баюкает, мысль принуждая спать;
Ему противны все мои полеты.
Бывает он компьютеру подстать.

Ум и Луна — две тайны, два свеченья
Два зеркала в моем земном пути, —
(Покуда мне дано еще идти) —
Простят поспешной суеты нравоученья, —
Так редки к истине мои прикосновенья.

К Луне

Они подобны иве ночью темной.
Отсвечивают. Солнечно грустят.
Магнитят взоры позолотой скромной.
Уложены. И нимбом не летят.

Пушисты, чуть волнисты.
Вот и солнце,
Причесывая в небе ореол,
Завидует
И завтра же проснется,
Его покрасив в твой неброский тон.

Роден лишь знает, как они взлетают.
Хочу и я, хоть проба нелегка,
Перебирать перстами ветерка
Те пряди, на которых звезды тают.

Схожу с ума. От холода сгораю.
Я запаха твоих волос не знаю.

* * *

Ты думаешь, что это лишь стихи?
Не кровь? Спасибо за вниманье.
Дела мои, как видимо, плохи.
Мой приговор — сто лет очарованья.

Конечно же, нет сил тебя терпеть.
Уйди, покинь, отстань, дай ясность.
И отодвинь лукавую прекрасность.
Не мучай, не томи и дай сгореть.

Костер Луны так мертвенно-жесток.
Ее огонь так холодно-учтивен,
И увлечение ее — Кинг Стивен —
Быть может, нашей повести пролог.

Где выход?
Видимо, он в том,
Чтобы не думать и молчать о нем.

* * *

С Луной нас под венец
Ведет Оксана...
Сей миг со мной Творец.
Аминь, осанна!

Вот белая — Луна
Меня тревожит взглядом.
Уже со мной она,
Я с нею рядом.

Озвучивает ночь
Светила бубен —
Он серебро — точь-в-точь.
Мир лун безумен.

Под лунной лавой Рим,
Парнас кипит ручьями.

Луна прижалась к ним
Округлыми плечами.

Под волчий тонкий вой
Она летит монетой,
То упадет орлом,
То решкой канет где-то.

Гарсон, ты принеси
Луну в тарелке Феба.
Я съем ее в обед
С французским хлебом...

Она мой нежный свет —
Совсем ребенок,
Хоть ей немало лет,
Но профиль тонок.

А я смотрю анфас —
Светлы — и только
Ее раскосых глаз
Две лунных дольки.

* * *

В зрачках погашенных зной гнева и порфиры,
Две темноты, отброшенные вспять.
Как будто слуги ада — конвоиры
Ведут кого-то, чтоб скорей распять.

А вот янтарь в глазах,
как хищность рыси —
Две оторопи,
два псалма горят,
Как будто оскорбили горни выси,
И оскорбивший — непременно я.

Но вот уж не глаза, а две улыбки,
Два поцелуя смотрят на меня,

Плывут мне в душу, точно говоря,
Что любят, что простят мне и ошибки.

Всегда мне по душе глаза твои,
Когда растеряны и счастливы они.

* * *

Твое лицо — весенний небосклон.
Явление свечи за изумрудом.
Свет нежности. Вот потому и трудно
Сдержать желанье видеть этот сон.

То приближается, а то уходит ввысь
Твое лицо с улыбкой состраданья.
Оно заведомо до грустных сроков крайних
Прощает неудавшуюся жизнь.

Когда беда ведет свою беду,
В пространстве совершенном
рядом с морем,
Избави Бог среди других в ряду
Тебя увидеть, омраченной горем.

Лишь светлый ореол меня спасет
От адских врат и Леты мутных вод.

* * *

Луна моя, любимая Луна!
Когда уйду я тенью в мир подлунный,
Ты мне своею лирой лучеструнной
Отпустишь прегрешения сполна.

Ты — зеркало, о нежная Луна, —
Страстей моих, падений — отраженье,
Любви последней жгучее круженье,
И радость, что с тобой сопряжена;

Мой вечер; ночь; последняя печаль;
Опора моего земного дома;

Мир тайны; светлая истома,
Ты будешь петь, когда уйду я вдаль.

Эрато не соперница тебе.
Луну боготворит и Мельпомена...
Века ко мне — мила и современна —
Навстречу шла, покорная судьбе.

Нас разлучить уже не может рок.
Мы друг для друга — древняя стихия.
Пока живу — все пьесы и стихи я,
Как море — вал — кладу у Лунных ног.

Марина ЛАЗАРЕВА

* * *

В самые длинные ночи,
Короткие, серые дни
Стало дыханье короче.
Тусклыми стали огни.

Затрепетало сознанье
Ветром в полях пустоты.
С тайною сферой всезнанья
Соприкасаешься ты.

Соприкасаются руки,
Чтобы проститься навек.
Терпит предсмертные муки
Близкий родной человек.

* * *

Зима как будто бы ждала,
Что ты от нас уйдешь навеки.
Кружился в хлопьях первый снег,
В беспамятстве дрожали веки.

Наутро снег истаял в грязь;
Под вечер воздух стал морозным.
Надежда теплилась, молясь
Судьбы твоей высоким звездам.

И напряженно тишина
Царапала когтями сушу.
Еще свеча не сожжена:
Заветов тайных не нарушу.

Но море, скал прибрежных страж,
Вдруг поглотило область суши...
А может, это был мираж, —
Любовью вечны наши души?

И та мечта, где ты и я, —
Твоим быть может продолженьем?
Незримым лайнера скольженьем
За окоемом бытия.

* * *

Вот и ты прилег отдохнуть,
Как туманы над берегами.
Километрами и снегами
Твой теперь не измерю путь.

И ушли, и забыли все:
Краток срок преходящей славы.
Лишь деревья во всей красе —
В смертном инее мерзнут травы.

Лишь топчу, топчу и топчу
Я кладбищенскую дорожку,
И живу пока понарошку,
Уподабливаясь лучу.

Проникаю в твои дела,
Перекладываю бумаги...

Где мне, Господи, взять отваги,
Чтобы в слове душа жила?

* * *

Меня увидеть омраченной горем
Душе твоей летящей
с высоты, —
Парящей над Фонтаном и над морем,
Забывшей про недавние мечты

Не даст Всевышний. Даст Он мне смиренье;
Когда беда ведет свою беду —
Быть сильной и среди других в ряду —
Терпеть,
В страницы
превращая откровенье.

Лицо мое с улыбкой состраданья —
В декабрь твой — весенний небосклон...
Не потревожу твой прощальный сон
Штормами приземленного страданья.

Молитвы ореол тебя спасет
От адских врат и Леты мутных вод.

* * *

Ты ко мне все идешь и идешь.
Ты теперь этот ласковый дождь.
Эта память... И ветер весенний,
И любви твоей творческий гений

Обнимают у звезд на виду
Мою жизнь и судьбу, и дорогу.
Речь твоя, обращенная к Богу,
Растворяет любую беду.

Я к тебе все бегу и бегу,
Параллель —

В параллельном пространстве.
Кто меня обвинит в постоянстве,
В том, что ум пребывает в бреду?

Диалог с Лобачевским веду:
Две прямые и есть жизни чьи-то?
Все в них мелкое ливнями смыто.
Драгоценное — закреплено —
Мастерством — золотое руно.

Сонеты

Перевод с английского Георгия ПИЛИПЕНКО

3

Когда я думаю, что эти строки,
И без меня — судьбу мою решат,
Что для прочтений будущих, глубоких
Чернильный след важнее, чем душа,

Я в мыслях часто представляю это:
Собрался круг читателей большой,
Чье представленье о судьбе поэта
Никак не вяжется с его душой;

И в гневе я на бытие земное,
Что думает и поступает так,
Сжимает душу, не дает покоя,
Приносит горе и сомнений мрак.

Я в ярости слепой. И мысль повисла.
Не нахожу ни нужных слов, ни смысла.

4

Хоть это правда — ты давно мертва,
Но как тебя могло коснуться тленье?
Ты в памяти моей была жива,
Не уходила из воображенья.

Я образ твой воздвиг на пьедестал:
Улыбка грусти, живость поцелуя...
И в смерть твою я верить перестал,
И жил, на истину не претендуя.

Но я пришел, где спишь в покое ты:
Цветы смотрели на меня невинно,

Трава пробилась в трещины плиты,
На имени — лишь мох и паутина.

Я так и не постиг, хотя бы чуть
Твоей судьбы загадочную суть.

5

Как действовать? Как разум свой послушать,
Коль суета сует, как вес оков,
И бесит, и захватывает душу
Для времяпожирающих трудов?
И можно ль мысль отделить от долга?
Душа для долга существует ведь?
Но мысль долгу предана недолго:
Чего угодно может захотеть.

И вот решил я обручиться с Музой,
Для дома первый камень заложил,
Но в суете не избежал конфуза:
Я нищим стал: ни денег нет, ни сил,

И плоть свою, как грешник, заставляю
Отречься от желаемого рая.

8

Душа немало масок разных носит:
Стремится, чтоб не видели ее,
Но коль она однажды маску сбросит,
Узнает ли душа лицо свое?

Ведь маска не зовет себя личиной,
Сквозь прорезь глаз воспринимает свет.
И мысль наша маску приучила
Принять судьбу и не искать ответ.

Как дети в зеркале лица боятся,
Так наши души в поисках проблем

Гримасничают, в бог весть что рядятся,
И мир иной творят, забыв зачем.

Хоть мысль душу обнажить готова,
Но чтоб раскрыть себя саму — ни слова.

10

Чтоб сердце окунулось в сон здоровый,
Пустых посул я нашептать готов,
Оно впадает в сон от звука слова,
И вовсе не вникает в смысл слов.

Ведь если сердце бы стремилось к знанью
О дне, о солнце, что взойдет опять,
Оно б слова подвергло испытанью,
Чтоб цену обещаниям узнать.

Но сердце спит. Его и днем и ночью
Лишь игры в обещания манят.
Нам вместо ягод — хороши цветочки:
Они воображение пьянят.

Я сердце так обманываю часто,
Что ложь с годами стала сердца частью.

9

О, быть ленивым, леность обожая,
Я в этом чувствую свою вину:
Приходит мысль одна, затем другая,
Но я и пальцем не пошевельну.

Как гордый зверь, что мечется в капкане,
Я в гневе познаю и кровь, и пот,
Бездействие ведет к душевной ране,
А действие — к отчаянью ведет.

Я, словно тонущий в песках сыпучих,
Что с каждым взмахом — глубже засосут,
И не поможет сила рук могучих,
Движенье мысли — бесполезный труд.

Мы действий в жизнь мертвую не вносим:
Мы все дела на завтра переносим.

Сонет III

Коли я думаю, що ці прості рядки
Нажаль, замінять з часом творче ціле,
Й читач ввіп'ється оком в сторінки,
Відчитуючи душу не без цілі,

Прийдешній уявляю я загал,
В котрім про мене думка припустима,
Що я — літературний ідеал,
Та з ним не йде моя душа пропаща в риму.

Мене гнівить засада світова,
Вона собі свавілля дозволяє,
Гнів душить душу, в мотузи звива,
Жбурляє в пащу домислів, відчаю.

І збуренню, що рветься з глибини,
Бракує слів. Та зайві і вони.

Сонет IV

Я тлінності для тебе — не прийму,
Хоч в дійсності ти вже давно померла.
Твій образ, що існує наяву,
Із пам'яті моєї смерть не стерла.

Цілунок, усміх, ніжність юних щік...
Вдостоїлося серце насолоди
Тебе в такім безсмерті знати вік,
Закарбувавши мить твоєї вроди.

Але прийшов, де спочиваєш ти,
І на гробку живі побачив квіти,
Траву підступну, тріщину плити
З твоїм ім'ям, вже небуттям повитим.

Й не знав що думати — і не збагну
Земну твоєї долі таїну.

Сонет V

Як думати і як думки до дії
Спонукувать, коли потреби тиск
Душею так щоденно володіє,
Щоб в часожерній праці мати зиск?

Як думку зосередити на справі,
Якій присвячена моя душа,
Раз інші мислі віддані забаві,
Не вартій і щербатого гроша?

Я мрію з Музою піти до шлюбу,
Ощаджу гріш на хату із садком,
Та повсякдення все веде на згубу,
У вічності зостанусь жебраком,

Що плоть свою гріховну спонукає
Відмовитись від бажаного раю.

Сонет VIII

О, Боже, скільки масок різночинних
Лице душі витримує щодня!
Якщо душа позбавиться личини,
Своє лице пізнає без вбрання?

Правдива маска не відчує споду —
Лиш погляд з нею зрощених очей,
А думка наша так всім верховодить,
Що робить звичним даний стан речей.

Себе дитя лякається в свічаді,
Так наші душі — дітлахи малі —
Насадять іншість, як у маскараді,
І створять цілий світ на цьому тлі.

З душі личину думка може зняти,
Але себе не дасть здемаскувати.

Сонет IX

Ледачим бути й ледарство любити!
Себе я не люблю за лінь пусту;
Велику справу я б хотів зробити,
Але і до малої за версту.

Моя рішучість — наче звір у пастці,
Порив до дії — дії ставить край:
Не-дія тягне думку у напасті,
А шарпанина гонить у відчай.

Тому я ніби у пісках сипучих,
Де з кожним рухом грузнеш в глибочінь:
Тут безпорадна сила дій рішучих,
Але й повільна не врятує лінь.

Життя це мертве, дії не приносить:
Планує нині — завтра переносить.

Сонет X

Заснути серце — немовля вмовляю,
Обіцюючи: завтра прийде ранок;
Під шемріт радше серце засинає
І не рахує сенсу обіцянок.

Якби хотіло серце сенс той знати, —
То наслухаючи поета ліру,
Чи вдовольнилося би постулатом,
Замість пійняти справжню його міру?

Та серцю ближчі радощі сонливі:
Присутність втіхи в сонному ужитку —
Є ж бо чуття такі тонкі й вразливі,
Що вдячні ягідці уже за квітку.

Оманою гамую серце часто,
Хоч є омана та і серця частю.

От редакции. Фернанду Пессоа (1888-1935) выдающийся португальский поэт-экзистенциалист. Вдохновленный сонетами Шекспира, он написал 35 сонетов на английском языке елизаветинской эпохи. Он был двуязычным поэтом, поскольку провел детство и окончил университет в Дурбане (Южная Африка), где работал его отчим. Был крайне застенчив, поэтому писал под тремя разными псевдонимами. Каждому из вымышленных авторов придумал биографию и устраивал в печати творческие перепалки между вариантами своего "я". Мистификация обнаружилась лишь после его преждевременной и загадочной смерти. Его столетие в 1988 г. отмечалось ЮНЕСКО как год Пессоа.

Я ухожу, я так решила!..

* * *

Красивой женщиной непросто быть,
Ведь красота так уязвима!
И если хочет женщина кого-нибудь забыть,
Ей не дают. Он не проходит мимо.
Клянет, ругает, мстит, мешает жить,
В надежде, что вернет ее обратно.
Понять не хочет, что она
Простить уже не сможет.
Это ж так невероятно.
Любовь ушла и сожжены мосты.
Восстановить ее никто не сможет.
Так почему? И как им
Объяснить, что прах любви
Нам лучше не тревожить?

* * *

И снова ночь, и я одна!
Тоска огромной черной кошкой
Сдавила грудь — и не вздохнуть!
Внутри как будто глыба льда,
И растопить ее не сможет, увы,
никто и никогда!

* * *

Я ухожу, я так решила!
И ничего не изменить!
Как мне понять, какая сила
Мне просто не давала жить?
Но время лечит — я свободна!
Могу дышать, не думать о тебе,
Не ревновать и делать что угодно,
Лишь потому, что это нужно мне!

* * *

За все на свете нам
приходится платить.
И если думаешь, тебе удастся
проскочить...
Зря не надейся, знай — близка
расплата
И в этом трусость лишь твоя,
поверь мне, виновата!

* * *

Кто ж так твою изранил душу,
Что ты не веришь никому?
А я, хоть твой покой нарушу,
Все ж боль тебе не причиню.
Мне тоже было в жизни туго.
Казалось, все кругом враги.
И не найду, быть может, друга...
Но это, право, пустяки!
Ты умный, сильный, ты сумеешь
Простить врагов, принять друзей
И в сердце ты пустить посмеешь
Того, кто всех тебе нужней.

Игорь Губерман:
"Везде долги: мужской, супружеский..."

22 апреля, в памятный для каждого гражданина СССР день, в Одессе в Русском театре выступал с "творческим отчетом" Игорь Губерман. Это уже далеко не первая встреча автора "Гариков" с нашим городом. Впервые он побывал здесь в незабываемый год холеры, и признается, что с тех пор его магнитом тянет в этот вольный пушкинский город.

Родился Игорь Миронович Губерман 7 июля 1936 года. Окончил Московский институт транспорта. Рано начал писать, публиковался в журнале "Евреи в СССР". Когда Губерману предложили дать показания против редактора этого журнала Виктора Браиловского, то он как каждый порядочный человек отказался. Порядочность была не в чести. И органы сфабриковали против него липовое дело, в результате которого Игорь Губерман сел на пять лет.

Правда, лагерь многому научил писателя. В частности, он там написал свою главную прозаическую книгу "Прогулки вокруг барака". Ее из лагеря вынес врач и передал надежным людям. Книга пошла в самиздат, а затем и в тамиздат.

В 1988 И. Губермана вызвали в ОВИР и предложили эмигрировать с семьей в Израиль. Чтобы хуже не было. Хуже не стало. Губерман живет в Израиле, ездит с концертами по всему русскоязычному миру, пишет. Только что в Иерусалиме вышел его "Шестой иерусалимский дневник". А всего, прикинул в разговоре со мной Игорь Миронович, он написал около 8000 "гариков". "Не все равноценные", – смущаясь, признался он.

И все же сотни его "гариков" уже вошли в фольклор, в народную мудрость. Остается поблагодарить Александра Марданя, благодаря которому и состоялась нынешняя встреча И. Губермана с одесситами.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

* * *

Мы были тощие повесы,
ходили в свитерах заношенных,
и самолучшие принцессы
валялись с нами на горошинах.

* * *

В живую жизнь упрямо верил я,
в простой резон и мудрость шутки,

а все высокие материи
блядям раздаривал на юбки.

* * *

Будущее — вкус не портит мне,
мне дрожать за будущее лень;
думать каждый день о черном дне —
значит делать черным каждый день.

* * *

Чтоб выжить и прожить на этом свете,
пока земля не свихнута с оси,
держи себя на тройственном запрете:
не бойся, не надейся, не проси.

* * *

Сполна уже я счастлив оттого,
что пью существования напиток.
Чего хочу от жизни? Ничего.
А этого у ней как раз избыток.

* * *

Сижу с утра до вечера
с понурой головой:
совсем нести мне нечего
на рынок мировой.

* * *

Везде долги: мужской, супружеский,
гражданский, родственный и дружеский,
долг чести, совести, пера,
и кредиторов до хера.

* * *

С утра за письменным столом
гляжу на белые листочки,
а вот и вечер за окном...
ни дня, ни строчки.

* * *

Кишат стареющие дети,
у всех трагедия и драма,
а я гляжу спектакли эти,
и одинок, как хер Адама.

* * *

За радости азартных приключений
однажды острой болью заплатив,
мы так боимся новых увлечений,
что носим на душе презерватив.

* * *

Я — лишь искатель приключений,
а вы — распутная мадам;
я узел завяжу на члене,
чтоб не забыть отдаться вам.

* * *

Она была собой прекрасна,
и ей владел любой подлец;
она была на все согласна,
и даже — на худой конец.

* * *

Из наук, несомненно благих
для юнцов и для старцев согбенных,
безусловно полезней других
география зон эрогенных.

Виталий АБРАМОВ

В. Кандинский среди других мастеров "утраченного" авангарда

В. Кандинский. 1920-е гг.

Судьба вела В. Кандинского по малым и большим городам Европы. Но в круговороте постоянных странствий был город, где прошли его детство и ранняя юность, куда он неизбежно возвращался. Это Одесса. Сюда будущий художник переехал в 1871 г. с родителями из Москвы. Учился в III-й гимназии (1876-1885). Затем, после окончания Московского университета, резко повернул от занятий наукой к искусству. Обучаясь живописи у А. Ашбе в Мюнхене, в 1898 году дебютировал своими произведениями на выставке Товарищества южнорусских художников в Одессе. В течение 14 лет он регулярно экспонировал свои работы на выставках в Одессе, показав в общей сложности более 200 работ, относящихся к самому напряженному и плодотворному периоду его творчества. В Одессе В. Кандинский опубликовал три своих теоретических статьи: "Куда идет "Новое искусство" (1911), "Содержание и форма" (1911), "О понимании искусства" (1914). Его контакты с Одессой продолжались и после его окончательного отъезда из России в декабре 1921 года.

Казалось бы, в Одессе должен был оставаться значительный корпус работ художника. Однако в собрании Одесского художественного музея лишь четыре небольших ранних пейзажа мастера. В настоящей статье речь пойдет еще об одной работе, которая могла бы, сохранившись, украсить собрание музея.

Объект нашего исследования — фотография из архива Одесского художественного музея, воспроизводящая интерьер одного из залов музея. На стенах — экспозиция, состоящая из одиннадцати произведений живописи. Достаточно беглого взгляда, чтобы определить, что все работы вы-

Интерьер здания Одесского художественного музея. 1928 г.

полнены художниками классического авангарда. Не составляет труда и определить, что все произведения в настоящее время в музейном собрании отсутствуют. Снимок ставит ряд вопросов: это временная выставка? время ее проведения? авторы, названия работ, размеры, техника исполнения? дальнейшая судьба произведений?

Надпись на обороте фото — "Выставка подарков, полученных из музеев Москвы и Ленинграда" — позволяет ответить на первые из вопросов. В течение 1927 и 1928 гг. в Одессу с целью пополнения собраний музеев отдельными партиями поступило около 400 произведений живописи, графики, декоративно-прикладного искусства отечественных и зарубежных мастеров. Об этом свидетельствуют сохранившиеся разрозненные акты передач (Архив ОХМ), среди которых Акт № 854 от 11 января 1927 г., согласно которому, на основании разрешения Музейного отдела из Центрального хранилища Государственного музейного фонда (бывший Новодевичий монастырь) Одесскому музею через заведующего Ц.С. Эмского-Могилевского[1] было выдано 29 произведений живописи русских и западноевропейских художников. Под № 4 акта значится работа В. Кандинского "Беспредметное" (размеры не указаны, но отмечено, что в Музейный фонд работа поступи-

Произведения В. Кандинского на XIX Государственной выставке Москва. 1920 г.

ла из Берлинской выставки, а также проставлен инвентарный номер Музейного фонда – 6166).

Спустя год, 6 января 1928 г. Ц.С. Эмский-Могилевский, согласно Акту № 108 (рукопись), получает из фонда Московского музея живописной культуры[2] через заместителя заведующего П.В. Вильямса[3] пятнадцать произведений живописи. Размеры работ и техника исполнения в акте не указаны, но проставлены инвентарные номера Музея живописной культуры. № 1. Лентулов, "Теленджик" (406); № 2. Гончарова, "Девочка с собакой" (394); № 3. Гончарова, "Жатва" (450); № 4. Лентулов, "Городской вид" (475); № 5. Лентулов, "Церковь" (411); № 6. Бурлюк Д., "Поселок на Урале" (333); № 7. Синезубов, "В кабачке" (57); № 8. Меньков, "Живописная композиция" (381); № 9. Попова, "Архитектоника" (224); № 10. Бурлюк Д., "Пейзажи" (38); № 11. Меньков, "При электрической лампе" (457); № 12. Малевич, "Супрематизм" (1296); № 13. Грищенко, "Пейзаж" (443); № 14. Малевич, "Жнец" (424); № 15. Попова, "Архитектоника" (номер не указан). Отметим попутно, что ряд произведений художников авангарда приобретались в Одессе. К примеру, согласно акту от 21 мая 1927 года, Государственный художественный музей (ныне Одес-

Работа В. Кандинского
1920 г.

Н. Синезубов. В кабачке
1920 г.

ский музей западного и восточного искусства) передает купленные у гр. М. Локшица в 1926 г. на хранение в Музейный фонд 13 произведений Александры Экстер.

Комплектование музея произведениями художников авангарда нашло отражение в одесской периодике тех лет. "Вечерние известия" (22 февраля 1928 г.) отмечали: "...Из Музея живописной культуры в Одессе представлено 15 вещей, в том числе работы современных левых мастеров: Лентулова, Бурлюка, Малевича, Кандинского...". Та же газета (20 мая 1928 г.) в статье "Что получила Одесса из столичных музеев" писала: "Народно-художественный музей закончил разборку десятков ящиков, в которых прибыли ценные музейные вещи из Москвы и Ленинграда. ... Впервые в одесских музеях будут представлены левые русские мастера начала 20 века Лентулов, Бурлюк, Малевич, Попова, Грищенко, Гончарова...". И наконец, та же газета (20 октября 1928 г.) — "Дар к Октябрю" — дает краткий обзор выставки: "Представлено 400 экспонатов... Коллекция левых во главе с Бурлюком, Попова, Кандинский, Синезубов и др.". Таким образом,

рассматриваемое фото — часть экспозиции выставки, проходившей в октябре-ноябре 1928 года.

И еще один документ, без которого невозможно перейти к конкретному рассмотрению работ, воспроизведенных на фотографии. Спустя два года после проведения выставки — 7 апреля 1930 года — ряд произведений художников авангарда были переданы во временное пользование из Народного художественного музея Одесскому государственному музею. В отличие от предыдущих актов передачи, этот документ указывает размеры и технику исполнения работ.

1. Гончарова Н.	"Жатва" 101х95	м., х.	1016
2. Лентулов	"Город-вид" 99х100	—"—	1017
3. Лентулов	"Церковь" 71х54	—"—	1018
4. Синезубов	"В кабачке" 70х6	—"—	1020
5. Меньков	"Живописная композиция" 29х7	—"—	1021
6. Попова	"Архитектоника" 71х54	—"—	1022
7. Меньков	"При электрической лампе" 65х54	—"—	1024
8. Малевич	"Супрематизм" 57х53	—"—	1025
9. Грищенко	"Пейзаж" 58х53	—"—	1026
10. Малевич	"Жнец" 71х107	—"—	1027
11. Попова	"Архитектоника" 44х53	—"—	1028
12. Кандинский	"Беспредметное" 177х133	—"—	1032
13. Лентулов	"Пейзаж" (Геленджик) 87х96	—"—	1014
14. Гончарова	"Девочка с собакой" 117х97	—"—	1015

<...>

Исходя из размеров, на фотографии на правой стене в центре вверху работа В. Кандинского, названная во всех приведенных выше документах, — "Беспредметное". Справа и слева от нее работы Лентулова. На левой стене верхняя справа работа Н. Гончаровой "Девочка с собакой", под ней две работы Л. Поповой "Архитектоника", и левее внизу работа Менькова "При электрической лампе".

Но вернемся к двадцатому году. Близко знавший Кандинского по совместной работе в Московском университете и в Институте художественной культуры критик и историк искусства А. Сидоров писал в конце 1920-го года: "Весьма интересной была за последнее время деятельность В.В. Кандинского, художника с общеевропейской репутацией, давшего в ряде выступлений печатных (книга о нем была выпущена в 1918 г. отделом ИЗО) и общественных — крайне существенное и интересное обосно-

В. Кандинский. Парящее острие. 1920 г.

вание "беспредметному" творчеству. В 1918 г. художником не написано ни одной картины, в 1919 — 6, 1920 — 9. Писать приходится урывками, нередко по вечерам при искусственном освещении, мешает отсутствие сильных лампочек, — все это очень типично. В. Кандинский служит в отделе ИЗО, заведует Музеем живописной культуры, принимает ближайшее участие в работах Института художественной культуры, программа деятельности которой им выработана для летней конференции художественных мастерских. В последних он состоит профессором, находит, кроме того, время для литературных работ: характерная трудовая страда художника Советской России"[4].

Таким образом, рассматриваемая нами работа "Острие" — одно из девяти произведений живописи, выполненных Кандинским в 1920-м году. На самом деле ее название иное, а именно — "Парящее острие". Согласно записи В. Кандинского в его "домашнем" каталоге (ныне сохраняется в фонде В. Кандинского в Музее современного искусства Центра Ж. Помпиду (Париж), под № 228 значится — "Парящее острие", 1920 г., холст, масло, 136х179 (разница в размерах, указанная в актах и в записи В. Кан-

динского, скорее всего, зависит от обмера работы в узкой раме или без нее).

Впервые в литературе о В. Кандинском это произведение указано и репродуцировано в работе первого биографа художника историка искусств Вилли Громмана (Will Grohmann) (1887-1968)[5]. Согласно его данным и данным "домашнего каталога" В. Кандинского, художник первоначально решал как подготовительную работу к последней из своих композиций — "Композиции VIII", однако в финальной версии "Композиции VIII" (1923) кардинально изменил композиционное и колористическое решение. Он же и отмечал, что после 1922 года местонахождение этого произведения неизвестно. Позже произведение было зафиксировано в фундаментальном двухтомном каталоге-резоне произведений масляной живописи В. Кандинского, составленным Г. Ройтелем и Ж. Бенджамином[6].

В. Кандинский. Белая линия
1920 г.

Впервые после создания произведение В. Кандинского было показано в Москве на XIX Государственной выставке Всероссийского центрального выставочного бюро в октябре 1920 г., проходившей в залах на Большой Дмитровке, 11. В каталоге этой выставки под № 15 она отмечена под названием "Острия". На выставке было представлено более 50 произведений художника, собранных в отдельном зале[7]. Фотография экспозиции работ В. Кандинского широко известна, и на ней во втором ряду справа видна работа "Острия". Московский художник и критик Д.И. Мельников в обзоре XIX выставки, давая противоречивую оценку произведениям В. Кандинского, отметил, что "у входа в комнату Кандинского находилось печатное предисловие автора"[8] . Текст этого предисловия до настоящего времени не обнаружен. В нем могла содержаться информация Кандинского о работе "Острия". Очевидно, это произведение было закуплено государством[9]. В 1922 году, уже после отъезда художника в Германию, произведение оказалось на "Первой русской художественной выставке в Берли-

В. Кандинский. Черный штрих
1920 г.

не" в галерее Ван Димена, проходившей с 15 октября 1922 г., затем выставка переместилась в Стеделик-Музей (Амстердам), где проходила в апреле-мае 1923 г.

Именно участие работы в Берлинской выставке и отмечено в упоминаемом нами выше акте передачи работы в Одессу от 11 января 1927 г.

После того как в 1930 году работа была передана в Одесский государственный художественный музей, она вновь всплывает в экспозиции Галереи нового искусства, Сабанеев мост, 4 (эта галерея была в середине 30-х годов одной из структур Государственного художественного музея). Единственное свидетельство этому находим в "Адресно-справочной книге Одесской области" за 1935 г. (с. 98) — "В Галерее нового искусства... находятся работы крайних левых формалистов: Экстер, Поповой, Малевича, Кандинского".

Определение — крайние левые формалисты — весьма характерно. Именно в эти годы начинается жесткая идеологическая борьба с формализмом, часто приводящая к уничтожению произведений искусства. Дальним отголоском этих драматических событий является заметка в журнале "Малярство і скульптура". "Можно сказать, что ни на одном участке социалистического строительства на Украине враги народа так не навредили, как в области музейного дела. Враги устраивали вредительские экспозиции. Вредительской была экспозиция одесского музея, где орудовал враг Эмский"[10].

Когда и при каких обстоятельствах произведения авангарда, "остановленные" на нашей фотографии, исчезли, — вопрос дальнейших разысканий. Отметим лишь, что из всех упоминаемых нами работ в собрании Одесского художественного музея сохранилось только произведение ху-

дожника Николая Синезубова (1891-1956) "В кабачке" х., м., 1919. На обороте работы наклейка Отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения. Такие же наклейки должны были быть на всех утраченных работах. Как отмечал один из исследователей Н. Синезубова, он "отвергал крайности авангарда, но не отказывал от контактов с левыми"[11]. "Кабачок" Синезубова сохранился, видимо, потому, что в отличие от работы Кандинского или произведений Л. Поповой и К. Малевича, был фигуративен.

Мы проследили историю лишь одного из многих произведений. Об остальных работах, воспроизведенных на фотографии, поговорим в другой раз.

Примечания

[1] В те годы Одесский художественный музей именовался "Народный художественный музей". Эмский-Могилевский Цвий Савельевич. Род. в 1887 г. В конце 1937 г. был расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности.

[2] Музей живописной культуры в Москве существовал с 1919 по 1929 гг. // С. Джафарова. "Музей живописной культуры". Великая утопия. Русский и советский авангард 1915-1932. — М.: 1993. — С. 84-96.

В. Кандинский был одним из основателей и заведующим этим музеем с июня по октябрь 1919 г.

[3] Вильямс Петр Владимирович (1902-1947) — живописец, художник театра, график. С 1918 по 1924 гг. учился во ВХУТЕМАСе. Одним из его преподавателей был В. Кандинский. В 1928 г. — заместитель заведующего Музея живописной культуры.

[4] Д.И.М., А.А.С. (Мельников Д., Сидоров А. — Абрамов В.) Что делают русские художники //Творчество. — М., 1920. — № 11-12. — С. 45.

[5] Grohmann Will. Wassily Kandinsky. Life and work. New York and London, 1958, p. 333.

[6] Kandinsky. Catalgue Raisonne of the oil — Paintings Hans K. Roethel and Jean K.Benjamin. Sotheby Publcation V. II. 1987, p. 619.

[7] Полный перечень произведений В. Кандинского на выставке см.: I. Lebedeva, V. Abramov. Chronologie des expositions en Russie. Kandinsky et la Rysse. Fondation Pierre Gianadda. 2000. — p. 292, 293.

[8] Мельников Д. По поводу левой живописи на XIX Государственной выставке // Творчество. — М., 1920. — №7-10. — С. 42-44.

[9] Существует ряд попыток восстановления информации о продажах и передачах в столичные и провинциальные музеи произведений В. Кандинского в 1918-1921 годах. См. Крусанов А. Русский авангард. 1907-1932. Исторический обзор. — М., 2003. — Т. 2. — С. 240 и далее; Турчин В. Кандинский в России. — М., 2005. — С. 344 и далее. Тем не менее, "Острие" в них не значится.

[10] С. Кр-ць. Музеї України. // Малярство і скульптура. — 1938. — Квітень. — С. 19.

[11] Берман Б. Николай Синезубов // Творчество. — 1981. — №11. — С. 17-19.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Возвращение "Риты"

Мое первое впечатление от квартиры Голубовских, куда я пришла в январе 1961 года, — в простенке между окнами, прямо напротив двери — большая картина: в разных, совмещенных проекциях, портрет красивой женщины, а в верхнем левом углу — живописная цитата из известного пейзажа Ван Гога с кипарисами...

Я начала рассматривать другие работы, висевшие на стенах, слышала новые для себя имена и все оглядывалась на портрет с "разобранной" женщиной. Что-то смутно знакомое в нем было, но что?! "Кто это?" — спросила я, даже сама не понимая, о ком я спрашиваю — о художнике или модели. "Это Саша Ануфриев. Портрет Риты".

Впечатление от всего увиденного было сильным. Я уже полгода изучала искусствоведенье в Ленинградском университете, пропадала в Эрмитаже, бывала в музее имени Пушкина в Москве, что уж упоминать о многочисленных альбомах в библиотеках!

Но никогда еще ни на одной выставке я не видела такой живописи. О квартирах и говорить не приходится.

Через несколько дней Женя повел меня к Ануфриевым. Я увидела художника и его жену и сразу вспомнила, почему что-то знакомое проявилось в работе Ануфриева.

Как только я окончила школу и начала работать, сразу же записалась в библиотеку имени Горького. Не знаю, как сейчас, но в те времена в научную библиотеку школьникам путь был закрыт. Маленькие еще!

Я любила и Большой зал библиотеки, но все же постоянным моим пристанищем был небольшой уютный зал отдела искусств. Он, как и сейчас, был на втором этаже, но в левом углу. Заведовала отделом искусств дама, как говорится, элегантного возраста, звали ее Вера Павловна, надеюсь, мне не изменяет память. Она была высокого роста, держалась очень прямо (наверное, еще гимназическая выучка держать спинку!), одета была просто и строго, лицо было обрамлено красивыми серебристой седины волосами, разделенными пробором.

По-моему, это стало традицией вплоть до наших дней — в Горьковке всегда работали красивые женщины — и почтенного возраста, и молодые. Возможно, сама атмосфера библиотеки добавляла им шарма и красоты.

В отличие от Большого зала, где всегда было много читателей, а уж

в дни сессий, когда спохватывались и нерадивые студенты, — яблоку негде было упасть, в отделе искусств тесноты обычно не бывало.

Я взахлеб читала книги по искусству, уже тогда втайне мечтая о Ленинградском университете. И все же, увлеченная чтением, я не могла не заметить замечательную пару — молодой человек и девушка, оба необыкновенно красивые, всегда сидели в уголке, за последним столом небольшого зала, перелистывая альбомы и книги, о чем-то очень тихо переговариваясь.

Придя впервые к Ануфриевым, я сразу же узнала в них тех прекрасных незнакомцев из библиотеки Горького!

Комната Риты и Саши Ануфриевых в большом доме на углу Успенской и Ремесленной стала одним из постоянных и любимых мест нашего тогдашнего обитания. Мы входили во двор со стороны Ремесленной, в углу двора был черный ход, по лестнице поднимались на высокий четвертый этаж и по длинному коридору когда-то барской, а теперь коммунальной квартиры шли до его конца. Вот и заветная дверь в узкую вытянутую комнату Ануфриевых с окном на Успенскую. Вас всегда встречало приветливое радушие хозяев. Рита бежала на коммунальную кухню варить кофе, непременно с пеночкой. Кто только ни приходил сюда, кого здесь только ни встретишь!

Высокий и тонкий, как тростник, Володя Стрельников, к тому же похожий на еще популярного в те годы у нас Вана Клиберна, Витя Маринюк, немногословный, с какой-то затаенной печалью в глазах, только вернувшийся из армии Володя Буланный в тяжелых солдатских ботинках, Валик Хрущ, Хрущик, как неизменно его звали, кажется, родившийся в своей знаменитой шляпе, застенчивый Юра Шуревич, астральный Валерий Басанец и многие другие, ставшие ядром той одесской нонконформистской школы, негласным лидером которой в то время был, несомненно, Саша Ануфриев.

Кто только ни бывал в том открытом — душевно и физически — доме! Естественно, что всех приезжающих друзей мы водили к "Саше и Рите".

Многие бывали там постоянно, подолгу.

Знаменитый теперь на весь мир философ Георгий Гачев (недавно нам позвонил из Москвы Юлик Златкис с ужасной вестью: "Не стало Гены Гачева!.."), а в те далекие годы Гена Гачев, был уже известен и ценим в московских интеллектуальных кругах. В начале шестидесятых Гена приехал в Одессу, обрести пушкинскую "свободную стихию" — попасть на какой-нибудь корабль хоть матросом, хоть на время... Несколько месяцев ждал Гачев в Одессе осуществления своей надежды, ходил отмечаться в пароходство, слушал разговоры бывалых моряков и составлял словарь солено-

го морского сленга. Уйти в море не получилось. Гена жил сначала у Юлика Златкиса, а потом в общежитии порта на Успенской и постоянно бывал у Ануфриевых. Не выносивший пустопорожней болтовни, Гачев с интересом общался с Ритой и Сашей.

И замечательный художник Володя Яковлев, приехавший в институт Филатова, — он уже тогда видел очень плохо... Володя жил у Валерия Басанца, но между посещениями института Филатова подолгу задерживался в комнате Ануфриевых.

Теперь работы Владимира Яковлева, как и работы Анатолия Зверева, признаны национальным достоянием России.

Задолго до знакомства, а потом и дружбы с Ануфриевыми, комната которых превратилась в "ковчег", собравший многих друзей, Женя и Юлик Златкис дружили с Олегом Аркадьевичем Соколовым. Особенно эта дружба стала задушевной и крепкой после знаменитого вечера в политехническом институте, посвященного импрессионизму и постимпрессионизму.

Квартира Олега Аркадьевича, где жил он с мамой, сестрой Таней и ее мужем Костей, в Строительном переулке, за Ольгиевским сквером, тоже была ковчегом. Здесь собирались друзья Олега — художник Владимир Криштопенко и врач Евгений Свидзинский, похожий на Александра Блока Витя Ефименко и его златовласая жена Светлана и многие другие. И еще была Людочка, которая пыталась писать роман "Красная Москва". Роман начинался так: "Графиня очень не любила "Красную Москву". Была написана одна страница. И еще Людочка говорила, что ее пролетарское естество не может смириться с дворянским происхождением Олега...

Когда Юлик Златкис приезжает теперь к нам из Москвы, и мы предаемся сладостным воспоминаниям о тех временах, и Женя, и Юлик с упоением вспоминают, как у Олега они бесконечно репетировали домашний спектакль по пьесе Пристли "Опасный поворот", так и не сыгранный. Это было еще до меня. Но висит у нас маленькая гуашь, на паспарту которой неповторимым почерком Олега Аркадьевича написано: "Пристли. Опасный поворот". На гуаши — сцена по мотивам знаменитой пьесы.

Сколько стихов поэтов Серебряного века, еще запрещенных, еще не переизданных, известных по дореволюционным прижизненным томикам, читалось на этих вечерах у Олега Соколова! И это все происходило на фоне ранних, еще символистских работ хозяина дома, на фоне им же написанной на стене комнаты антисталинской фрески.

Дружба с Олегом Аркадьевичем длилась почти полвека, до его последнего дня...

Мы часто бывали в Москве. Обычно я приезжала из Ленинграда, а Женя — из Одессы. Прежде всего, Женя водил меня по московским художникам-нонконформистам и собирателям их работ, с которыми был знаком за несколько лет до нашего знакомства.

Иногда, правда, мы бывали и у "стариков". Амшей Маркович Нюренберг казался нам патриархом. В своей мастерской на Верхней Масловке он показывал свои старые работы, вспоминал Париж, Одессу своей молодости, попутно возмущался редактором "Знамени" Кожевниковым, который "все тянет с публикацией повести Юры". О какой повести шла тогда речь, не помню, но Юра — это писатель Юрий Трифонов, который тогда был зятем Амшея Марковича.

Дмитрий Краснопевцев и Юрий Васильев (MON) были среди тех нескольких художников, чуть ли не первых, о которых появилась статья (в 1958 году!) в американском журнале "Лайф", поставившая на дыбы советскую пропаганду.

В один из приездов Женя повел меня к Дмитрию Краснопевцеву. Он жил, кажется, на тогдашней Метростроевской. Маленькая узкая комната с единственным окном, на подоконнике которого стояли раковины, окаменелости, сухие цветы, черепки — безмолвные обитатели метафизической живописи замечательного художника.

Женя шел к Краснопевцеву с выполненным обещанием. Художник просил Голубовского — может, в Одессе он сможет найти книгу "Цветочки Франциска Ассизского". Уж не знаю, как, но Женя эту книгу нашел, и теперь нес ее в подарок — маленькая книжечка в мягком переплете дореволюционного издания. Кажется, "Мусагет".

Исполненное печали и меланхолии лицо Мастера озарилось светом, сияньем, он с трепетом в руках перелистывал книгу — исполнилась многолетняя мечта. А Голубовский с таким же трепетом и волнением принял дар художника — один из его натюрмортов.

В это трудно теперь поверить, но Дмитрий Краснопевцев жил тогда в очень стесненных обстоятельствах — покупателей его картин было мало, и художник жил, в основном, на заработок от киноафиш, которые он делал для кинопроката, где и числился штатным сотрудником...

Ныне же о Дмитрии Краснопевцеве выходят солидные монографии в России и за рубежом, а его картины выставляются на аукционах Sotheby's, оцениваются и продаются за многозначные суммы.

Юрий Васильев, он выбрал себе псевдоним MON и так подписывал

свои работы, — энергичный, витальный, кажется, заполнял собой все пространство мастерской.

Песня Булата Окуджавы "Живописцы, окуните ваши кисти" посвящена Юрию Васильеву.

И ему же посвящено стихотворение Беллы Ахмадулиной "Гостить у художника":

В час осени крайний — огонь погасить
и вдруг, засыпая, воспрянуть догадкой,
что некогда звали тебя погостить
в дому у художника, там, за Таганкой.
И вот, аспирином задобрив недуг,
напялив калоши, — скорее, скорее
туда, где, румяные щеки надув,
художник умеет играть на свирели...

А мастерская Васильева, действительно похожего на древнегреческого Пана, была насыщена работами, в которых отразился неуемный в поисках и проявлениях многогранный талант художника. Живописные холсты, гравюры, стенд со слепками рук знаменитых современников — музыкантов, писателей, художников. На полу стояли огромные фаллические скульптуры — все составляло полную противоположность метафизическому безмолвию художественного пространства Дмитрия Краснопевцева.

Юрий Васильев был художником знаменитых спектаклей Театра на Таганке — "Павшие и живые", "Пугачев".

Побывав в Японии в начале 90-х годов, Женя с восторгом рассказывал, как в "Саду скульптур" в Иокогаме наряду с работами Генри Мура и Осипа Цадкина он увидел работы Юрия Васильева. В Японии есть даже Общество поклонников Юрия Васильева.

Однажды Женя повел меня к Борису Слуцкому. И я, наконец, увидела на стене у поэта картину Юрия Васильева "Географическая карта", которую хотел приобрести мой муж. Там была своя история. Слуцкий долго выбирал, что купить, — васильевских "Птиц" или эту "Карту". Остановился на "Карте". Но так как Голубовский тоже выбирал между этими двумя работами, то, очевидно, приоритет в выборе принадлежал знаменитому поэту. Когда мы вышли от него, я в утешение мужу сказала: "Борису Абрамовичу не жалко!". На две же полюбившиеся картины, очевидно, денег не хватало даже у Слуцкого...

Не только в мастерских (а иногда просто в комнатах коммунальных квартир, как у Володи Яковлева) мы видели замечательную живопись со-

временных независимых художников — у Алика Гинзбурга, у Алика Русанова и в других московских домах. Это были работы Оскара Рабина, Евгения и Льва Кропивницких, Владимира Вейсберга, Владимира Янкилевского, головокружительная слава к которым придет позже.

Можно ли передать словами впечатление от знакомства с коллекцией Георгия Костаки, только той ее огромной частью, которая была в его городской квартире, — не меньшая часть была на даче. И у Георгия Дионисьевича были работы современных художников, среди которых он особенно любил Анатолия Зверева и Дмитрия Плавинского. Но русский авангард начала и 20-х годов XX века! К началу шестидесятых годов начали приоткрываться запасники Русского музея и Третьяковки, но до определенных пределов — до "Бубнового Валета". Русский авангард был еще под глухим запретом. У Костаки он висел на стенах.

Не буду описывать его коллекцию. Она теперь широко известна. Почему-то еще как примета того времени запомнилась одна незначительная деталь. Супруга Георгия Дионисьевича сидела перед черно-белым (цветных еще не было!) телевизором — шла трансляция конкурса имени Чайковского...

Я вспоминаю об этом, потому что и наши рассказы о московской художественной жизни, о художниках и коллекционерах, и привозимые из Москвы работы были интересны Саше и Рите. Они были внимательными слушателями и чуткими заинтересованными зрителями.

И еще. Действительно, денег у всех нас было так мало, что часто шел, как в случае с Краснопевцевым, "натуральный обмен" — чаще всего на книги.

У нас до сих пор хранится альбом божественных рисунков Гольбейна, который Саша Ануфриев отдал за альбом, уж не помню — Сезанна или Ван Гога.

Возвращаясь в Одессу, переполненные московскими впечатлениями, мы непременно шли к Рите и Саше поделиться новостями, посмотреть, что новое появилось на Сашиных холстах, и в очередной раз убеждались, что Сашины работы, совсем не похожие на работы москвичей, многим из них не уступали по живописной мощи и экспрессии.

Ануфриев и его друзья в те годы даже мечтать не смели о Союзе художников, о выставочных залах. Для официозного искусства они были париями. Что говорить об этих дерзких и независимых неформалах, если даже признанные художники, посмевшие нарушить границы дозволенного, подвергались непристойной "порке" от своих коллег по живописному цеху.

Александр Павлович Ацманчук, замечательный мастер, человек, помогавший многим и многим художникам, автор тиражированной на открытках картины "Дан приказ...", в самом начале шестидесятых на областной выставке представил свою картину "Полет!". Этот холст с динамичной композицией, в которой устремились в объятии к небесному простору юноша и девушка (не обнаженные!), с экспрессивным живописным решением вызвал шквал негодования официальных критиков и не менее официальных членов Союза художников. Происходило это почти уже полвека назад. Больше никогда я эту картину не видела, но впечатления остались на всю жизнь. Ацманчук посмел отойти даже от "сурового стиля", с зубовным скрежетом еще недавно "дозволенного".

Картина Александра Ацманчука висела на торцовой стене малого зала на втором этаже Художественного музея. И обсуждение выставки (это было лето 1960 года, запомнилось потому, что я уже собиралась в Ленинград сдавать вступительные экзамены в университет) проходило (думаю, намеренно) в этом же зале, где нельзя было дышать от летнего зноя за его высокими окнами, и особенно от накала ненависти к "оступившемуся" художнику...

Так распинали именитого художника. О каких же фондовских заказах и официальных закупках могли мечтать эти — молодые "изгои"?! А они и не мечтали. Они хранили в душе бескорыстную любовь к живописи и независимый нрав. Хоть были у них кумиры в живописи конца XIX — начала XX века. Склонный к шуткам Ануфриев иногда называл себя "Пикассаша".

"Один сезон наш бог — Ван Гог, другой сезон — Сезанн", — могли бы повторить вслед за Маяковским Ануфриев и его друзья. Но и в Одессе были мастера, которые много значили для этой буйной молодой поросли. Тот же Александр Ацманчук, но все же, в первую очередь, Юрий Егоров. Как и Ацманчук, от испытания "суровым стилем" пришедший к новой живописной пластике.

Но жить было нужно. Чтобы помочь Саше и Рите (это было еще до "квартирных выставок"), Женя устроил лотерею. Знакомые инженеры, врачи, журналисты откликнулись. Конечно, это и тогда были более чем скромные "вспомоществования", но и они были подспорьем для Ануфриевых. Так в одесских домах вслед за работами Олега Соколова стали появляться работы Ануфриева и его друзей.

В то время Саша написал множество автопортретов, портретов друзей и тех многочисленных подружек, которые прелестным цветником расцветали в узкой комнате высокого дома на Ремесленной угол Успенской.

И все же, естественно, постоянной моделью, подлинной Музой художника была Рита. С упоением и страстью Саша писал Риту, ее красивое и умное лицо, ее пластичную фигуру, ее тело. Вряд ли сейчас можно подсчитать, сколько было написано холстов, прекрасной героиней которых была Рита. Это был целый мир, целый космос страсти, любви и красоты.

Мы все были молоды, безденежны, не обременены материальным благополучием, но дружили и любили друг друга, постоянно ходили в гости гурьбой — то к Ксане Добролюбской, в комнате которой Саша расписал окно, выходившее в кухню, то поднимались на шестой этаж самого высокого дома на те времена в Одессе — к Стелле и Алеше Ивановым, то к Ларисе Сикорской и ко многим другим, и Саша с невероятной щедростью дарил свои работы.

В них уже в те годы восхищала и щедрость, и безупречный вкус, и прирожденная элегантность. При той материальной скромности, в которой они жили, оба — и Рита, и Саша — всегда выглядели элегантными, стильными, необыкновенно красивыми, очевидно, этому способствовала и внутренняя свобода.

Своеобразным ритуалом тех далеких лет был непременный поход по выходным дням на Староконный базар. Все что-нибудь собирали. И на развалах Староконного всегда можно было найти какую-нибудь "нечаянную радость". "Кайфик". Не помню, кто ввел в оборот это словечко, — Валик Хрущ или Шура, как называли Ануфриева друзья-художники, но слово прижилось. Ксана Добролюбская по-своему отзывалась о таких "радостях" — "пустячок, а приятно".

Сколько знакомых можно было встретить в воскресное утро на Староконном! У каждого были свои предпочтения в поисках. Хрущик особенно тщательно просматривал "металлические" ряды в поисках золингеновских стамесочек со знаменитым клеймом "лев на стреле", отверточек, ножичков и прочих полезностей.

Саша собирал дореволюционные открытки, изданные "Общиной св. Евгении", и был здесь конкурентом моему мужу. Кто пришел раньше, тот успел. Двойники непременно дарились.

Среди книжных развалов иногда можно было случайно найти действительно редкие книги. Так мы однажды среди обычных старых книг обнаружили первое издание книги князя Щербатова "О повреждении нравов в России" и под одним переплетом с ней — радищевское "Путешествие из Петербурга в Москву". Признаться, я даже уже не помню, какому музею или библиотеке Женя подарил этот раритет.

Конечно, в антикварных магазинах тогда стояли вазы Галле или "Даум Нанси", старые мейссенские сервизы, старинная бронза — все, что было для нас недоступно. Но прийти к Вите Маринюку и Люде Ястреб и пить чай из старинных чашек, заваренный в старинном чайничке, есть мед из старинных же блюдечек, любоваться гарднеровскими удлиненными лоточками с крышечками, найти на Староконном гарднеровскую чашку, кузнецовскую масленку, стеклянную чернильницу или бронзовый подсвечник от прежнего письменного прибора, живописный этюд неизвестного мастера, старенькую вазочку с китайским клуазоне, сделанную еще до КНР, старинную рамку, да мало ли что можно было найти на Староконном... При дороговизне в антикварных магазинах и скудном однообразии советских товаров — Староконный был просто счастливой возможностью найти, подарить друзьям какую-нибудь милую вещицу. Права была Ксаночка: "Пустячок, а приятно!".

Некоторые подарки были кочевыми. Однажды Саша подарил Люсику Беккерману "Одинокое яйцо", как он его называл, — мраморное яйцо, очевидно, стоявшее в былые годы на чьем-нибудь письменном столе в виде пресса для бумаг. Со временем Люсик передарил его нам. Еще позже от нас оно попало, все под тем же названием, которым его нарек Саша, к Ксане. В чей дом оно пришло от Ксаночки, не знаю.

...У Риты и Саши родился Сережа. Маленький ребенок, холсты, краски — все в одной комнате. Очевидно, мучительная стесненность такого быта подвигла Риту и Сашу на решительный шаг — они свою комнату поменяли (ни о какой продаже квартир в те годы и речи не было — существовали бюро обмена квартир, в том числе и междугороднего) на какое-то, очевидно, более просторное жилье в Ташкенте. Это было наше первое расставание с друзьями. До великого исхода, до бесконечных прощаний с друзьями, уезжавшими в эмиграцию, а в те времена это означало — навсегда, без надежды когда-нибудь увидеться, оставалось еще несколько лет...

Они пережили в Ташкенте печально известное землетрясение, после него вернулись в Одессу. Но какой-то невидимый постороннему взгляду тектонический разлом произошел и внутри блистательной четы Ануфриевых.

Они расстались. У Риты и Саши началась новая, иная жизнь.

Мы по-прежнему любили и Риту, и Сашу, Мы по-прежнему дружили и с Ритой, и с Сашей. Но у прежней влюбленности, восхищения, с которыми мы воспринимали недавний союз двух красивых талантливых людей, который был в наших глазах "неколебим, свободен и беспечен", как это ни печально, уже не было "адресата".

Через несколько лет мы с Кузнечной переехали на Черемушки. Однажды, перевешивая в очередной раз картины, мы поставили "Риту" на пол, прислонив к книжному стеллажу, в поисках более выигрышного для нее места.

В этот момент у нас появилась Ксана Добролюбская.

— О, что это у вас "Ритка" валяется на полу?! — в своей обычной насмешливой манере спросила Ксаночка.

— Что значит "валяется"?! — обиделась я. — Место выбираем, где бы ее лучше поместить!

Ксанка обвела взглядом наше тесное пространство и воскликнула:

— Ой, что вам мучиться! Давайте ее мне, пусть она у меня повисит, пока вы будете думать, куда ее повесить.

Ксана была таким сокровенным, таким любимым человеком, таким непременным участником той нашей юной жизни — с Сашей и Ритой, что мы с Женей в один голос, не договариваясь, воскликнули:

— Бери!

И Ксанка с "Ритой" уехала к себе в Аркадию.

Мы ездили к Ксане и Рудику Феденеву к ним на Тенистую, 16, "Рита" прижилась у них, мы и не заикались о том, что для "Риты" нашли место.

Наша дружба с Ксаной, отголоски нашей прежней жизни, где были Рита и Саша, воспоминания о ней делали невозможными какие-либо намеки о возвращении "Риты".

Потом не стало Ксаны.

Мы уже не ездили на Тенистую. А потом и вообще не стало той благословенной дачи Добролюбских в Аркадии, с которой связано столько счастливых воспоминаний.

После кончины Рудика Феденева позвонила его вдова Татьяна Анатольевна Остапчук и сказала: "Рудик завещал после его смерти вернуть вам работу Саши Ануфриева".

Женя с Анечкой поехали на Фонтан к Татьяне Анатольевне и с благодарностью приняли от нее завещанную Рудиком картину. Место "Рите" сразу нашлось. Первые дни я постоянно бегала в комнату любоваться "Ритой". Все не могла наглядеться.

Сколько нахлынуло воспоминаний!

"Рита" вернулась!

Тетяна БАСАНЕЦЬ

Мовою офорту

Серед більшості митців, з якими мені довелося спілкуватися в останні роки, Геннадій Верещагін вражає особливо. Закінчив він Київську художню школу. Потім, у 1981 році, Київський художній. Там з перших курсів відчував себе впевнено і досить комфортно, бо вже мав тверде уявлення про своє подальше творче буття. Вчителями вважає І. Селіванова, А. Чебикіна, якому вдячний особисто: він допоміг опанувати професію художника-графіка, запричастив до офорту, і насамперед офорту кольорового. Вже на третьому курсі Верещагіну пощастило взяти участь у трьох республіканських виставках.

По закінченні вузу приїздить до Одеси, куди привозить з собою вже певний рівень професійного ствердження себе в обраному мистецтві, власний погляд на його сучасну художньо-стилістичну мову. Його світосприйняття і графічна образність цілком і повністю відповідали концепції найскладнішого різновиду офорту — кольорового з однієї дошки.

Вступ у 1985 році в члени Спілки художників був послідовним кроком у житті, рискою під так званим початковим етапом діяльності. А далі — нові вітчизняні та зарубіжні виставки, перемоги на міжнародних бієнале графіки, участь у привабливому, як здавалося тоді, марафоні, що стверджував професійний хист і художнє визнання. За власною думкою Верещагіна, в той час він цілеспрямовано орієнтувався на Захід, Москву, Ленінград і зовсім не думав про Одесу. Але пізніше махнув на них рукою і майже відмовився від участі у зарубіжних виставках.

З 1985 року в арсеналі митця з'являються цілі серії графічних робіт, їх тематика тісно пов'язана з мотивами архітектурних прикметностей Одеси, живописних "нетрів" старого міста, де й досі зберігається його неповторний дух, з жанровими сценами, які ауруют особливий колорит мешканців некоронованої столиці Північного Причорномор'я. У творчому бажанні Верещагіна прилучитися до її своєрідного літопису кольоровий офорт відіграв визначну роль. Колір і колорит — найяскравіші ознаки нинішнього одеського артизму, зокрема малярства, — з появою Верещагіна перекочували і в графіку. Вкупі з досконалим володінням усім складним комплексом офорту, вони стали домінуючою рисою його творінь. Художник досяг віртуозного техніцизму в створенні широкої колірної і колористичної гами, її фактурної організації, навчився використовувати світло як структурну складову художньої мови зображення. Офорт перетворюється на стійку живописну форму. Так, у пейзажних творах, де художник віддає

шану архітектурній красі одеських будівель, досліджуються майже імпресіоністичні нюанси. Він подає архітектурні мотиви в оточенні ранкового або надвечірнього світла, яке виявляє ілюзорну об'ємність споруд, привабливу гру тіней і сонячних бліків, барокову витонченість декоративного оздоблення та матеріальну переконливість.

У жанрово-побутових композиціях колір вирішує і проблему "візуальної правди" майже фольклорних ситуацій з епізодів буття пересічних одеситів, тут найважливішим є те, що художник уникає шаблону тривіального прочитання "картинок з одеського побуту", які склалися в нашій уяві завдяки літературі та народному анекдоту, він створює свій художній міф, означений єдністю міста — його "пейзажного портрета" — з портретами мешканців. Поєднаність архітектурного й людського життя складає суттєву квінтесенцію творів художника: таким чином сюжетна канва творів розгортається у просторі старенських одеських двориків і вулиць із залишками архітектурних ознак часу та буття нинішнього. Колірна живописність предметної атрибутики гармонійно поєднана з характерами л юдей, котрі з покоління у покоління живуть і спілкуються в їх суто одеському просторі. Сам художник зауважує, що архітектурні мотиви старої Одеси він збирає по крихтах, синтезує знайдене — найхарактерніше, привабливе. Вміючи організувати деталі, акцентувати малюнком і кольором їх унікальну, майже антикварну значущість, він нібито озвучує зв'язок сучасного із пройденим.

...Звідки ж прийшло до майстра подібне тяжіння до жанру? Певну роль зіграла тут міцність традицій життєвого колориту Одеси. Але було й інше. Художник відверто натякає на сильні враження київського Подолу, що зачарував його у студентські роки. А далі розгорнутою книгою стали... "малі голландці". Саме тут знайшов він максимально виражену образотворчу силу жанрово-побутової ідеї, звучність поетичного рішення.

В середині 90-х Верещагін звертається до мініатюрної графіки, зокрема художнього екслібрису. Здавалося б, його ужиткова функція мала послабити увагу до кольору чи до малюнку, зробити їх більш умовними, спрощеними. Але сталося інакше; мініатюра виявилася об'єктом ще більшої живописно-графічної зосередженості, змусила особливо реально працювати над усіма елементами художньої форми.

Тематика екслібрисних замовлень завжди сягає історичних глибин. І в їх пізнанні Верещагін проявив неабияку ерудицію: він вдався до серйозних експериментів з пластичною мовою, а її живописна оболонка стала у нього яскравою ознакою теми, певною авторською метафорою відомих міфологічних сюжетів.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

"Судьба — это не то, что предначертано, это то, что ты сам выбираешь"*

Так написал Володя Миненко в небольшом тексте, последнем тексте, который мы опубликовали в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская", № 31, написал, думая о Кире Муратовой, но, мне кажется, объясняя и свою судьбу.

Сегодня можно задаваться вопросом, кем мог быть, мог стать Владимир Миненко — прозаиком, поэтом, графиком, книжным дизайнером... Володя выбрал судьбу-предназначение, он, влюбленный в коллажи, всего себя отдавал книгам своих друзей. Я бы назвал их авторскими книгами, так как его оформление было не менее интересным, чем тексты, несло образ художника, приоткрывало его личность.

Мы встречались много раз, говорили о том, что иллюстрация отживает свой век, что книга должна стать предметом искусства. И меня радовало, что эти мысли не оставались словами, что оформленные Миненко книги действительно можно было показывать на выставках.

Где мы встречались? Очень часто просто на улице, на Академика Филатова, в последнее время в мастерской Валерия Сырова. Я знал книги, написанные Г.Я. Лазаревой и В. Миненко, понимал, что в коллективном труде сложно выделить творчество каждого из соавторов. Но однажды Володя прочитал мне свои стихи — светлые, прозрачные, убеждающие, что он поэт милостью Божьей...

— Почему бы тебе не сосредоточиться именно на этом, на стихах? — спрашивал я Володю. Он смущенно улыбался, говорил, что стихи рождаются сами — это вдохновение свыше, а оформление книги — работа, профессиональная работа.

И все же как-то Володя попросил разрешения принести несколько стихотворений, чтобы опубликовать их в альманахе. Я был рад этому предложению. И все его принесенные тогда стихи увидели свет, думаю, нашли благодарных читателей.

А впрочем, со стихами у нас и до этого была интересная история. Есть книги, биографию которых удается, к счастью, проследить чуть ли не от издательства. Так было с томиком Бориса Пастернака, который сейчас

* Главка из коллективной книги о Володе Миненко, которая, я надеюсь, выйдет в этом году.

в моей коллекции. Когда-то эту книгу со своим автографом Борис Пастернак подарил литературоведу Леониду Боровому, тот передарил ее своему брату — известному одесскому историку Саулу Яковлевичу Боровому. Я увидел ее впервые в коллекции автографов Бориса Яковлевича Левыха. Шли годы. Не стало Бориса Яковлевича. Достойно распорядилась его наследием Галина Яковлевна Лазарева, многие книги подарив библиотекам, а часть продав, чтобы поддержать вдову коллекционера. А одну, вот эту, с автографом Пастернака, подарила своему другу и соавтору Владимиру Миненко. При очередной встрече я спросил Володю, не обменяет ли он эту книгу на какой-либо другой автограф, так как некоторые авторы у меня представлены "двойниками".

Ни на секунду не задумавшись, Володя сказал: "Считай, что книга твоя. Я ведь не коллекционер автографов, а Пастернак у меня хорошо представлен". Мне лишь осталось через две-три недели подарить Миненко сборник Марины Цветаевой и получить "книгу с биографией".

Что в нем подкупало? Интеллигент и интеллектуал, мягкий, добрый, открытый человек.

А теперь о самом последнем разговоре. Он состоялся в 2007 году, в мастерской Валерия Сырова. Мы пили крепкий кофе, сваренный Валерием, и говорили о фигуративном и абстрактном искусстве. Володя задумался, а потом сказал: "А для меня нет никакой разницы. Лишь бы билось живое человеческое сердце — в холсте, в рисунке, в книге... Абстрактное, реалистическое — главное, чтоб живое".

Вот в этом, в поиске живого, свою судьбу он выбрал сам. В каждой его книге бьется живое человеческое сердце.

Проф. В.П. Снежков

Краткая история Художественного общества имени Кириака Константиновича Костанди

Автор этих воспоминаний, Вячеслав Павлович Снежков (1882-1959) – известный в Одессе хирург-педиатр, профессор медицинского института – был, помимо того, серьезным художником-любителем. В 1917-19 годах он показывал свои работы (этюды, акварели) на выставках обществ "независимых" и южнорусских художников. С 1925 года – член Общества им. К.К. Костанди и участник всех его выставок. Экспонент всеукраинских выставок 1927 и 1929 гг. Последняя выставка, где мелькнула фамилия Снежкова, – одесская выставка 1947 г. к 30-летию Октябрьской революции.

В 1920-е годы Художественное общество К.К. Костанди оставалось последним островком искусства вне идеологии. На заседания общества ("четверги"), чаще всего проходившие в квартире А.М. Дерибаса при публичной библиотеке (ныне – научная библиотека им. Горького), собирался цвет одесской интеллигенции: художники, профессура, писатели, музыканты, врачи. Для участия в ежегодных выставках приглашались крупные мастера из Москвы и Ленинграда (Е. Лансере, Д. Митрохин, А. Остроумова-Лебедева, А. Рылов и др.). Преобладали на этих выставках "безыдейные" пейзажи, портреты и натюрморты. А поскольку партия и время требовали от искусства обязательного воплощения идей социа-

лизма, с каждым годом Обществу все труднее было противостоять обвинениям в "отсутствии идеологической платформы", "индивидуализме". Художников называли "мастерами вчерашнего дня", к их произведениям цепляли ярлыки "обывательско-мещанских", "никому теперь не нужного и негативного искусства". Эстетические претензии плавно перетекали в политические обвинения. Под влиянием "общественного мнения" часть художников заявила о своем выходе из рядов Общества, и в конце 1929 года оно самоликвидировалось.

Воспоминания Снежкова написаны в годы, когда традиции южнорусской школы живописи, традиции одесского импрессионизма были если не уничтожены, то старательно забыты официально разрешенным искусством. В 1952 году Снежков передал этот машинописный текст известному московскому художнику Амшею Марковичу Нюренбергу (1887-1979) – лидеру молодых "левых" художников Одессы в 1917-19 годах. Прошло 55 лет, все это время воспоминания хранились в архиве Нюренберга и.оставались неизвестными даже специалистам. Редакции альманаха получила возможность опубликовать этот любопытнейший документ благодаря внучке А.М. Нюренберга Ольге Тангян, ныне живущей в Германии.

Ольга БАРКОВСКАЯ

В начале 1922 года в Одессе было открыто Художественное общество имени К.К. Костанди. Мысль о создании этого общества возникла на одном из собраний художников, т. н. четвергистов.

Обычно эти собрания происходили на квартирах художников. На собрания приглашались не только художники, но и артисты, музыканты и представители науки, которые впоследствии стали активными членами общества, в значительной степени способствовали процветанию "четвергов". К концу 1922 года популярность "четвергов" значительно выросла.

Среди значительного числа членов этого "объединения" главную роль играли Александр Абрамович Кипен[1] и Александр Федорович Лазурский[2], — оба с крупные именами профессоры. Первый изучал и преподавал виноградарство, а второй — историю литературы. Объединяла их глубокая и искренняя любовь к искусству. Александр Абрамович был художник-любитель и часто участвовал на выставках. Известность А. А. приобрел как писатель-беллетрист, печатавший свои произведения в дореволюционных сборниках "Знание" (1907-1908 г.). После революции было напечатано три тома его произведений. Александр Федорович Лазурский был другом Льва Николаевича Толстого и воспитателем его детей. Большой знаток искусств и литературы, он близко сошелся с А.А. Кипенным. Кружок художников для них стал родным, и они в нем наши общую увлекавшую их работу. По их инициативе было создано существовавшее до конца 1929 года Общество им. К.К. Костанди.

Общество просуществовало более семи лет, и в течение этого времени А.А. Кипен был неизменным его председателем, а А.Ф. Лазурский его секретарем. Казначеем общества был художник Александр Николаевич Стилиануди[3].

Первое публичное собрание Общества им. К.К. Костанди было посвящено памяти К.К. Костанди[4] и было организовано в Художественной школе, которая тогда получила высокоторжественное название Академии искусств. Вечер прошел очень успешно и показал, что вокруг имени Костанди, талантливого художника, прекрасного учителя и благородного человека, возможно объединение не только его учеников-художников, но и артистов, музыкантов, певцов, поэтов и просто любителей искусств. Второй вечер был организован в театре "Факел" и имел еще больший успех. Оба вечера имели своей целью собрать средства на постановку памятника на могиле К.К. Костанди. Памятник был воздвигнут в виде глыбы — огромного камня темно-серого цвета. На отшлифованной поверхности памятника золотыми буквами была сделана надпись: "Художник К.К. Костанди".

На одном из заседаний Общества А.А. Кипен указал на большое мемориально-пропагандистское значение памятников выдающимся людям, воздвигаемых на местах их рождения, и предложил организовать комиссию по охране этих памятников. Члены Общества, музыканты, певцы, охотно откликнулись н призыв художников. Был устроен концерт, собраны средства для комиссии. На программах концерта художники выполняли художественные обложки, охотно раскупавшиеся публикой. Все делалось дружно, охотно. Царил "миролюбивый дух Костанди". Распоряжался ..... всегда А.А. Кипен.

Через год, в 1923 году, художники хоронили другого выдающегося художника Одессы, Тита Яковлевича Дворникова[5]. Смерть Тита Яковлевича в значительной степени отразилась на общем костандиевском духе Общества. Общество потеряло в лице Тита Яковлевича блестящего представителя реалистической живописи, глубокого критика, чуткого товарища и прекрасного учителя. Тит Яковлевич был похоронен рядом с могилой К.К. Костанди. Дружная семья художников снова откликнулась на призыв А.А. Кипена, и через короткое время над могилой умершего был воздвигнут в виде гранитной плиты памятник с краткой траурной надписью: "Художник Тит Яковлевич Дворников". На похоронах над могилой присутствовали все художники, писатели, профессора. Все подчеркивали в своих речах значение и роль умершего, а члены общества им. К.К. Костанди еще теснее сплотились для живой и плодотворной работы.

Общество им. К.К. Костанди устраивало вечерние собрания открытого типа, на которых читались доклады, рефераты по искусству. Делались обширные обзоры происходивших выставок в Союзе, на которых происходил обмен впечатлениями и мнениями между членами Общества. В этих диспутах принимали участие и гости, в большом количестве посещавшие эти собрания.

С конца 1922 года собрания Общества происходили в Доме ученых, тогда по ул. Е.Н. Щепкина. Правление Дома ученых весьма сочувственно относилось к Обществу, публика любила эти собрания. Время шло, и художникам стало мало этих собраний, на которых говорилось об искусствах, им нужна была выставка, на которой они могли бы показать свою работу и принять участие тем самым в созидательной работе Советского Союза.

Началась деятельная подготовка к первой весенней выставке. На одном из заседаний художников было высказано трогательное пожелание ежегодно отмечать память К.К. Костанди, который очень любил весну с ее чарующей сиренью, так называемым "Днем сирени". Первый праздник сирени художники провели 20 мая 1923 года на Ульяновской государственной даче. Большое число членов Общества, гостей приняло горячее участие в этом празднике. Хлопоты по устройству взяли на себя А.А. Кипен, проф. В.Ф. Лазурский, В.П. Снежков. Художник Василопуло[6] и др. На костре жарились шашлыки, готовилось из подвалов красное вино, без которого, по мнению присутствовавших, есть шашлык считалось святотатством. Главным распорядителем празднества был А.А. Кипен, который в этот момент был на высоте своих знаний по виноградарству и виноделию. Ему было отдано все, что касается судьбы принимавших участие в торжестве. Это и было оправдано в момент прощания после прогулки.

В ожидании шашлыка художники писали этюды с цветущих деревьев, сирени, писали и делали зарисовки участников прогулки. Душа Общества, художник Владимир Степанович Бальц[7], исключительный остроумный юморист, услаждал публику неподражаемыми рассказами и анекдотами на политические темы с греческим акцентом. Под шум аплодисментов не художник, а директор станции виноделия и главный винодел Таиров[8] читал свои рассказы с армянским акцентом. Веселью не было предела. Дурачились и одновременно свято чтили память незабвенного друга К.К. Костанди.

День сирени закончился поздним вечером. Художники веселились, как дети. Домой все возвращались с большими букетами белой и синей сирени. Душой вечера неизменно был А.А. Кипен.

На второй год, то есть в 1924 году в мае месяце Общество им. К.К. Ко-

станди устроило в музее по Софиевской улице, а ныне Короленко, посмертную выставку картин академика К.К. Костанди. Это была первая после революции в Одессе выставка. Было собрано более 300 его произведений. За месяц посетило 3538 человек. Платными билетами едва были покрыты расходы по выставке, но Общество было удовлетворено блестящим успехом выставки, и это в значительной степени способствовало идее открытия выставки членов Общества. И вот после 10-летнего перерыва художники-костандиевцы начали серию художественных выставок в Одессе.

В мае 1926 года Сельскохозяйственный институт торжественно чествовал А.А. Кипена по случаю исполнившегося 30-летия его общественной, научно-педагогической работы. Наш Общество взяло на себя осветить его деятельность как писателя-беллетриста и как художника-любителя, друга искусств. От Всероссийского союза Общества писателей была получена телеграмма, подписанная А. Толстым, Сологубом и др. писателями, в которой в теплых выражениях были выражены чувства глубокого уважения и пожелания здоровья и плодотворной работы на почве советского искусства и литературы.

Нужно отметить, что с 1903 года А.А. Кипен писал воспоминания, рассказы, бытовые очерки в силе народнического реализма. Общество им. Костанди устроило чествование Кипена в Доме ученых. Собралось более 100 человек. Был устроен товарищеский чай. Снова этот вечер принял характер веселости и глубокой задушевности. А.А. Кипен прочел свое произведение "Мейер", вызвавшее у слушателей в виде одобрения гром аплодисментов. Весь вечер прошел под флагом юмора и смеха.

Профессор Н.К. Лысенков[9] прочел свое стихотворение:

Дорогому Александру Абрамовичу Кипену.

Ты, милый Кипен, в жизни славной
Не двум, а трем служил богам,
И презирал ты, своенравный,
Житейской прозы шум и гам.
Ты Аполлона громко славил
И написал рассказов том,
Но Аполлона ты оставил
И Вакху стал служить потом.
В садах Украины отрадных
Ты лозу Франции взрастил
И соком гроздей виноградных
Друзей обильно угощал.

И вместе с тем в такой же мере,
Как этим благостным богам
Ты поклонялся и Венере
И целовал ты ручки дам.
Трем божествам служил ты верно
И отдавал весь сердца жар,
И жизнь твоя текла примерно
Богам на славу, людям в дар.
И твоего в день юбилея
Каких богов тебе желать?
Вот разве бога Гименея
Тебе бы надо пожелать.

Н. Лысенков

Академик В.П. Филатов[10] говорил стихами, составленными также в остроумно-юмористической форме. Художник В.С. Бальц приветствовал Александра Абрамовича в шуточной форме, как завзятый грек. Вечер окончился далеко за полночь. Расходились с чувством полного удовлетворения и в прекрасном настроении.

В августе 1927 года исполнилось пять лет деятельности Общества. Число членов возросло далеко за сотню. За этот период времени в Доме ученых было проведено 80 собраний. Прочитано было 75 докладов по художественному искусству и литературе. Посещаемость в среднем была 70-80 человек. В этот период времени Общество выхлопотало разрешение на устройство передвижной художественной выставки для села. Первая выставка была организована в Завадовке, и вторая в Холодной Балке около Одессы. С этого года Осенние выставки устраивались не только членами своего Общества, но на них стали допускаться и художники иногородние с самой широкой терпимостью в отношении художественного направления. Преобладали пейзажи, виды Крыма, цветы, фрукты, небо, море. На выставках было много портретов известных и неизвестных лиц, писанных талантливейшими художниками, среди которых особо выдавались: П.Г. Волокидин[11], А.А. Шевкуненко[12], Е.И. Буковецкий[13], Т.Я. Дворников и др. Проф. Д.К. Крайнев давал свои произведения с идеологическим содержанием "Мы новый лучший мир построим" — студент комсомолец, вдохновенно говорящий. Общество ожидало, что "Известия одесского исполкома" обругает Общество за безыдейность выставки. Слухи носились, что редактор Ольшевец, побывавший на выставке, только ждет неблагоприятной рецензии, чтобы ее напечатать. Сотрудник указанной газеты,

благосклонно относившийся к деятельности Общества, тов. Альцест[14], пользуясь отъездом редактора, поместил рецензию, в которой похвалил произведения Волокидина, Шевкуненко, Заузе[15], дал общую оценку выставки и предлагал публике посетить выставку. Успех выставки был очень удачный. За месяц ее посетило 4285 человек.

В 1925 году с большими трудностями Общество получило разрешение на открытие посмертно выставки произведений художника Т.Я. Дворникова: за месяц выставку посетило 1368 человек. Тит Яковлевич Дворников родился в 1862 году и происходил из крестьянской семьи Курской губернии. Отец его занимался хлебопашеством. Будучи еще мальчиком, помогал отцу в выпечке и продаже хлеба. Окружавшая исключительной красоты природа выявила у мальчика желание рисовать, на что отец весьма сочувственно отнесся к этому увлечению и поместил сына в харьковскую рисовальную школу. Свое обучение живописи Дворников закончил в одесской рисовальной школе под руководством К.К. Костанди. Академии художеств Т.Я. Дворников не кончал, но по представлению особой экзаменационной комиссии под председательством директора рисовальной школы академия предоставила ему право преподавания рисования, черчения и чистописания в средних школах. Развитие художественного дарования Дворникова не было обязано художественной школе. Это был одареннейший самородок. Он в числе первых примкнул к Обществу южнорусских художников, и не было ни одной выставки этого общества, которая не украшалась бы несколькими картинами Дворникова. Без всякого преувеличения можно сказать, что в своем искусстве он превосходил всех одесских художников. Картины его находятся в музее Академии художеств, в Третьяковской галерее, в одесском музее и в многочисленных частных собраниях.

Дворников был прекрасным портретистом, но вся сила его таланта проявилась в пейзаже. С редким мастерством и любовью он выбирал разнообразные и красивые мотивы. Усердная работа над собой, глубокое понимание всей сущности живописи, работа над маслом и пастелью, все это отразилось на его картинах. Любовно-радостное настроение светится в них лирической прелестью. С 1913 года Дворников был преподавателем Одесской художественной школы. Этому делу он отдался с большим увлечением, действуя на учеников талантливостью своих работ, неутомимой энергией и обаянием своей личности. Умер Т.Я. Дворников на 61 году жизни, 28 октября 1922 года, от тяжелой болезни рака легких.

"Вторая осенняя выставка" состоялась в 1925 году. На выставку было отобрано 278 художественных произведений только из работ одного последнего

года. Для популяризации выставки нужно было поместить предварительную заметку в "Известиях", но тут общество встретилось с весьма большими препятствиями в лице секретаря редакции тов. Гольдмана. В то время, будучи близкий к редакции, художник П.В. Васильев[17], ныне лауреат Сталинской премии, указывал Обществу на главный недостаток организующейся выставки и заключающийся в том, что в каталоге мало живой, современной тематики. Что теперь нужно выставлять не пейзажи и портреты "кисейных барышень", а рабочих и картины революционного быта. Сам Васильев уже тогда специализировался на этих сюжетах, а в настоящее время он занимает видное место среди московских художников. Все же эта выставка была открыта, сам он дал на выставку три прекрасных картины тематического содержания: "Школа ликбеза", "Люди прошлого" и "Смотритель двора". Это, по-видимому, смягчило гнев Гольдмана, и в газете не была помещена строгая критика.

На выставках Общества в этот период получили большую известность художники А.А. Шевкуненко, ныне заслуженный деятель искусств и профессор Киевской академии художеств, и П.Г. Волокидин (1877-1936).

Павел Гаврилович Волокидин происходит из семьи крепостного крестьянина Орловской губернии из села Архарово. Родился в 1877 году. Еще в народной школе, которую закончил в 1890 году, он увлекался рисованием и главным образом иконной живописью. Отец не особенно разделял стремление мальчика к живописи и желание поступить для обучения и работы в малярную мастерскую. С большими трудностями отец поместил сына в Малоархангельскую городскую школу, в которой молодой Волокидин сближается с любителем живописи неким Исаевым и с его помощью впервые начинает писать масляными красками, копирует распространенные в то время лубочные картины, которые на деревенского мальчика произвели сильное впечатление. После окончания городского училища 17-летний юноша Волокидин поступает табельщиком на земляные работы на новостроящуюся тогда железную дорогу. Однако горячее желание стать художником он осуществляет тем, что бросает работу и с большими трудностями едет сначала в Киев, а затем в Одессу. Здесь он с помощью старого народовольца 70-х годов, издателя "Народной библиотеки" Маракуева попадает в Одесскую рисовальную школу. На талантливого юношу обращают внимание преподаватели К.К. Костанди и Г.А. Ладыженский. Блестяще закончив уже тогда художественную школу, Волокидин переезжает в петербургскую Художественную академию, в которую был принят без экзаменов. После окончания академии снова возвращается в Одессу. Поступлению в Академию художеств много помог К.К. Кос-

танди, отрекомендовав своего ученика, Волокидина, И.Е. Репину как талантливого будущего художника. С 1907 года Волокидин становится членом Товарищества южнорусских художников и постоянным участником его выставок. С приходом советской власти П.Г. Волокидин приглашается профессором в Одесскую художественную академию, переименованную вскорости снова в Художественное училище, а затем в Киевскую академию художеств. Вот краткий путь этого исключительно талантливого художника, прекрасного преподавателя и близкого друга-товарища. Волокидин написал большое количество портретов выдающихся деятелей того времени, портретов своих товарищей по искусству. Несколько прекрасных портретов были приобретены Одесским государственным музеем и Киевским государственным художественным музеем..

Еще в 1925 году в связи с перерегистрацией Общества по предложению Административного отдела Одесского окружного исполнительного комитета был принят новый нормальный устав, по которому: "Художественное общество им. К.К. Костанди имеет целью объединение в Одессе лиц, поставивших себе задачей в области изобразительного искусства художественное выявление революционной современности, ее быта, развитие новой культуры и распространение среди населения знаний в области изобразительных искусств, популяризацию их, а равно изучение и изыскание нового пути развития изобразительных искусств".

Общество им. К.К. Костанди с большим воодушевлением принялось за выполнение взятых на себя на основании устава обязанностей и в короткий срок своего существования провело большую и исключительную просветительную работу. Эту работу можно разделить на пять самостоятельных разделов: 1) Характеристика отдельных выдающихся художественных деятелей, а также историков искусств. 2) Современная художественная жизнь. 3) Эпизоды из истории искусств. 4) По психологии творчества и общей эстетике, и наконец 5) О новых книгах по истории и теории искусства.

В числе докладчиков, выступавших на этих публичных собраниях Общества были следующие люди: М.П. Алексеев[18], Н.Н. Боголюбов[19], Л.А. Бродский[20], Б.В. Варнеке[21], Н.Л. Гурфинкель[22], В.П. Гутор[23], А.М. Дерибас[24], А.А. Кипен, Я.М. Коган[25], Л.К. Крайнев, В.Ф. Лазурский, Н.К. Лысенков, Л.Н. Резуцкий[26], В.И. Селинов[27], А.С. Серафимович (Попов)[28], А.А. Смирнов[29], Н.И. Толмачевская[30], В.П. Филатов, К.И. Цикуленко[31], Х.С. Чернявский[32], Ф.Ю. Феохариди[33] и др.

По первому разделу были освещены жизнь и деятельность следующих выдающихся художников: "Рафаэль", "Рембрандт", "Давид", "Ф. Милле",

"Клод Моне", "Ван Гог", "Гоген", "Конст. Менье", "А. Иванов", "Репин", "Шевченко", "Верещагин", "Ге", "Крамской", "Суриков", "Айвазовский", "В. Васнецов", "Рерих", "Бакст", "К. Костанди", "Эдуардс", "Дворников", "Нилус", "Крайнев", "Кондаков", "Гнедич" и др.

По второму разделу были рочитаны доклады: "Выставки в Париже", "Художественная жизнь Запада", "Московская академия художественных наук", "Художественно-научные учреждения Москвы и Ленинграда", а также были сделаны обзорные доклады о проходивших в различных городах Союза художественных выставках картин и скульптуры.

По третьему разделу "Эпизоды из истории искусств" были представлены доклады: "Древняя русская фреска XII-XVII вв.", "Франциск Ассизский и итальянское искусство XIII в.", Театр времен Французской революции", "Революция в искусстве", "Крестьянское искусство", "Искусство Плешское", "Выдающиеся исторические памятники старой Одессы" и много других.

По психологии творчества были прочитаны: "Об отношении искусства к природе", "Человеческое тело и искусство", "Мимика лица", "Красота и польза", "О художественной критике", "Польза красоты", "Философия искусства", "Иллюстрация и книга", "Декоративное искусство в современном театре", "Контраст и рефлекс в живописи", "Современные вопросы социологии искусства", "Цветной слух", "Световая музыка", "Анализ восприятия художественного творчества", "Отождествление в художественном творчестве", "Споры о задачах искусства".

И наконец, по пятому разделу разбирались критические заметки о новых книгах по истории и теории искусства.

К сожалению, Общество не располагало средствами, чтобы приглашать стенографов для ведения точных стенограмм заседаний. На каждом заседании иногда поднимались попутно по теме докладчиков очень интересные вопросы, но фиксировать их было совершенно невозможно, и они выпадали по большей части и из протоколов этих заседаний.

Кроме указанных выше публичных собраний Обществом были организованы также вечера-студии для членов Общества и их семейств, а также приглашенных гостей. Вечера эти, посвященные рисованию с живой натуры, сопровождались музыкальными выступлениями, декламацией или просто беседой за чаепитием.

Третья очередная выставка картин Общества им. К.К. Костанди была открыта 15 октября 1927 года и длилась до 21 ноября. Музейный отдел одесского окрполитпросвета предоставил для выставки помещение

в верхних залах Народного художественного музея. В том же помещении была размещена в 1928 году и Четвертая осенняя выставка Общества. На этих выставках картин помимо известных художников принимали участие также и иногородние, среди которых можно отметить Е.Е. Лансере[34], К.С. Петрова-Водкина[35], А.Ф. Гауша[36] и др.

В октябре 1929 года должна была состояться "Пятая осенняя художественная выставка". Ходили тогда упорные частные слухи, что все частные, групповые организации художников будут закрыты, и на месте их должен возникнуть государственный социалистический союз художников. В связи с этим открытие пятой выставки несколько задержалось. Предполагалось открыть выставку, как и прежде, в Народном музее, но было отказано по каким-то соображениям. Просьба Общества, обращенная к администрации Художественного училища, была также отклонена. На заседании, на котором решался вопрос о предоставлении помещения для выставки, слово было предоставлено двум студентам (Художественная школа тогда именовалась Институтом изобразительного искусства), которые заявили в присутствии студентов, что выставку Общества им. К.К. Костанди не следует пускать в помещение ИЗО, так как "эти выставки развращают учеников". Это был период увлечения экспрессионизмом, кубизмом и др., в настоящее время безвозвратно отошедшими в далекое прошлое. Состоялось тогда оскорбительное для Общества постановление: "не пускать". За несколько дней до открытия выставки было отнято помещение, в котором уже были сложены направленные на выставку картины, скульптура, графика и пр. Председатель Общества неутомимый А.А. Кипен в эти тяжелые минуты, однако, не падал духом и продолжал хлопотать об открытии выставки, и подыскивал новое помещение. Хлопоты увенчались успехом. Обществу было предоставлено помещение для выставки в Государственном художественном музее на Сабанеевом мосту, где в настоящее время помещается Дом ученых. Однако в этот период времени стали появляться в газетах Одессы различные заметки, статьи, порочащие Общество: в "Черноморской коммуне" появилась статья под заглавием "Пятая выставка Общества им. К.К. Костанди" (№ 2978 от 30.X.1929 г.), в "Вечерних известиях" под заглавием: "Глухой переулок" (от 25.X.1929 г.), в Черноморской коммуне" под заглавием "Уламок розбитого вщеп" (18.X.1929 г.). Писали Ал. Светлов, Г. Шполя, Н. Иващенко и Т. С. В этих статьях в грубой форме обвиняли Общество в том, что оно оторвалось от жизни и нарочито отвлекает других от социальных проблем, от революционной современности. Обвиняли в этом председателя

Общества А.А. Кипена, секретаря проф. В.Ф. Лазурского, В.П. Филатова, В.П. Снежкова, проф. Н.А. Куковерова[37], как тогда выражались — медиков не художников. Но авторы замалчивали или не знали, что из 13 человек администрации, составлявших Общество, 9 принадлежали к профессиональным художникам; А.А. Кипен, В.П. Снежков, А.А. Смирнов были художники любители, а В.Ф. Лазурский — профессор, и занимался историей искусств. Отвечать печатно мы не имели возможности. Уже когда выставка была готова к открытию, за день художники Крайнев, Заузе, Волокидин сняли свои экспонаты и заявили об уходе из числа членов Общества. В день открытия выставки было среди членов Общества подавленное настроение. Чувствовалось, что Пятая выставка является в жизни Общества последней, и что жизнь подсказывает, что Общество необходимо ликвидировать.

Мы уже указывали, что были помещены в одесских газетах заметки, среди которых в "Вечерних известиях" был фельетон "Глухой переулок". Выходило, что "костандиевцы" забились в тихое, как на погосте, место с коптящими фонарями и ощипанными канарейками. Однако симпатии публики все же на стороне Общества. Ученики ИЗО тоже усердно посещали выставку, а некоторые даже посещали с целью изучения некоторых художников, как Лансере, Петрова-Водкина и др. В конце октября в "Черноморской коммуне" появился фельетон за подписью Т. С. Автор спрашивал, как профессиональные и общественные организации допускают существование подобного Общества. После этого фельетона Союз работников искусств избрал комиссию для расследования деятельности Общества. Во главе этой комиссии был художник Жук[38]. Проф. В.Ф. Лазурский составил Общий отчет деятельности Общества, который был направлен в соответствующие государственные инстанции, и общее собрание членов Общества 16 голосами против 9 постановило закрыть Общество. Происходило это 25 ноября 1929 года. 24 ноября Общество закрыло последнюю, Пятую художественную выставку им. К.К. Костанди, которую посетило более 4000 человек.

Последнее ликвидационное собрание членов Общества проходило в помещении Дома ученых. Выйдя на улицу, "семья костандиевцев" долго еще беседовала и не хотела расходиться. Точно похороны прошли, и люди продолжали обмениваться о лучших днях, проведенных в Обществе, объединенных немеркнущей памятью дорогого друга Кириака Константиновича Костанди.

После закрытия Общества председатель Общества А.А. Кипен занял-

ся своим виноградником. Члены Общества приезжали к нему и были желанными его гостями. Сюда приезжали только близкие друзья — художники, писатели, профессура. Писали этюды, ели самими сорванный с лоз виноград, шутили и обменивались воспоминаниями о своих товарищах и друзьях, безвозвратно ушедших от нас.

20 мая 1935 года бывшие члены Общества перевезли останки К.К. Костанди и Т.Я. Дворникова в двух гробах на Новое кладбище, так как Старое кладбище закрывалось, и там предполагалось открытие большого парка, который и осуществился. Могилы профессора Е.Н. Щепкина[39], проф. Ланге[40], проф. Зеленецкого[41] и другие соседи этих художников безвозвратно утеряны.

1-го января 1937 года чествовали А.М. Дерибаса по случаю исполнившегося 80-летия со дня рождения. На именинах вспоминали "четверги" художников, а теперь это были случайные встречи оставшихся в живых "стариков".

14 августа 1937 года на даче у А.А. Кипена собралось много гостей и художников. Это был день снятия первых виноградных кистей и разлив прошлогоднего вина. Кряхтели старички и вспоминали былое. Заузе Христианыч (77 лет), Н.К. Лысенков (72 года), В.Ф. Лазурский (68 лет), А.А. Кипен (67 лет). Говорили о старческих болезнях, о геморрое, о гипертрофии простаты, о склерозе. А.А. Кипен, будучи болен туберкулезом легких, стал часто жаловаться на высокую температуру и большую слабость. 7-го июня у Кипена на винограднике дружеский слет костандиевцев, на котором всем стало ясно, что дни дорогого Абрамыча уже сочтены.

В 1937 году скончался А.М. Дерибас, рядом с могилами К.К. Костанди и Т.Я. Дворникова появилась могила П.Г. Волокидина. В ознаменование памяти дорогого товарища 7-го января 1938 года была открыта посмертная выставка произведений П.Г. Волокидина в музее на Пушкинской улице. 17 июня 1938 года костандиевцы чествовали "золотой юбилей" Н.К. Лысенкова.

15 октября на квартире у А.А. Кипена (Щепкина, 9) собрались в небольшом числе наиболее близкие ему художники. Разговоры касались его здоровья и воспоминаний прошлого. Через две недели, 30 октября, А.А. Кипен скончался. Еще до смерти покойный оставил завещание, по которому вся библиотека по изящной литературе и искусству передана в фонд Художественного училища, а библиотека по виноградарству в фонд Сельскохозяйственного института. Художественные картины, представлявшие большую ценность, были переданы в фонд Художествен-

ного музея на Короленко улице. В ноябре месяце 1941 года скончался Н.К. Лысенков, вслед за ним ушел и А.Н. Стилиануди. Умер Е.И. Буковецкий, В.Х. Заузе, Д.К. Крайнев, П.Ф. Шварц[42]. С тяжестью на сердце хотелось бы еще долгое время видеть и встречаться, обмениваться воспоминаниями и посему радоваться с оставшимися костандиевцами, продолжающими увлекаться искусством и поддерживающими и в настоящее время ежегодные одесские и республиканские художественные выставки.

В заключение хочется задать вопрос. Справедливы ли были упреки, нападки и жестокая критика на Общество художников им. К.К. Костанди? Полностью понятно, что в тот период времени, в период бурного социалистического строительства, в период исканий новых социалистических, революционных форм, которые бы отвечали требованиям эпохи, Общество им. К.К. Костанди, конечно, не отвечало. Предъявлялось требование для художников не отставать от времени и ставить себе задачей быть художниками своей эпохи и служить интересам строительства своего государства. Создавались полотна социально-эмоционального характера для пролетариата. Этого, просматривая каталоги всех пяти выставок Общества им. К.К. Костанди, мы при всем нашем желании не видим. Вот почему Общество и не имело той живой поддержки со стороны Народного комиссариата просвещения, искусств и др. Перед художниками ставилось требование: "Выявить революционную современность, развивать новую культуру и расширять среди населения знания изобразительного искусства, популяризовать его, а одновременно и искать новые пути развития изобразительного искусства" ("Черноморская коммуна" от 18.X. 1929 года).

С тех пор прошло 23 года. Ушли в вечность талантливые основатели и ярые защитники идей Общества им. К.К. Костанди. Многие ошибки прошлого справедливо осознаны. Да будет разрешено закончить эту историю словами талантливейшего художника, одного из видных деятелей того времени, а ныне продолжающего трудиться на пользу нашей любимой Родины Алексея Марковича Нюренберга.

"Отход в начале революции большой группы учеников К.К. Костанди от реалистических традиций и увлечение ей западными формалистскими мастерами глубоко опечалило его. Ревность и обида старого учителя ярко чувствовалась в его словах, произнесенных с нескрываемой горечью и грустью. Вспоминая этот период, не могу не вспомнить давно угасшее, овеянное обаянием романтики дни первой советской изовласти. Старый художественный мир умирал, рождался новый. Увлекшие нас бурные события шумно разделили всех нас на две стороны. Образовалось два враж-

дебных между собой лагеря: один реалистический, другой — левый революционный. Первым руководил Костанди, вторым нижеподписавшийся (Нюренберг). В первом лагере были преимущественно художники пожилые, во втором — молодежь.

И вот получилось так, что я, преданный ученик Кириака Константиновича, вынужден был выступать против руководимой им школы. Мне и моим юным друзьям тогда казалось, что советской власти нужно какое-то героическое, не реалистическое искусство, и что это искусство будет лучше выражать волновавшие всех нас новые большевистские идеи. Агитируя за левое искусство и насаждая творчество художников-новаторов (Пикассо, Матис и др.), мы не понимали, что создаем конфликт с той новой советской властью, которую собирались завоевать.

Вспоминая теперь и анализируя мои и друзей моих темпераментные выступления, я испытываю неподдельное чувство горечи. Время ясно и четко показало, что не мы были правы. Со всей силой своей души я раскаиваюсь перед моим учителем, прошу прощения за содеянное и благоговейно склоняю перед ним свою голову".

Общество им. К.К. Костанди не опорочено. История еще не раз вспомнит светлую память честных, неустанных основателей и деятелей ушедшего в вечность Художественного общества им. К.К. Костанди профессора А.А. Кипена, В.Ф. Лазурского, Н.А. Стилиануди, профессора Н.К. Лысенкова, В.С. Бальца.

20.XII.1952 года
Одесса

Примечания

[1] Кипен Александр Абрамович (1870-1938) — ученый-виноградарь, художник-любитель, писатель. С 1919 г. преподавал в Одес. сельскохозяйственном ин-те, с 1924 — профессор. Один из членов-учредителей и бессменный председатель О-ва им. К. Костанди (1922-1929).

[2] Лазурский Владимир Федорович (1869-1944) — литературовед, с 1901 г. работал в Новороссийском (Одесском) ун-те, профессор. В 1890-е — репетитор сыновей Л.Н. Толстого. Опубликованы его воспоминания о жизни в Ясной Поляне (1911) и дневник этого периода (1933). Один из членов-учредителей и секретарь О-ва им. К. Костанди (1922-1929).

[3] Стилианути Александр Николаевич (1868-1948) — живописец, член Товарищества южнорусских художников (далее — ТЮРХ), секретарь т-ва. Один из членов-учредителей и казначей О-ва им. К. Костанди (1922-1929).

[4] Костанди Кириак Константинович (1852-1921) — живописец, академик. Один из основателей и с 1902 г. бессменный председатель ТЮРХ, член Товарищества передвижников (ТПХВ). С 1885 г. преподавал в художественном училище, воспитал не одно поколение одесских художников. Коллеги называли Костанди "наша совесть". В 1924 г. О-во им. Костанди организовало его посмертную выставку.

[5] Дворников Тит Яковлевич (1862-1922) — живописец, член ТЮРХ и ТПХВ. Преподавал в худож. училище и гимназиях города. Один из членов-учредителей О-ва им. К. Костанди. В 1926 г. о-во организовало посмертную выставку Дворникова.

[6] Василопуло Стилиан Мильтиадович (1875-1938) — живописец. В 1917-19 гг. — участник выставок ТЮРХ, с 1924 — член О-ва им. К. Костанди, участник всех выставок о-ва.

[7] Бальц Владимир Степанович (1864-1939) — живописец, член ТЮРХ и О-ва им. К. Костанди (1922-1929). Преподавал рисование и чистописание в средних учебных заведениях города.

[8] Таиров Василий Егорович (1859-1938) — ученый-виноградарь и винодел. В 1905 г. организовал близ Одессы первую в России науч.-исслед. винодельческую станцию (впоследствии — НИИ виноградарства и виноделия им. В.Е. Таирова).

[9] Лысенков (псевд. Кальвинский) Николай Константинович (1865-1941) — профессор-анатом, с 1902 г. работал в Новороссийском ун-те. Как живописец-любитель участвовал в выставках О-ва независимых художников и др. С 1924 г. преподавал пластическую анатомию в худож. училище. Член О-ва им. К.Костанди (1922-1929).

[10] Филатов Владимир Петрович (1875-1956) — хирург-офтальмолог, художник-любитель. С 1911 г. — профессор Новороссийского ун-та, с 1921 — Одес. медицинского ин-та. С 1936 г. руководил ин-том офтальмологии, академик с 1939 г. Член О-ва им. К. Костанди (с 1923; товарищ председателя с 1924; участник выставок 1925-26).

[11] Волокидин Павел Гаврилович (1877-1936) — живописец. Член ТЮРХ (с 1910); один из членов-учредителей О-ва им. К. Костанди (участник выставок 1925-1927, 1929). Преподавал в худож. ин-те (училище), с 1922 г. — профессор. С 1934 г. — профессор Киев. худож. ин-та.

[12] Шовкуненко Алексей Алексеевич (1884-1974) — живописец. Член ТЮРХ (с 1917) и О-ва им. К. Костанди (с 1924; участник выставок 1925-27). С 1926 г. преподавал в худож. училище, с 1934 — профессор. В 1935 г. переехал в Киев, преподавал в худож. ин-те. С 1944 г. — народный художник СССР, с 1947 — действ. член Академии художеств СССР.

[13] Буковецкий Евгений Иосифович (1866-1948) — живописец. Член ТЮРХ (с 1893). Инициатор и член-учредитель О-ва им. К. Костанди, товарищ председателя (1922-1924), почетный член о-ва (с 1927/28).

[14] Крайнев Даниил Карпович (1872-1949) — живописец. С 1901 г. преподавал в худож. училище, с 1935 г. — профессор. Член ТЮРХ (с 1916), член О-ва им. К. Костанди (1924-1929).

[15] Альцест (Генис Евгений Яковлевич) — популярный одесский театральный и художественный критик конца 19 — первой трети 20 вв.

[16] Заузе Владимир Христианович (1859-1939) — график. Член ТЮРХ (с 1893), один из членов-учредителей О-ва им. К. Костанди (1922-1929). Преподаватель Одес. худож. ин-та, с 1931 — профессор.

[17] Васильев Петр Васильевич (1899-1975) — график и живописец, автор произведений историко-революционной и ленинской тематики. До 1930 г. работал в Одессе, затем — в Москве. Член О-ва им. К. Костанди (1925-1928).

[18] Алексеев Михаил Павлович (1896-1981) — литературовед, с 1958 г. — академик АН СССР. В 1920-27 гг. работал в Одессе.

[19] Боголюбов Николай Николаевич (1870-1951) — оперный режиссер. В 1925 г. — главный режиссер одесской оперы.

[20] Бродский Лев Аркадьевич (1890-?) — график, живописец. До 1920 г. — участник выставок ТЮРХ и О-ва независимых художников. Член О-ва им. К. Костанди (с 1923; участник выставок 1925, 1927-28).

[21] Варнеке Борис Васильевич (1874-1944) — филолог-латинист, историк театра. С 1910 г. жил и работал в Одессе, профессор историко-филологического ф-та Новороссийского (Одесского) ун-та.

[22] Гурфинкель Н.Л. — личность не установлена.

[23] Гутор Василий Петрович (1864-1947) — виолончелист. В 1920-25 гг. — профессор Одесской консерватории.

[24] Дерибас Александр Михайлович (1856-1937) — журналист, автор исторических и мемуарных очерков. В 1922-24 гг. был директором Одес. публичной библиотеки, в 1925-35 возглавлял там же краеведческий отдел. В его квартире в библиотеке проходили "четверги" членов О-ва им. К. Костанди.

[25] Коган Я.М. — личность не установлена.

[26] Ревуцкий Лев Николаевич (1889-1977) — композитор, профессор Киевской консерватории, народный артист СССР (с 1944), академик (с 1957).

[27] Селинов Валентин Иванович (1877-?) — историк, профессор, автор работ по архитектуре старой Одессы.

[28] Серафимович (Попов) Александр Серафимович (1863-1949) — русский советский писатель. В 1926 г. приезжал в Одессу.

[29] Смирнов Алексей Алексеевич (1874-?) — художник, преподаватель. В 1920-х гг. работал в ин-те нар. хозяйства. Член О-ва им. К.Костанди (1923-29).

[30] Толмачевская Наталья Ивановна (1889-1973) — художник, искусствовед. В 1900-10-е гг. участвовала в выставках ТЮРХ. В 1918-1927 гг. работала в Российской академии материальной культуры и в Институте истории искусств, часто бывала в Одессе.

[31] Цыкуленко Константин Иванович (1889-?) — врач-офтальмолог, ученик и ассистент В.П. Филатова. Художник-любитель. Участник выставки О-ва им. К. Костанди 1926 г.

[32] Чернявский Харлампий Семенович (1866-?) — художник-любитель, преподаватель. Член О-ва им. К. Костанди (с 1925; участник выставки 1925).

[33] Феохариди Федор Георгиевич (Юрьевич) (1889-1940?) — в 1920-е гг. входил в Одесскую комиссию краеведения при АН Украины. Музейный работник, библиофил.

[34] Лансере Евгений Евгеньевич (1886-1946) — график, живописец, с 1912 г. — академик, с 1945 — нар. художник СССР. Член ТЮРХ; участник выставки О-ва им. К. Костанди 1928 г.

[35] Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878-1939) — художник, писатель. Участник выставки О-ва им. К.Костанди 1928 г.

[36] Гауш Александр Федорович (1843-1947) — живописец. Участвовал в выставках ТЮРХ и др., член О-ва им. К. Костанди (с 1927; участник выставок 1925-29).

[37] Куковеров Николай Алексеевич (1869-1937) — хирург, преподавал в Новороссийском ун-те. С 1922 г. профессор Одес. медицинского ин-та,. Художник-любитель, участник выставок ТЮРХ. Член О-ва им. К. Костанди (с 1924; участник выставок 1925-26, 1928).

[38] Жук Михаил Иванович (1883-1964) — график, живописец, литератор. С 1925 г. жил и работал в Одессе, профессор худож. ин-та.

[39] Щепкин Евгений Николаевич (1869-1920) — историк, профессор Новороссийского ун-та, общественный деятель.

[40] Ланге Николай Николаевич (1858-1921) — психолог, профессор Новороссийского ун-та.

[41] Зеленецкий Николай Михайлович (1859-1923) — биолог, профессор Новороссийского ун-та.

[42] Шварц Павел Фридрихович (Федорович) (1875-1934) — живописец, театральный художник. Член ТЮРХ, член-учредитель О-ва им. К. Костанди (1922-1929).

Публикация Ольги ТАНГЯН
Примечания Ольги БАРКОВСКОЙ

Кто вы, Серафим Лось?

О существовании писателя Андрея Соболя читателям напомнили в середине шестидесятых. Как водится в истории советской литературы, полуопальные писатели возвращались в виде литературных героев. Традицию эту начал К. Паустовский, выведя И. Бабеля одним из персонажей "Времени больших ожиданий". У того же Паустовского в рассказе "Случай в магазине Альшванга" появляется и Соболь. Очаровательное повествование о милом неусидчивом талантливом, но совершенно не умеющем расставлять абзацы и запятые человеке, — только после правки опытного корректора рассказ, принесенный Соболем, становится истинным шедевром. Паустовский не мог написать о Соболе по-другому: ни об эсеровском прошлом, ни о том, как его, политкаторжанина, арестовало ЧК.

Об этом спустя почти двадцать лет осмелился напомнить Валентин Катаев, к тому времени уже лауреат всевозможных премий. Он написал об одесской ЧК. В 1979 году была опубликована повесть "Уже написан Вертер". И вот появляется Серафим Лось — Андрей Соболь: "Серафим Лось... В его профиле было действительно что-то горбоносо лосиное, сохатое... Он сидел, согнувшись, над маленькой портативной пишущей машинкой... Он сводил счеты с русской революцией. Он писал о себе... "И ковался, ковался загадочный круг — стучали буковки пишущей машинки, — таща за собой назло всему земному, разумному — но во имя неразумного! — Нерчинский острог, и Черемховский рудник с вагонетками и тачками, и номер петербургской "Астории" с бомбой в чемодане якобы английского инженера Джона Уинкельтона, и кандалы, и лодку-душегубку, плывущую вниз по Амуру к океану, к Азии, к воле, и смертный приговор, выслушанный в здании военного суда... и ночные парижские кафе возле рынка... и карцер, узкий как гроб, откуда, кажется, не выйти живому... и коридор Смольного, и залы Таврического дворца... и знамена, знамена, знамена, красные, как кровь человеческая, и толпы на Невском, и салон-вагон комиссара Временного правительства".

Да, читатели долго разгадывали — кто есть кто в повести. И мудрено было вспомнить тщательно вычеркнутое из истории русской литературы имя эсера-боевика. И писателя. Писатель создает мир, боевик убивает — во имя общего счастья. А когда мир боевика торжествует — гибнет писатель. И действительно, Андрей Соболь 7 июня 1926 года возле памятника Тимирязеву на Тверском бульваре выстрелил из револьвера. В себя.

Катаев уместил на одной странице практически всю биографию Соболя. Что ж добавить? Что звали Соболя Юлий Михайлович (имя всегда приводилось в русской транскрипции), родился он в 1888 году в Саратове в бедной еврейской семье. Подлинная фамилия, по-видимому, Глузман (упоминает ее только Катаев, который близко знал Соболя). Арестован и осужден в 1906 "за хранение и приобретение огнестрельного оружия, приобретенного для насильственного изменения установленного в России образа правления", был на самой страшной каторге — так называемой "колесухе", бежал. С 1909 по 1914 —

в эмиграции – Франция, Италия. Нелегально вернулся в Россию в 1915. В 1917 – комиссар Временного правительства на Северном фронте. А потом скитания по России.

Почти полтора года – с 1919 по 1921 – он провел в Одессе. Как и все, участвовал в литературных вечерах, много писал.

Андрей Михайлович имел дурную привычку заступаться за арестованных интеллигентов. Благо председатель одесского ЧК Макс Дейч был с ним вместе на каторге. Сохранились воспоминания людей, спасенных Соболем. И о людях, им спасенных. Понятно, что при такой неуместной привычке никакое революционное прошлое не поможет. И Соболь сел крепко. Он писал Владимиру Лидину: "Как день проходит? – как проходил 11 лет тому в Зарентуе. Этим все сказано. Несколько новых жутких черт".

Московские писатели пытаются помочь, но безуспешно. Борис Зайцев вспоминал, как Каменев отреагировал на просьбу заступиться за Соболя:

– Какого Соболя? Который написал роман "Пыль"?

– Да.

– Плохой роман. Пусть посидит.

Я заметил, что он сидит уже семь месяцев, неизвестно за что.

– Ну, это много. Постараемся выпустить".

Соболь был огорчен обращением друзей к властям. Он пишет Лидину: "...хотя бы только вы, зная меня, не подумали, что мне все это будет более чем неприятно. Я всегда ненавидел "припадать к стопам", тем более мне противно это теперь. ...я могу быть легкомыслен в чем угодно, но только не в этом и, кажется, я это доказал всеми последними годами. ...я не привык ни подмазываться, ни лизоблюдничать и не пресмыкаться. Вот и все. И это все надо было понять, когда речь идет обо мне и власти. Какая – это неважно. Точно так же я держался у добровольческого коменданта, когда меня вели утром солдаты, как большевистского видного комиссара. По-видимому, наша милая русская интеллигенция забыла о том, что кроме пайков, жалованья, премиальн[ых] и суточных, существует и еще одна крохотная вещичка, такая маленькая, маленькая – убеждения. Пусть это "мещанство", пусть это "детские игрушки", но я другого мнения. Поэтому я и огорчен и удручен вашим визитом к К[аменеву]. ...И если бы ты знал, как дались мне эти три месяца, как безмерно хочется на волю, как порой тяжко чувствовать себя запертым, связанным, отгороженным, но из этого вовсе не следует, что я должен стукаться лбом и просить о снисхождении. И если б ты только знал, как обидно за каждый потерянный день, ибо сидеть ведь может каждый дурак, как, впрочем, и посадить может любой умник".

Эмигрантская газета "Последние новости" писала о Дейче: "Наказание свое (имеется в виду каторга. – **А. Я.**) он отбывал вместе с писателем Андреем Соболем, которого недавно продержал несколько месяцев в тюрьме". Освободили Соболя в конце августа 1921. Он уехал в Москву.

Каким запомнили его современники? "Невысокого роста, большеголовый, смуг-

лый, кудрявый, с очень крупными чертами лица, очень красивыми карими глазами, нервный, добрый, легкомысленный, смелый, любящий, по-еврейски нетерпимый, по-русски непутевый, из тех горящих с двух концов людей", — писал Михаил Осоргин.

Удивительно, но его любили не только читатели, но и писатели. В начале 1925 года по итогам анкеты он был признан самым популярным прозаиком. Притом, что конъюнктурным никогда не был.

Что же написал Соболь: романы "Пыль", "Салон-вагон", "Повесть о голубом вагоне", "Мемуары веснушчатого человека", рассказы. Набралось на четыре тома. Только где их прочитать сегодня? Последний раз книги его выходили в 1928 году.

Сейчас о Соболе, особенно о Соболе в Одессе, пишут. Сергей Лущик в "Реальном комментарии к повести "Уже написан Вертер" сравнивает текст повести с подлинными фактами биографии писателя, Владимир Хазан в статье "Андрей Соболь в Одессе" приводит его письма из одесской тюрьмы.

В начале перестройки поэт Марк Соболь на просьбу передать в Одесский литературный музей материалы об отце отрезал: "Советская власть его ненавидела, и ничего не даст показать". Он был не так уж и неправ. Ибо хоть газета с рассказом Соболя и есть в экспозиции музея, книги его так и не были переизданы. Ни в свободной России, ни на незалежной Украине.

Мы живем без его книг. А может, с ними было бы чуть лучше?

Недаром же Катаев написал в 1926: " В лице Соболя русская литература потеряла талантливого писателя, еще не успевшего проявиться во всей своей силе. Простота, отсутствие фальшивых ухищрений. Ясный, доступный язык. Теплота и человечность. Вот причина заслуженного успеха Андрея Соболя".

Рассказы Соболя печатались в журнале "Огонек" чуть ли не с первых месяцев его существования — с 1923 года. Одна из последних прижизненных публикаций была в том же "Огоньке". Перестроечный "Огонек" вспомнит о своем авторе и опубликует несколько рассказов в конце 1980-х. Но все же большинство рассказов Соболя доступно лишь читателям старых пожелтевших подшивок двадцатых годов. Попытаемся исправить это.

Алена ЯВОРСКАЯ

Андрей СОБОЛЬ

Заседание

По украинским полям отскрипели возы, золотое зерно по верным, стойким налаженным дорогам за Рейн, золотым дождем обливая Кенигсберг, Лейпциг, Берлин, в леса убегали жители деревень, дымились сожженные избы, курились стога, воя в ночь, в тишь, в безлюдь поднимались с земли изнасилованные девушки, в Киеве, по Крещатику, гарцевали опереточные личные конвойные украинского гетмана.

лый, кудрявый, с очень крупными чертами лица, очень красивыми карими глазами, нервный, добрый, легкомысленный, смелый, любящий, по-еврейски нетерпимый, по-русски непутевый, из тех горящих с двух концов людей", — писал Михаил Осоргин.

Удивительно, но его любили не только читатели, но и писатели. В начале 1925 года по итогам анкеты он был признан самым популярным прозаиком. Притом, что конъюнктурным никогда не был.

Что же написал Соболь: романы "Пыль", "Салон-вагон", "Повесть о голубом вагоне", "Мемуары веснушчатого человека", рассказы. Набралось на четыре тома. Только где их прочитать сегодня? Последний раз книги его выходили в 1928 году.

Сейчас о Соболе, особенно о Соболе в Одессе, пишут. Сергей Лущик в "Реальном комментарии к повести "Уже написан Вертер" сравнивает текст повести с подлинными фактами биографии писателя, Владимир Хазан в статье "Андрей Соболь в Одессе" приводит его письма из одесской тюрьмы.

В начале перестройки поэт Марк Соболь на просьбу передать в Одесский литературный музей материалы об отце отрезал: "Советская власть его ненавидела, и ничего не даст показать". Он был не так уж и неправ. Ибо хоть газета с рассказом Соболя и есть в экспозиции музея, книги его так и не были переизданы. Ни в свободной России, ни на незалежной Украине.

Мы живем без его книг. А может, с ними было бы чуть лучше?

Недаром же Катаев написал в 1926: " В лице Соболя русская литература потеряла талантливого писателя, еще не успевшего проявиться во всей своей силе. Простота, отсутствие фальшивых ухищрений. Ясный, доступный язык. Теплота и человечность. Вот причина заслуженного успеха Андрея Соболя".

Рассказы Соболя печатались в журнале "Огонек" чуть ли не с первых месяцев его существования — с 1923 года. Одна из последних прижизненных публикаций была в том же "Огоньке". Перестроечный "Огонек" вспомнит о своем авторе и опубликует несколько рассказов в конце 1980-х. Но все же большинство рассказов Соболя доступно лишь читателям старых пожелтевших подшивок двадцатых годов. Попытаемся исправить это.

Алена ЯВОРСКАЯ

Андрей СОБОЛЬ

Заседание

По украинским полям отскрипели возы, золотое зерно по верным, стойким налаженным дорогам за Рейн, золотым дождем обливая Кенигсберг, Лейпциг, Берлин, в леса убегали жители деревень, дымились сожженные избы, курились стога, воя в ночь, в тишь, в безлюдь поднимались с земли изнасилованные девушки, в Киеве, по Крещатику, гарцевали опереточные личные конвойные украинского гетмана.

А в комитете аккуратно заседали.

На сей раз заслушивали письмо из Москвы.

И заканчивал Корней Иванович свое письмо третьим постскриптумом (первый был об обращении к западным социалистам насчет нравственной поддержки, второй — о том, что в совете народных комиссаров раскол окончательный и бесповоротный):

"Урезоньте Игоря: ведь это удар в спину революции среди белого дня. Что он собирается делать — не знаю, для чего он торчит в Киеве — неизвестно, но вопиющий факт налицо: от работы он отошел. Он должен понять, что в сегодняшний грозный час более, чем когда-либо, надо охранять великие заветы прошлого, теснее, чем всегда, собираться вокруг нашего испытанного знамени. На нашу долю, на долю русской интеллигенции, пала тягчайшая, но священная обязанность: охранять культуру от варваров, достоинство России и цивилизации оберегать от разнузданных московских временщиков. Должен же Игорь понять, что история не простит ему бегства из рядов бондов за мир всего мира".

Ассаркисов, поглаживая ассирийскую бороду, молвил:

— Д-да, номер.

Беатриса Ароновна сказала густым контральто:

— Конечно, не простит.

И вздохнув, выжидательно глянула в сторону Кашенцева; вздыбясь на миг, голубая блузка вновь безмятежно почила на молочных холмах.

Кашенцев молчал, только шевелил желваками — по лицу истерзанному, умученному сходились и расходились коричневые пятна, похожие на пролежни.

— Кто видел Игоря? — спросил Ассаркисов и зевнул: четвертое заседание за день, впереди еще два, в девять часов третейское разбирательство: Маркусон обвиняет Семена Ивановича в тайных сношениях с петлюровцами, еще надо расспросить Кашенцева о результатах его поездки в Одессу — одесские здорово берут вправо, надо их обуздать, из Самары ни [*неразб.*] все еще нет, сегодня опять придется ночевать в передней питерского газетчика. — Так кто же видел его?

Восточный облик темнел в раздражении.

— Я, — робко отозвался Рыжик.

Беатриса Ароновна, негодуя, повела черными усиками — снова всколыхнулась голубая блузка, но уже бурно, грозово:

— И вы молчали? Это возмутительно! Я предлагаю выразить Рыжику порицание. И вы не могли привести его сюда?

Рыжик обернулся к ней:

— На веревочке? А если он говорит, что всем нам грош цена? А если он говорит, что мы слепые и... И что надо всем по домам, каждому на свою полочку?

Под Кашенцевым затрещала табуретка, неспокойные в табачной желтизне пальцы пытались свернуть папироску: стукнув, выскользнув из рук, упала табачница — жестяная коробочка из-под лепешек Вальда.

— Ах! — вздрогнула Беатриса Ароновна и поднялась: из магазина щеткой в потолок стучала девушка Чанка: два гимназиста спрашивали очередной бюллетень.

В конце винтовой лестницы Кашенцев остановил Рыжика:

— Устроите мне с Игорем свиданье. Скажите...

Задвигались пролежни, в вороте ситцевой косоворотки, еще в копоти паровозной, судорожно дернулась жилистая пергаментная шея:

— Скажите ему, что мне необходимо... Нам нужно повидаться. Во что бы то ни стало. Сегодня же.

Рыжик качнул головкой, будто красный поплавок дернули снизу.

И поплыл поплавок по киевской хляби, нырял по Крешатику, потерялся на площади, вынырнул на Малой Житомирской — Игорь отказался встретиться с Кашенцевым, наотрез.

В кофейной "Шато де роз" Кашенцев ждал Игоря.

Тапер выколачивал марши, мазурки, за столиками копеечными блестками рассыпался женский смех, купленный до зари, на всю ночь за несколько карбованцев, усы заглядывали в вырезы блузок, сапог отдавливал туфли, к окнам с улицы прилипали расплющенно носы мальчишек-папиросников.

На помост, похожий на плаху, взбиралась, потряхивая монистом, вздувая расшитые рукава, толстозадая пейзанка.

Ей кричали вслед:

— Яблочко!

— Красотки каба-рэ!

— Яблочко!

Пейзанка дожевывала булку, тапер ловил педали, лакеи, нашептывая, подавали белый чай, как старые кошки шипели газовые рожки. Кашенцев допивал третий стакан кофе — Игорь не шел, а губы были сухи по-прежнему.

Горела, как горела голова вчера, третьего дня, неделю назад, месяц, палимая ворохом мыслей — грудой раскаленных углей, не угасимых даже под пеплом сна, дремы и усталости.

Никнет голова, изнутри сжигаемая беспрестанно — тут, там, на скамье загона, за председательским столом, в походной палатке начальника чешского отряда, в каюте волжского парохода... Из часа в час, изо дня в день — принимая во внимание... всех, всех — безземельных, чехов, малоземельных, юнкеров, академиков... считая, что... близка расплата. За что? За что? Будут сведены счеты — с кем, с кем?

Как в листопад вьются, несутся осенними листьями, последними, люди, города, совещания, полки, заседания, лазутчики, фракции, телеграммы, винтовки, уполномоченные... с востока на север, с севера на восток и опять с востока на север.

Ох, как жгут, как жгут угли, и нечем залить их: — багряный листопад, словно кровью политый, — кровавая полоса от берега волжского к Москве, кровавые русские трещины... — в чем правда твоя, Москва? Где правда моя, кашенцевская, купленная недешево?

Где правда единая? — ох, жгут, жгут угли, и не затопить, и не выкинуть, прахом развеяв по ветру...

И губы были сухи по-прежнему... Как вот сохнет душа, — проклятая, хоть бы высохла раз навсегда, хоть бы раз навсегда перестала то ныть, будто раздираемая сотнями колючек придорожных кустарников — одна дорога за другой, все дороги да дороги, а глянешь: бездорожье, безысходный тупик, — то сжиматься, как вот сжимаются игрушечные шары, воздух выпуская, когда продырявишь их. Цветные шары... цветные, трехцветные флаги российской державы... красные флаги над Кремлем... смешались краски, цвета, в пору захлебнуться душе человеческой смесью огневой — горит, горит душа... Где правда твоя, Москва? В чем правда моя, кашенцевская, разбросанная, раскиданная? — все смешалось и убегает, убегает из-под ног последняя, такая незаметная дорожка, — ох, жгут, жгут угли! — лови!.. Мучительно стиснув зубы, Кашенцев мял потухший окурок. С помоста неслось: ...Яблочко, яблочко, куды котишься? В Чеку попадешь — не воротишься. На пейзанке звенели бусы, чавкали рты, по напудренным женским подбородкам стекал жидкий крем пирожных.

Кашенцев ждал Игоря до одиннадцати — Игорь не шел.

А в двенадцать часов в комитете заслушивали экстренный доклад только что приехавшего товарища с Волги.

Самарский гость мимоходом докладывал о заколоченных московских лавках, о двадцати двух разрешениях на получение подтяжек, об окончательном и уже абсолютном брожении в красной армии, о дохлых лошадях на углу Кузнецкого моста, о комиссарских автомобилях, о подвалах на Лубянке.

— Мы это слышали, — прервал его вдруг Кашенцев, сдавленно, с хрипотой. — Надоело. К делу!

— Voilà! — сказал докладчик, некогда жительствующий в Париже, — и слегка обиделся.

Во втором часу ночи было постановлено, что для развитая намеченного плана в Москву должен направиться член комитета.

Ассаркисов, сонно пропуская сквозь пальцы ассирийские завитушки (опять впереди ночевка в передней питерского репортера из "Биржевки"), предложил Кашенцева.

Беатриса Ароновна высоко занесла руку:

— Я за Кашенцева.

И в бок бархатно пропела Кашенцеву:

— Я вас от души приветствую.

Самарский гость, чиркнув в записной книжке, перешел ко второй части доклада:

— Итак, в сознании всей важности момента мы на съезде, в противовес захватчикам из Кремля, полностью выявили непреклонную волю всего крестьянства, широких рабочих масс и...

Кашенцев нагнулся к Беатрисе Ароновне:

— Где вода?

Беатриса Ароновна качнулась испуганно:

— Где беда? Где?

Кашенцев усмехнулся:

— Не беда. Вода где? Душно, пить хочется. Внизу, да? — продолжая усмехаться, тихонько стал пробираться к выходу.

Завизжала железная винтовая лестница; в магазине по книжным полкам шуршали мыши, в прорез ставня пробивалась острая полоска уличного фонаря, точно сабельный клинок, сверкая, надвое рассекал сумеречную завесу. Сбоку от лестницы Кашенцев присел на полуразвороченный тюк — пощупал, садясь: брошюрки, вытащил одну, на острие полоски разобрал: "Учредительное Собрание — хозяин земли русской", уронил книжку; сдуру ткнулся в ноги потревоженный мышонок, пахло клеем.

Отводя голову в сторону, Кашенцев полез в карман и, раздирая высохшие жаждущие губы, сунул револьвер в рот.

Наверху самарский уполномоченный заканчивал доклад: "...И на пути нашем мы не сворачивали и не свернем знамени своего, полученного нами, подлинными наследниками, из холодеющих рук великих наших...".

Огонек № 38, 16 декабря 1923

Эльдорадо

В центре, ближе к центру, там, где тротуары из асфальта и в витринах балык, парижские духи, набалдашники из слоновой кости и на Кузнецком щегольство советских модниц, там вывески-вывески и ресторан Эрмитаж или Эльдорадо говорит уму одних и сердцу других.

А за внешним московским кольцом, за линией демократического трамвая "Б", в кругу горбатеньких домиков и рыжих купеческих брандмауэров предвоенных годов — законно и на месте своем, назначенном — пивная "Ель да рада", пивная, дающая кусочки радости маленькому человеческому сердцу гораздо больше, чем ее собрат в районе приличном, в районе бульварного кольца, где трамвай "А" не гремит угрюмо, как "Б", а звонко заливается — ресторан "Эльдорадо", ресторан с фокстротом, с хитроумным конферансье, с чечеткой и интеллигентными романсами.

В "Эльдорадо" Барин появился под вечер; он был в реглане, в мягкой шляпе, со спутницей своей он говорил по-французски. Ужин был недурной, но не сногсшибательный, как предполагала спутница, не забывшая вчерашний кутеж с цыганами. За ужином Барин мало говорил, пил мало, но о спутнице своей не забывал: подливал вино, осведомлялся, нравится ли ей майонез, и какие фрукты она предпочитает.

А за сладким Барин внезапно посерел, сжал губы, мигом расплатился, не дожидая сдачи, потянул спутницу за собой, на Страстной кликнул извозчика, усадил спутницу, кинул ей на колени комок белых бумажек,— все это молча, как молча приподнял шляпу, как молча отошел.

Спутница его остановила извозчика, пересчитала брошенные ей деньги, радостно усмехнулась и откинулась к спинке пролетки,— и Барин немедленно исчез из ее сознания, как исчез неделю тому назад кассир мануфактурного треста: мадемуазель Мари нравилась новая экономическая политика и мадемуазель Мари давно уже перестала жалеть о том, что так далеко от нее Гренобль.

В пивной "Ель да рада" Барин очутился в двенадцатом часу,— зюйдвестка сидела набекрень, ворот был полураскрыт, над ярко вычищенными сапогами ширились галифе из темно-синего сукна.

Звенели, стучали, гремели, бубнили, грохотали стулья, ноги, стаканы, каурые бутылки, блюдца с горохом, ножи, вилки, разверстые рты, похожие на развороченные помидоры. На помост, на плаху ежевечернюю, полез Мишка-гармонист, красная рубаха на нем мокрела, исходила пятнами, липла к спине. Медно-красные сосиски раздвигали сизые человеческие губы, чтоб потонуть в ненасытных впадинах, растекалась пена, умирая безропотно на дощатой поверхности.

И плакала, и стонала, и смеялась, и бредила, и жаловалась гармонь.

И плевала на все, и каялась, и захлебывалась от слез, и звериным рыком рычала, и просила, и молила, и издевалась, и ко дну шла камнем извечная песня русской заплеванной, прокуренной и проплаканной пивнушки.

Барин снял зюйдвестку — блеснул гладкий желтоватый пергаментный череп, и сразу стали чужими, далекими и сапоги с блеском, и галифе.

И недаром сказал ему минут пять спустя новый гость, кому Барин послал одну из своих мрачных улыбок, — гость, долго поджидаемый Барином:

— Надень шапку. Без шапки тебя любой молокосос из Чеки узнает.

Барин сухо усмехнулся, но зюйдвестку надел ,— и снова он стал приемлемым и для всех столиков, и для гармошки, и для красной рубахи.

И сказал про эту рубаху Барин:

— На палача похож.

Пришедший иронически спросил:

— Что, и мальчики кровавые в глазах?

Барин ничего не ответил, только поглядел на своего соседа,— и тот поспешил виновато:

— Не сердись, Алексей Михайлович. Я это так. Неудачная шутка.

И медленно ответил Барин:

— Я никогда не сержусь. Ты это знаешь. И, кажется, знаешь недурно. Но избавь меня от классических цитат. Я сыт ими по горло. И вообще довольно литературы. Тебе нужны разговоры по Достоевскому. И места ты выбираешь по Достоевскому. Достоевский погубит тебя. Я могу порекомендовать тебе писателя поздоровее. Читай Джерома К. Джерома. Русских писателей не читай: они, во-первых, все ломаки, во-вторых, больные, а в-третьих, в большинстве неграмотны. И вообще, читай поменьше. Дурная манера: шпионить, готовиться к террористическим актам, обнюхивать Кремль, готовиться к перевороту — и одновременно читать. И еще кого — Достоевского? Дурной тон. В 1924 году это звучит как плохо рассказанный анекдот, да к тому еще анекдот, которому 75 лет; надо поновее. В тебе еще остались твои прошлые эсеровские замашки. Освободись от них и купи себе книгу о системе Мюллера. А насчет мальчиков кровавых, то...

Барин сдвинул зюйдвестку на затылок, пожевал губами, пожевал — и внезапно лбом ко лбу придвинулся к соседу, снизу под столом крепкими сухощавыми пальцами ухватив, его колено:

— А ты... ты красной рубахи не боишься?

У Мишки-гармониста застонала гармонь напоследок, застонала и точно провалилась в яму. Столики ходуном пошли, — замолчала гармонь

и еще душнее, еще гаже стала пивнушка "Ель да рада" — а на другом конце города в это время на деньги Барина мадемуазель Мари готовила себе окончательную гибель, гибели не предчувствуя, возле памятника Пушкину мигом, без рассуждения отдав душу свою и плоть грешную сероглазому прохожему, и прохожий уже минут пятнадцать спустя перестал быть прохожим, а стал единственным и любимым.

И в "Эльдорадо", кажется, даже за тем самым столиком, за которым недавно сидела с Барином, решительно и бесповоротно мадемуазель Мари отказалась от Гренобля. И сказала мадемуазель Мари, что русские мужчины всегда волновали ее, что в русских есть что-то непостижимое, и что из всех русских мужчин — сероглазый самый удивительный, и готова она за ним в огонь и воду.

Сероглазый умел чудесно улыбаться и сероглазый соглашался с мадемуазель Мари, из скромности чуть возражая, но соглашался, а после двух бутылок лафита сероглазый Мотька Штрайх по прозвищу Бездетник, гастролер из Одессы, где работы стало меньше, Мотька Бездетник, у кого в каждом городишке и городе были дети, в иных по два, а в Конотопе даже трое, повез мадемуазель Мари в один из глухих переулков Земляного Вала.

— А ты... ты красной рубахи не боишься?

— По Достоевскому? — уже не скрывая насмешки, спросил щупленький сугубо штатский Викентий Викентьевич, заведующий военным бюро, у кого в боковом кармане лежало предписание из Варшавы убрать во что бы то ни стало Барина не позднее понедельника утра.

А воскресная ночь шла к концу — шла к концу в пивной "Ель да рада", шла к концу по всей Москве, уходя, тушила огни ресторана-бара "Эльдорадо", последнюю лампочку возле постели мадемуазель Мари — и на рассвете мадемуазель Мари не нашла ни сероглазого, ни колец своих, ни сумочки, и на рассвете вытолкнули ее из комнаты беспощадно строгие руки, в одной нижней рубашке, ибо понравились строгим рукам шелковые юбки Мари и туфельки ее серебристые, и кружевные плетенья панталон, — воскресная ночь волочила по московским тротуарам и мостовым последние свои праздничные оборки, чтоб обернуться деловито-торопливым понедельником с докладами, с заседаниями, с резолюциями, понедельником труда, забот, сутолоки — будто скучным понедельником, но творческим, как обыденна, но творчески жива наша сегодняшняя жизнь.

И в весеннем легком рассвете Москва возникла как некое чудесное завершение всех наших затаенных дум и чаяний.

Викентий Викентьевич еще раз, в пятый раз, нащупал в кармане пузы-

рек, убедился, что притертая пробка на своем месте, что снадобье, значит, в сохранности и вкрадчиво сказал:

— Милейший Алексей Максимович, мои замашки меня иногда выручают. А вот позволь тебя спросить: если бы я тебя сюда не вызвал срочно, с кем бы ты эту ночь провел?

— С женщиной, — тихо ответил Барин и впервые за все время улыбнулся. — С женщиной, которая о политике ничего не знает, газет не читает, военных планов не ворует.

— А целует?

— А не знаю, как она целуется, — сухо оборвал Барин . — Ты бы еще меня спросил, как она отдается.

— В нашей профессии это нелишне знать. В нашем деле все должно быть на учете.

— И моя душа тоже?

Викентий Викентьевич в последний раз сжал пузырек и зевнул нарочито:

— Спать хочется. Нет, твоя душа нам известна. Если в таких, как ты, сомневаться, то лучше прямо с повинной в Гепеу.

Брови Барина чуть дрогнули, дрогнула зюйдвестка, — Барин табуреткой заскрипел, и сказал Барин слегка сдавленно:

— Каяться неплохо, когда каешься перед родиной.

Викентий Викентьевич махнул рукой: пой, мол, а вслух промолвил:

— А для чего ты рекомендовал мне Джерома К. Джерома?

И Барин привстал; стоя, он был строен, прям и сух. И еще раз сухим барским тоном сказал Барин:

— Хотя бы для того, чтоб ты не читал... Конан Дойля и не следил за тем, за кем следить не надо. Прощай. Знай я, что ты вызываешь меня для таких разговоров, я бы с той женщиной, с француженкой, мадемуазель Мари, не расстался бы, — мадемуазель Мари, к счастью, не член военного бюро.

Барин протянул руку:

— Прощай. Ты мог меня не вызывать. И этот маскарад... — Барин брезгливо коснулся зюйдвестки. — И эта пивная... Все это по плохому дедективному роману. Ни к чему все это. Пожалуйста, впредь избавь меня от этих вещей. Я устал от них.

И под топ, гам, хлюп сказал Барин в последний раз в своей жизни, сказал так тихо, что Викентий Викентьевич едва расслышал:

— Я вообще устал. Право на отдых должно быть у всякого человека, даже у того, кто торговал родиной и торговать больше не намерен.

Прямой, высокий, Барин сухими мертвыми глазами поглядел на Викентия и пошел к выходу.

— Постой. Присядь, — рванулся за ним Викентий Викентьевич. — Какой ты горячий и... быстрый. Разговор впереди. Допей свой стакан. Расплачусь — и выйдем вместе. Получены новые сведения. Есть новый приказ. Твое здоровье. Посиди, пойду расплачусь. В этом гаме полового не дозовешься.

И Викентий Викентьевич направился к стойке, — пустой пузырек, дело свое сделавший, полетел под чужой столик.

И еще раз выгнулась, сжалась и вновь растянулась гармонь-тальянка. Изгибалась, выгибалась гармонь-фокусница, потные пятна ширились на красной рубахе: не то палач, не то жертва, — играй и умирай, умирай и играй, Мишка-гармонист.

В кругу косовороток, смазных сапог, фуражек блином, в дыму, в чаду сгинул Викентий Викентьевич, — нырнул в дверь, растворился в ночи.

За дверью весенняя ночь полна вся волнующими намеками, за дверью Москва, Кремль, гробница на Красной площади, — выгибается, извивается, сжимается и вновь разжимается гармонь-фокусница. И под песенку об ухаре-купце нечеловеческий хрип умирающего потонул в пивном, в хмельном, проплаканном, прокуренном гаме.

Низко надвинув фуражку, Викентий Викентьевич глухими переулками брел к Земляному Валу; светало, но еще были пусты и глухи улицы.

А в одном из переулков у ворот темно-рыжего дома он наткнулся на плачущую женщину: в ночной рубашке, босая, она кралась вдоль стены, спотыкалась, падала, вновь поднималась.

Завидев издали Викентия Викентьевича, она кинулась к нему.

— Я французская подданная. Спасите меня. Меня зовут Мари Бриссо. Спасите меня.

Викентий Викентьевич поднял воротник пальто, Викентию Викентьевичу сразу стало холодно, Викентий Викентьевич прислонился к стене и сквозь зубы, еле-еле проговорил:

— Это вы... несколько часов тому назад были в баре Эльдорадо с одним лысым господином? Не убегайте... Стойте... Стойте.... Вы? Да? Не убегайте. Я его друг. Берите мое пальто.

Он накинул на нее пальто.

Шел рядом с ней — и глухая безмерная тоска обволакивала его, и уже знал он, что от тоски этой ему никогда и никуда не уйти.

Мадемуазель Мари плакала, но тише и спокойнее.

И в весеннем легком рассвете Москва возникла как некое чудесное выражение всех наших затаенных дум и чаяний.

Огонек 1926

Силуэты прошлого

В 1922-25 гг. в Одессе выходил журнал "Силуэты", выпускавшийся редакционной коллегией, а издателем числился одесский Губполитпросвет и Одесское окружное фотокиноуправление. Очень любопытно его полистать.

С одной стороны, политизация литературы и всех видов искусства. Журнал адресован "широкой пролетарской аудитории", которой вдалбливалась неприемлемость духовной пищи старого буржуазно-упаднического наследия. Тщательно просеивалась старая культура, читатели и зрители не должны были испытывать благоговения перед академическим искусством. Короче, "мы наш, мы новый мир построим". Хотя в 20-е годы еще признавались технические достижения Мейерхольда и романтическая театральность Таирова, но МХТ уже обещал перейти к "созвучной революции деятельности".

На страницах "Силуэтов" появляются бодрые стихи Э. Багрицкого и Ю. Олеши, написанные молодыми поэтами "с богатырской Коммуной в лад". С журналом сотрудничало множество талантливых людей. Здесь есть публикации стихов Т. Тэс, С. Кирсанова, С. Гехта, С. Бондарина. Бесценный материал дали исследователям рассказы И. Бабеля, Л. Славина, Шолом-Алейхема, И. Микитенко. В "Силуэтах" регулярно появлялись очерки А. Дерибаса, Б. Варнеке, Д. Маллори (новый псевдоним Б. Флита). Безусловно, такие авторы высоко поднимали планку журнала, "забивали" такие материалы, как, скажем, статья Ю. Золотарева "О стиле Ленина", который, казалось, сам не понимал, насколько разоблачительно по отношению к великому вождю звучала защита его творений: "Нужно понять особую ленинскую простецкую неуклюжесть слога. Надо заставить себя всецело раствориться в той огромной и широкой мысли, которая спокойно и концентрированно течет под кажущимися осечками стиля...".

Горькие мысли вызывает материал "Музей Старой Одессы", ибо речь идет об эксклюзивных экспонатах, собранных в музей к 1924 году, а затем бездарно рассеянных с завидной бестолковостью. Судьба многих из них до сих пор неизвестна, увы...

Один из авторов – Борис Васильевич Варнеке (1874-1944). Он по праву считался одним из лучших знатоков античного театра. Преподаватель, лектор, журналист, деятель театра, он к тому же в 1910 году возглавил кафедру классической филологии в Новороссийском университете. Воспитанный Михаилом Садовским, одним из основателей знаменитой династии Малого театра, Варнеке отлично знал и русский театр. "Исчерпывающая осведомленность и общедоступность изложения" – вот что отмечали современники в его устных выступлениях и на страницах книг.

Интересны публикации о литературе и кино Уэйтинга, который потом работал ответственным секретарем в другом известном одесском журнале "Шквал". За этим псевдонимом, как выяснилось, скрывался Станислав Радзинский, отец ныне популярного драматурга и историка Эдварда Радзинского.

В 20-е годы в Одессе было широко известно имя талантливого театрального художника Владимира Мюллера (1887-1978). Один из организаторов и главный художник театра-лаборатории "Массодрам", в котором он за три года оформил 24 спектакля. А также сотрудничал с оперным театром, отделывал кабаре-подвал "Веселая канарейка", писал декорации для Камерного театра, театра "Гротеск" и др. Он успел поработать и на Одесской кинофабрике с Б. Глаголиным, Л. Курбасом, А. Довженко, М. Терещенко. К сожалению, фильмы эти не сохранились. Художник прожил большую жизнь, будучи 90-летним, еще читал лекции в ГИТИСе в Москве.

Журнал "Силуэты" отражает маленький, но очень емкий кусочек культурной жизни Одессы, являясь ярким показательным сегментом истории нашего города.

Татьяна ЩУРОВА

МУЗЕЙ СТАРОЙ ОДЕССЫ.

Прошлое нашего города представляет огромный интерес как материал глубоко воспитательный для широких масс трудящихся, непрестанно вовлекаемых в сферу нашего политпросветительного воздействия. Понятно поэтому то значение, которое придает политпросвет создавшемуся теперь музею Старой Одессы. Музей этот должен сделаться возможно полным отображением истории города, от момента основания его до наших дней.

Собирание материалов по архивным данным началось в первой половине 1922 года. В.течение сравнительно незначительного промежутка времени — около одного года — произведена полная регистрация сооружений и памятников, которыми богаты окрестности Одессы, всего — до 600 экземпляров. Собрано за это время около 1000 экспонатов: оригинальные рисунки, гравюры, фотографии, проекты, планы, словом все то, что в той или иной мере характеризует строительство города от июня 1794 г. — основания его — до 70-х годов.

Среди многочисленных отделов музея обращают на себя внимание следующие: портовое строительство, развертывание города по окраинам — отражение жилищного быта трудящихся окраин в исторической перспективе, — перепланировка города и др.

Музей Старой Одессы дает четкое представление об этапах развития нашего города не только по расположению материала, но главным образом потому, что организаторы музея сумели настолько удачно скомпоновать богатый материал, что сразу вводишься в культурное содержание эпохи и достаточно осязательно улавливаешь переход к эпохе с другим культурно-бытовым содержанием. Особенно богат период 70-х гг., который является переломным в жизни города. К тому времени относится тот колоссальный размах городского строительства, какого до наших не знала ни одна эпоха в развитии нашего города: театр, поселки, заводские сооружения, канализация, водопровод сооружение мостов, перестройка зданий, перепланировка улиц. Вы имеете здесь отражение мощи и размаха крепнущей буржуазии. Все насыщается промышленным содержанием. Восьмидесятые годы заполнены интенсивным развитием курортного строительства, а 90-е годы характеризуются ростом мелиоративных работ и дальнейшего развития поселкового строительства. Поля орошения и "Самопомощь" — памятники этой эпохи. Значительное место в музее будут занимать материалы по борьбе с морем.

Центр внимания должен быть, понятно, сосредоточен на отражении богатого революционного прошлого нашего города и истории советского коммунального строительства. В этом отношении еще очень мало сделано. Но если принять во внимание сравнительно короткий срок и колоссальные трудности, особенно материального свойства в этой работе, то надо отдать должное организаторам музея. Ставя себе задачей создать музей Одессы в широком смысле слова, политпросвет дальнейшую свою работу сосредоточит на доведении содержания музея до наших дней.

С. РЫКОВ.

Художник В. Н. Мюллер.

РОССИЯ.

От угодничьих нищенских ликов,
От каждений, псалмов и свечей
В мир пошла ты тревоги и криков,
В пробужденную удаль степей,
Спотыкаясь о заячьи норы,
То в снегу, то в горячей пыли,
Видишь только вороньи просторы,
Волчьи свадьбы, да ельник вдали.
Притомились широкие плечи, —
Тяжек был навалившийся гнет,
Но в степях колокольное вече,
Как заря над тобою встает.
О, кукушка былинная! Ныне
Позабыв заповедную тишь,
Над вороньей и волчьей пустыней
Ты, как ясная лебедь летишь!
Видишь ты, как трудом пробужденный
Для крестьянской запашки ржаной
Сам Микула в рубахе посконной
Целину подымает сохой.
И конем управляя косматым,
Он поемные будит луга,
А навстречу в шеломе крылатом
Возвращается с боя Вольга.
И разлившись звездой по раздолью,
Словно воды, разбившие лед,
Богатырская древняя воля
Над Советскою Русью встает.
И свободным потворствуя чарам,
С богатырской Коммуною в лад
О серпе и о молоте яром
Самогудные гусли гудят.

Э. Багрицкий.

РЕМОНТ.

Сколько пудов?
Сколько стихий? —
Пробуй на вес, на ладонь! —
Буква и цифра, приказ, стихи,
Дерево.
Ток.
Огонь!

Смета и опыт. Дни учеб.
Ученый и мастер — одной толпой:
Все под команду!
Все на учет:
В книги!
На склад!
В депо!

Знаменем — фартук! Известкой крапи,
Бомбой в разруху отвес бросай!
К древу познанья — к сосне стропил,
К небу седьмому — лезь на леса!

Кровлею — крышей ремонт крылат,
Аркой — бетоном широкоплеч:
Строится дом —
— Дворец или склад?
К морю от моря крепко залечь!

Ловче вытачивай, рви и гладь! —
Точный по табелю труд для всех! —
Все под команду! — Динамо, игла,
Школа и цех!

Юрий Олеша.
Москва 1923 г.

ПОТОКИ.

(Дружеские укоры).

На перекрестке Степовой
Мы ныне дружно заседаем,
Единый рокот огневой
Связует нас — и мы сияем!
Тяжелый Беклин на стене.
В углу у входа ангел юркий,
Вода в граненом кувшине
Бычки, цыгарки и окурки.
Струится дым, течет вода,
Потоки патоки и пота
Еще не выдохлась "среда",
Как надвигается "суббота".
Да будет! Зачинаем бой
И вот, глазницами моргая,
Встает Чернов "как таковой",
За ним жена "как таковая".
Зачем же, дорогой Чернов,
Питать такую злость на Гехта?
О Баршт, о Тэсс, о Резников,
Необходимо высечь всех-то.
Страшитесь! Встанет Эдуард,
Сверкая впадиной зубною,
Гехт Соломон войдет в азарт,
Тряся библейской головою.
Сергей Бондарин — всякий слышит
О яблоке, о наливном,
Смотрите: он прекрасно дышит
То самогоном, то вином.
И ты, Борисов Алексей,
Скажи, бронхитный, сколько суток,
В далекой юности своей
Описывал ты проституток?
Вступая в лоно поэтесс
Мы мыслим: лоно есть ли лужа?
О истерическая Тэсс,
Скорее обретайте мужа.
Чье слово мед и каждый слог
Симптоматичен и размерен
Он древлеассирийский бог,
А ныне только доктор Верин.
Захаров экс-имажинист,
В ближайшем — ярый коммунист.
Чье сердце не пылать готово,
При виде Толи Резникова?
Пусть спереди невзрачен он,
Зато он сзади превосходен,
И пусть на Пильняке взращен,
Но все же в интернат пригоден.
Довольно, суетный, остынь,
Да будет мир меж вами, дети,
Заканчиваем строки эти
Атеистическим "аминь".

М. Тарасенко.

МАЯКОВСКИЙ О ПАРИЖЕ.

Вл. Маяковский посетил Париж и в ряде корреспонденций оттуда высказал то впечатление, которое произвели на него современный буржуазный Париж и его искусство.

"Парижская мода".

— До войны, — Париж приказывал. Париж выдвигал. Париж прекращал. Так и называлось: парижская мода. Критики (как всегда недоучившиеся художники) были просто ушиблены Парижем.

Чтобы вы ни делали нового, резолюция одна: в Париже это делали давно и лучше.

Вячеслав Иванов так и писал:

"Новаторы до Вержболово —
Что ново здесь, то там не ново".

Старый анекдот.

В Москве до войны была выставка французов и русских. Критик Кайранский назвал русских жалкими подражателями и восхвалял какой-то натюрморт Пикассо. На другой день выяснилось, что служитель перепутал номера, и выхваляемая картина оказалась кисти В. Савинкова, ученика "жалких подражателей", а сам Пикассо попал в "жалкие".

Было до того конфузно, что газеты даже писать об этом отказывались. Тем конфузнее, что на натюрморте были сельди и настоящая великорусская краюха черного хлеба, совершенно немыслимая у Пикассо.

Самое влиятельное искусство.

Живопись самое распространенное, самое влиятельное искусство Франции. Не говоря даже о квартирах. Кафе и рестораны сплошь увешаны картинами. На каждом шагу магазин-выставка. Огромные домища-соты-ателье. Франция дала тысячу известнейших имен. А на каждого приходится еще тысяча пишущих, у которых не только нет имени, но и фамилии их никому неизвестны, кроме консьержки. Перекидываюсь от картины к картине. Выискиваю какое-нибудь открытие. Жду постановки новой живописной задачи. Добиваюсь в картине раскрытия лица сегодняшнего Парижа. Заглядываю в уголки картин, ищу хоть новое имя. Напрасно.

8 лет летаргии.

По-прежнему центр — кубизм. По-прежнему Пикассо главнокомандующий кубистической армией. По-прежнему грубость испанца Пикассо "облагораживает" неприятнейший зеленоватый Брак. По-прежнему теоретизирует Меценко и Глез. По-прежнему старается Леже вернуть кубизм к его главной задаче — объему. По-прежнему непримиримо воюет с кубистами Делонэ. По-прежнему "дикие" Дереи, Матис делают картину за картиной. По-прежнему при всем при этом имеется последний крик. Сейчас эти обязанности несет всеотрицающее и всеутверждающее "да-да". И по-прежнему — все заказы буржуа выполняются

бесчисленными Бланшами. Восемь лет какой-то деятельнейшей летаргии.

Это, видно, ясно каждому свежеприехавшему.

Это чувствуется и сидящим в живописи.

Свет из России.

С какой ревностью, с какими интересами, с какой жадностью расспрашивают о стремлениях, о возможностях России.

Разумеется, не о дохлой России Сомовых, не об окончательно скомпрометировавшей себя культуре "моментально за границей переходящих к Гиппиусам Малявиных" а об октябрьской, об РСФСР.

Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства — конструктивизм. Даже удивляешься, что это слово есть во французском лексиконе.

Не конструктивизм художников, которые из хороших и нужных проволок и жести делают ненужные сооруженьица. Конструктивизм, понимающий формальную работу художника только как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни.

Нужно чистое место.

Здесь художникам-французам приходится учиться у нас.

Здесь не возьмешь головной выдумкой. Для стройки новой культуры необходимо чистое место... Нужна октябрьская метла.

А какая почва для французского искусства, — "паркет парижских салонов".

Я вовсе не хочу сказать, что не люблю французскую живопись, наоборот. Я ее уже любил. От старой любви не отказываюсь, но она уже перешла в дружбу, а скоро — если вы не пойдете вперед, может ограничиться и простым знакомством. Но, конечно, российское производство картинок не родня парижскому. Париж выше на много голов. Париж первый, Конечно, я отдал бы весь наш бубново-валетский стиль за одну вариацию из этого цикла Пикассо или Брака. Дело не в том.

Нужны ли картинки.

Дело в том, что время выдвинуло вопрос о существовании картинок. И их мастеров вообще. Выдвинуло вопрос о существовании общества, удовлетворяющегося художественной культурой украшения, картинами салона. Эта культура уже изжила себя. Я охотно отдаю французам первенство в писании картин. Я говорю: наши центры должны бросить писать картины, потому что французы пишут лучше. Но и французы должны бросить писать, потому что они лучше не напишут. Мелкота картиночной работы выступает со всей ясностью, когда от картин салона переходишь к промышленно-художественному отделу.

Анатоль Франс

„В полях молчаливой богини".

В ноябрьском номере парижского журнала "Иллюстрасьон" помещены отрывки из воспоминаний ученика и секретаря А. Франса — Жана Брусова. Особенно любопытны места, где Франс высказывает свои взгляды на предстоящую кончину.

Мы шли по ул. Гренель. Навстречу нам шли похороны. Франс снял шляпу с благоговением, которого я не знал у него. Я спросил:

— Кому вы так низко кланяетесь, метр? Священнику? Кресту? Но ведь вы неверующий. Мертвому? — но разве вы поклонились бы ему, если бы он был живым?

Слегка смущенно он начал мять шляпу, которую держал в руках. Затем, немного запинаясь, сказал:

— Только что я поклонился моей судьбе.

* * *

Он часто говорил мне:

— Будем жить спокойно для того, чтобы спокойно умереть. Самое трудное — это не умереть: это жить. Пусть любящие руки закроют мои глаза для вечного сна.

— Как я хотел бы, чтобы меня похоронили, как Сент-Бева, которого я знал в своей молодости. Конечно, никаких обрядов. Никакого черного крепа, всех этих смешных и ненужных знаков лицемерия. Единственная речь, которую я хотел бы слышать в своей могиле, — это несколько слов: "Прощайте, Франс! Вы прожили свою жизнь. Прощайте. От вашего имени я благодарю тех, кто пришел проститься с вами".

Не нужно никаких длинных речей на полях молчаливой богини — смерти.

* * *

Мы приближались к Пантеону.

"На этой площади, — стал вспоминать Анатоль Франс, — я видел снаряды, которыми версальцы обстреливали коммуну. Эти снаряды веселили уличных мальчишек. И когда снаряд разрывался, они хохотали и кричали: "Каштаны, каштаны горячие. Кушайте каштаны версальских убийц!". Нет, никто и никогда не сумеет достаточно прекрасно рассказать о той прекрасной эпопее, которой была парижская коммуна".

Я показал ему на Пантеон:

— Вот здесь, Анатоль Франс, вы будете спать вашим последним сном рядом с вашим старым другом Вольтером и старым недругом Виктором Гюго. И вам воздвигнут здесь памятник! О, я представляю себе этот памятник! Вас изобразят в римской тоге, и в руках у вас будут толстые томы ваших сочинений.

— Нет, нет, умоляю вас! Не говорите мне об этом! Я с ужасом думаю о том, что после моей смерти и в самом деле — начнут заниматься всеми этими пошлостями.

— Конечно, метр. Чтобы вы ни говорили, вам не удастся избежать великолепного патриотического памятника: что-нибудь в роде богини свободы с распростертыми крыльями.

— Нет, нет. Только не надо женщин с крыльями! В своей жизни я никогда не любил крылатых женщин.

— А все-таки вы правы. Я понимаю, что мне не избежать этого памятника. Скажите, как вы думаете? Он будет очень дорого стоить? Он будет очень безобразен? Он займет много места? О, если бы мне сейчас же дали все те деньги, которые потратят на мои похороны! Увы! Такова жизнь. Живым предоставляют шипы и только для мертвецов берегут розы.

Уэйтинг.

Семена.

(Кино-мысли).

Кино — просветитель, кино — интернационалист, кино — деятельный сотрудник ликбеза нам важен.

Но рядом с кино — созидателем не менее значителен — разрушитель:

Борджия литературы, медленный отравитель, приучающий слово к своему яду; веселый — выскочка, потряхивающий этого благородного дряхлого аристократишку, — театр нам близок.

Революция любит кино не только по расчету.

Она чует в нем разрушителя.

* * *

Человек воскликнул: "Не надо красок, только полутона".

Человек воскликнул: "Ни одного полутона, только краски".

Первый был поэт; второй был кинематографист.

Первого звали Поль Верлен; второго Давид Грифитс.

* * *

Луи Деллюк определяет сценариста: "пишущий для белого и черного".

* * *

Американский монтаж — не изобретение, это характер; не метод, но национальная особенность.

Американец краток и быстр: одно слово = нашей фразе.

Язык и жизнь американца создают кинематографичность.

Магия слова, лабиринты психологии, магнетические атомы нюансов ему непонятны.

Его мысли — приказы; его слова — всегда скорее выражение воли, чем мысли. Короче: американец говорил на языке кино еще раньше, чем кино был изобретен.

* * *

Какая это была бы хорошая вещь кинематограф, если бы на свете не было кинематографистов.

Уэйтинг.

О СИЛУЭТАХ

Знаменитый Лафатер, автор обширного труда "о физиогномонике", любил пользоваться для определения характера людей по чертам их лица только что выдуманными в его время, т. е. в XVIII веке, черными силуэтами. Он не доверял портретам, писанным художниками. Художник всегда прибавляет к натуре что-нибудь от себя и часто даже искажает ее. А силуэт воспроизводит человека с полной точностью и правдой. Но Лафатер шел далее и не доверял также подлинному, живому лицу человека, в особенности его глазам. Выраженье глаз можно всегда изменить. На силуэтах же глаза отсутствуют; но зато на них имеются неизменные в своей экспрессии нос, лоб, рот и подбородок, по профилю которых, думал Лафатер, можно безошибочно определить характер всякого данного человека. Лафатер писал свою работу до изобретения фотографии, но надо думать, что он отнесся бы недоверчиво даже к этому, казалось бы, точнейшему способу воспроизведения натуры. На фотографическом снимке получается человек не со своими основными, незыблемыми чертами лица, как на силуэте, а человек данного момента, со случайною или, как во время позирования, нарочитою экспрессией.

Силуэты были выдуманы неким маркизом де Силуэт для забавы придворных дам Людовика XV. Он усаживал их в кресла так, чтобы тень их профиля падала на заранее приготовленный экран. Потом он обводил эту тень чертою, вырезывал обведенное место из экрана, и силуэт был готов. Для получения большей рельефности силуэты прикладывались к черной бумаге и вырезывались из нее в желательном числе экземпляров. Было время, когда в Париже, а затем и во всей Европе, изделием силуэтов занимались чуть ли не во всех домах так называемого большого света. Позже стали делать силуэты другим способом: они просто вырезывались ножницами из бумаги, воспроизводя профиль позирующего человека. Были в этом искусстве большие мастера. Но, конечно, в таких искусственных силуэтах, не снятых с подлинной тени, не могло быть той правды, которой добивался Лафатер.

А. Дерибас

СИЛУЭТЫ НЭПА

„НЭП, НЕ КАК ТАКОВОЙ".

Нэпманы дали толчок к развитию промышленности—

добывающей...

обрабатывающей...

интенсивного землепользования...

суд — оходства...

и... горного дела.

Спектакли, но не театры.

У нас есть спектакли, но нет театра.

Иногда спектакли лучше, иногда хуже, но и лучшие ни в какой степени не могут нас удовлетворить.

Чет мы ждем от театра? Художественных впечатлений и культурного обогащения. Мы не имеем ни того, ни другого. Начало сезона — пустышка и художественная, и культурная.

Наше разочарование тем горше, что переход театров к политпросвету сулил нам совершенно иное.

Говорят, есть еще массодрама. Но есть ли она — или это только дух Банко для гостеатра? Во всяком случае, театральные Полонии сделали все для того, чтобы ее не было.

Скучно в наших театрах, читатели!

Ан. Г.

Нам нужны свой "Недоросль", свое "Горе от ума", свой "Ревизор". Не новая инсценировка трех старых комедий, не пародийно-карнавальная перелицовка их на советский лад — хотя и это жизненнее 99 сотых нашего репертуара, — нет, нам нужна просто-напросто советская комедия нравов, смеющаяся и негодующая.

Троцкий.

ЧТО СТАВИТЬ?

(Мнение режиссера).

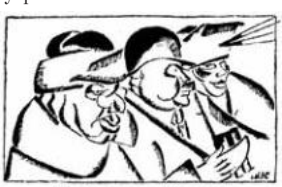
Больной вопрос каждого театра.

Есть актеры, но нет для них репертуара,

Есть репертуар, но нет для них актеров.

И стоят режиссеры перед театрально-математической формулой: актеры обратно пропорциональны современному репертуару.

Я застал в драматическом театре прекрасную труппу, не объединенную единым репертуаром.

В первом ряду „Гротеска"
Каждый театр имеет своего зрителя

В моем портфеле — "Армия в городе", Жюль Ромена, "Сарданапал" Байрона, одна из пьес Синклера и "Посадник" Ал. Толстого.

К сожалению, дебютировать мне приходится пьесой не из этого перечня, т. к. краткость времени не позволяет приготовить одну из сложных моих постановок.

В первой моей постановке "Лебединая песнь" я даю новое декоративное разрешение сценической площади и занял почти всех премьеров труппы.

А. САМАРИН-ВОЛЖСКИЙ.

1+0=10.

В начале сезона мы завопели: "Новый сезон! Иной! Непохожий!". Мы оказались пророками. Новый сезон! Новый!

В прошлом году мы имели режиссера, который был антрепренером. В этом — антрепренера, который стал режиссером.

И репертуар другой. Вместо Всеволода Соловьева Алексей Суворин и Владимир Трахтенберг вынуждены уступить место Владимиру Королевичу.

И труппы совсем разные. Любопытные труппы. О таких труппах латинская поговорка гласит: "Де мортуис ниль низи бене", что в переводе на русский означает: "О живых говорите только дурное".

Как это у вас получилось, дорогая редакция, — десять постановок. Ах, да вы считаете, что "Конец Мессии" = 1, а остальные 9=0; 1+0+10. Понял. Мерси.

Но это все факты и цифры. А впечатлениями я, дорогая редакция, делиться не люблю. Бывало поделишься, а там говорят: Ну, чем ему делиться. Держал бы лучше при себе... Впрочем, если вы настаиваете...

Вы спрашиваете, какая первая, лучшая из всех постановок. Какая лучшая из десяти? — Одиннадцатая: я ее не видал. Какая постановка, друзья мои, какая исключительная постановка!

Какая худшая, последняя из всех? Последней не было. Все были предпоследними. Почему — "пред". Не нужно, знаете ли, никогда никого обескураживать.

УЭЙТИНГ.

Театр купца Нэпишкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СИЛУЭТЫ

ЛИТЕРАТУРА-ИСКУССТВО-ТЕАТР-КИНО

РЕДАКЦИЯ: {ул. Лассаля 29 (Б.-Московская) тел. 9-76. Прием от 2 до 4 ч. дня. КОНТОРА: {„Госаноис" ул. Лассаля 16. Тел. 9-22. Прием от 2 до 4 ч. дня.

Актер-рецензентам

Еще ни разу за все время существования русского театра не стоял так остро вопрос о газетной рецензии. Кажется, что же тут особенного? Кому что нравится: кому попадья, а кому свиной хрящик. И все!

Но не так дело обстоит по существу.

У нас еще контакта с "жизнью" нет. И работники театра, и газеты понимают, что нужно что-то изменить, что-то переделать... В театре в этом смысле уже ведется "гражданская война".

Театр бьется между поисками "нового" репертуара с одной стороны и перекраиванием старого на новый лад — с другой.

Найдет ли русский театр свой правильный путь? Конечно, найдет! Безусловно найдет! Тысячу раз, да!

Но меня, актера, смущает вопрос, в чьих интересах задержать наше движение вперед? Кажется, ни в чьих. Но навстречу нам идут очень туго.

Ближе всех стоит к процессу работ театра, к его творческим силам — наш постоянный зритель — рецензент. И вот в нем, мне кажется, можно найти самую существенную поддержку театру. Отбросив старые приемы натянутых отношений с одной стороны и строгий неприступный вид с другой — в спайке прессы и театра — можно многое почерпнуть. Рецензент, беспристрастный, имеющий навык, чуткий, знающий театр и его литературу, отбросив мысль о том, как бы выругать и разделать, — став другом театра, несомненно принесет театральному делу громадную пользу.

Т. т. рецензенты!

Придите нам на помощь! Поделитесь вашими знаниями! Укажите наши ошибки, разъясните наши недоумения! Позвольте и нам высказать свои взгляды и доказать вам, когда вы неправы. — Никто не безгрешен!

У каждого из вас найдется свободный час в неделю, ну, хотя бы по понедельникам, чтобы поделиться с артистами о работе прошедшей и посоветоваться о предстоящей.

Надеюсь, это не останется гласом вопиющим и товарищи рецензенты, и товарищи артисты откликнутся на мой призыв.

И. СОЛОВЬЕВ.

АФИША

I.

На заседании репертуарного совета главный режиссер Затудыкин-Камский говорил антрепренеру:

— Афиша, мамочка, главная вещь. Без афиши теперь публику не заманишь в театр. Афиша должна быть составлена в новых тонах и конструктивном духе. И главное, чем непонятнее, тем лучше. Вот вы изволите ставить пьеску "Первая Муха". Извините — публика не пойдет. Вы обязательно на афишке — напирайте на "конструктивное оформление" и на "декоративные искания". "Новый социальный художественный план", "Оргии умирающего буржуазного мира".

— Позвольте, какие же у нас "декоративные искания", ежели я вместо декораций — три старых солдатских шинели вешаю на заднем фоне?

А мы так и напишем: "конструктив в сукнах". А ежели в шинелях дыры, обозначим: "рамочное обрамление сукон — художника Булдыкина 2-го". Вставьте: "массовый энтузиазм мира грядущего".

Антрепренер даже покраснел от удовольствия:

— 30 годов театр держу, а на старости лет такую премудрость приходится проходить. Трудное теперь дело театр держать. Бывало раньше, у меня актера нет. Выйдешь это в публику, подзовешь какого-нибудь гимназиста, прыщеватого, и сейчас же ему:

— Молодой человек, идите на сцену, Чацкина играть будете.

— А я не умею — говорит.

— Пустяки, говорю, идите на сцену, там вам покажут.

И что же вы думаете? Играл Чацкина или там Кречинского какого-нибудь — чудесно. Потом он у меня и жалование получал. За 20 рублей в месяц, так у меня и за комика, и за трагика был, и еще автором был: "Горе от ума" собственными словами рассказывал! А теперь — вовсе "оформление, конструктивная сценическая площадка".

— Что же поделаете, мамочка, — волновался главреж. — Теперь публику заманить в театр — трудное дело! Она скорее в финотдел пойдет, чем в театр! Без оформления ей и афиши не давай. Пишите, дорогуша: "Спектакль с резким уклоном в эксцентризм и киночеткость движений". "Постановка главного режиссера Затудыкина-Камского. Вещественное оформление... Декоративное обрамление... Дренаж... Монтаж такого-то. Пьесу ведет такой-то. Сценические установки. В первом акте Джас-банд, исполнит бальный оркестр; во втором — биомеханика по системе Мурильо".

— А что же это такое? — спросил антрепренер — ежели это расходов требует, так бог с ней, с этой Мурильей...

— Да нет, это так только, сам не знаю, что это значит! Декоратор был когда-то! Покойничек.

— Ну, если покойничек — ничего — денег не просит. А то у нас свой художник-декоратор есть, который мне три павильончика оклеил. Получше Мурилы — будет!

Афиша быстро подвигалась вперед.

— Хорошо бы танцы вставить, — сказал антрепренер, — тут есть у меня шансонеточка безработная.

— Танцев теперь на сцене нет! — строго сказал режиссер, — напишем "механические схемы нагого тела". Это и непонятно, и привлечет публику.

Написали.

Потом маленький Гришка, который на посылках, — потребовал, чтобы и его вставили в афишу, как "лаборанта". Вставили. Афиша получилась совсем "столичная".

II.

Но тут вмешался администратор. Он плохо разбирался в тонкостях новых сценических форм. Он подошел к делу с практической стороны.

— Граждане и прочие, вообще, — сказал он, — главное — касса. А касса теперь всех этих конструктивов и оформлений уже не любит: не клюет на оформление публика.

— Чего же вы хотите?

— Сбора, дорогой мой! Нам в банк проценты и взносы платить. Нужны сборы. Вот у меня пьесочка есть, не пьеса, а прямо-таки мармелад. Вы знаете, где действие происходит? В чека!

— А пьеса интересна!

— Одно слово, сказано — мармелад. Как на коробках от мармелада! Не пьесочка, а прямо бутерброд с маслом. И главное дело — в чека.

— Да, это, пожалуй, почище конструктива будет, — сказал антрепренер.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ

НА ДОМ- прямо таки смотреть не приятно бывш. домовладельцу.

ПРОПАЛА надежда на то, что „они уходят". Нашедшего просят доставить в Берлин—эмигранту.

ЧИСТКА требуется во многих жилкоопах.

Ушел из порта большой итальянский пароход. А вы говорите блокада!

По случаю от'езда хотел-бы основательно выпить. Ищу подходящего партнера со средствами. Бывший человек.

Женщина-врач тоже не хочет платить подоходный налог как мужчина.

Свободные помещения- еще имеются в местн. Допре. К сведению спекулянтов налетчиков и взяточников.

ВАЛЮТОЧКА, —вернись. Осиротелый отец ждет тебя на Греческой.

— А афишечку как составим: вот, извольте видеть, у меня уже приготовлено. Просто и изящно, только внизу приписочка:

Главные действующие лица:

Следователь Чека — Замурзаев-Донцов.

Сотрудница Чека — Анютина-Глазкина.

Главный следователь — Мандрыкин.

— Ну, словом, и так далее. Остальные — ерунда. Я вам говорю, удар грома. Действует на публику легко и нежно, как "Каскара Сагрода", и без всякой боли. Послушайтесь меня. Вся такая публика придет, которая близко с чека знакома: если не сидела, так сидеть будет! Я вам говорю, вот это афиша, а на оформление и на конструктивы теперь и брюк не сошьешь!

Так сделали: послушались администратора.

Д. Маллори.

Революционная пьеса.

I.

С приближением Октябрьских празднеств — актер Римский-Балтский стал наведываться в заводскую ячейку и говорил секретарю:

— Великие дни! Торжество пролетариата и прочих членов Союза. Октябрь! Помню я — за солью ездили, паек получали... А прошло 7 октябрей, и мы строим советскую культуру...

— Для чего вам, собственно? — топорщился секретарь. — Говорите прямо, времени мало.

— Мамочка моя, — заскрипел актер. — Что же это такое? Октябрь, великий Октябрь, а у нас в драмкружке революционного репертуара нет! Нельзя же старьем пробавляться, или там какие-нибудь "Противогазы" ставить! Мухи дохнут! Нам нужна революционная пьеса, от которой за версту революцией бы несло...

— Смотрите, как бы не понесло! Революционной пьесы у нас к октябрю нету... Это действительно.

— Пьесы? Голуба моя, да позвольте я поставлю. Я сочиню. Чувствую избыток революционного остервенения в груди...

II.

На другой день отрук Римский-Балтский уже командовал в кружке:

— Товарищи! В октябрьские дни... Рабочий театр — это великое слово. Без революционной пьесы и праздник не в праздник! Вот она, пьесочка. "Великосветские тайны". Как раз для Октября. Немножко освежить, немножко переменить и... Юный граф фон Сервиз, изысканный и нежный, как мармелад, влюбляется в прекрасную, как лилия, работницу из мастерской Власспулло Инну Сергеевну фон Гурко... Рабочий, нежный, как цветок...

— Это рабочий-то, как цветок? — усомнился кто-то.

— Не в этом дело, товарищи... Дело в революционности, пьеса насыщена революционностью. Граф идет воевать за октябрьскую революцию. Стрельба, пальба, — на революционность не меньше 50 аршин кумача истратим. Вот это пьеса, так пьеса. Прямо в нос ударит. — А что, какова выходит революция, — кричал он рабочему Коброву.

— Чепуха! — мрачно отвечал тот.

III.

— В четвертом действии юный граф, который уже записался в фабзавуч, — идет разбивать Юденича, — командовал Римский-Балтский.

— Мамочка! Это же за сценой. Вообще, у нас вся революция будет за сценой. Шума побольше, и сейчас же Интернационал. Чудесно!

А под финал графа, т. е. он теперь рабочий пролетарского происхождения, выносят на носилках, а невеста его кричит:

— Дорогой мой граф фон Сервиз! Ты умираешь. Да будут прокляты белогвардейцы, разбившие наше семейное счастье из французских орудий в 8 калибров. Да здравствует

всемирная революциям и мировой Октябрь! Музыка играет Интернационал. Гражданка Булдыкина, встаньте в третью позицию, сделайте жест ручкой, придайте лицу красивое выражение и вообще побольше грации, вы ведь играете работницу в революционной пьесе... Это же сама революция на сцене!

VI.

К 7 годовщине Октября — позвольте пожелать всем рабочим клубам — не ставить таких "революционных" пьес и гнать вон таких излишне "революционных" руководителей.

Д. Маллори.

ТЕАТР

Клочки воспоминаний.

Свою любовь к театру я получил от Москвы, в которой родился и вырос.

Театральная Москва всегда была неисправимой идолопоклонницей и обильно воздвигала свои кумиры, которым потом слепо поклонялась из рода в род.

Первое место среди этих кумиров лет сорок тому назад принадлежало Малому театру.

Но ни опера, ни балет тогда фавором не пользовались: Итальянский оперный репертуар никогда в Москве не имел таких поклонников, каких давали ему Петербург и Одесса. Слава Чайковского была еще впереди, а Римский-Корсаков, Мусоргский и Бородин тогда слыли еще за отверженных еретиков.

Особенно же жалкую участь влачил московский балет. Только на святках да на масляной купеческие династии заполняли ложи Большого театра. Тогдашнему студенту или передовому читателю "Русских ведомостей" нельзя было нанести более тяжкого оскорбления, как заподозрив его в посещении балета. А между тем тогдашний балет вовсе не был беден большими артистами: прекрасный мим Гельцер, изящнейший танцор Хлюстин могли бы смело поспорить с петербургск. знаменитостями, но особенно была хороша прима-балерина А.Н. Гейтен и вот на ее-то судьбе особенно убеждаешься

Проф. Б. В. ВАРНЕКЕ

в том, как мало зависит артистическая слава от действительных размеров таланта. Анна Павлова, Лидия Кякшт, Тамара Карсавина — теперь всемирные знаменитости. Ни одной из них Гейтен не уступала нисколько ни музыкальностью, ни грацией, ни технической разработкой своего тела. Не один десяток лет она одна несла весь репертуар. И кроме товарищей по сцене да десятка мирных москвичей, ее никто не знает.

И таких примеров вопиющей несправедливости театральной славы я могу подобрать целую сотню.

Признаюсь — всякий раз как я любовался Шаляпиным — мельником в "Русалке", я вспоминал другого мельника. Тонкостью игры, законченностью художественного грима Бутенко равнялся Шаляпину, а мощью и силой голоса безусловно его превосходил.

Уроженец Одессы, прекрасный скромнейший человек, Бутенко на версту не допускал к себе ни одного "рекламных дел" мастера. Да они и не нужны ему были: его успех рос с каждым новым выступлением, как вдруг дифтерит в два-три дня унес его в могилу в расцвете молодости. И таких примеров незаслуженного забвения не оберешься.

Когда лет 30 тому назад в Москву приехал Мазини, восторгам не было конца, и сразу же появилась особая порода "мазинисток", мастерски увековеченная в сатире И.Л. Щеглова.

Полное равнодушие сохранял к Мазини только мой родственник, кассир театра Мошнина в каретном ряду и, глядя с презрением на миллионерш, которые "в восторге чувств" расстилали по московской грязи свои тысячные ангорские шубы, чтобы по их меху божественный Анджело дошел от театрального крыльца до кареты, ядовито бурчал:

— А небось нашему Грицаю и веревочного коврика не постелют!

— Кто такое был этот Грицай?

Ручаюсь, что теперь это имя мало что говорит сердцу даже записных театралов.

Это был артист украинской труппы, которую в 1886 г. привез в Москву Кропивницкий. Среди ее редкого состава Грицай выделялся поразительной красотой и силой своего голоса. Бесконечные волны звуков лились совершенно свободно из его рта и, казалось, не было такой трудности, которой бы Грицай не мог выполнить совершенно свободно. В "Гайдамаке-Гаркуше" он пел длиннейшую арию, лежа на спине с подогнутыми под голову руками и совсем шутя забирался на самую высоту звуков. И без всяких усилий до трех раз бисировал этот номер по требованию пораженного зала. Особенно удивлялись знатоки пения мастерству, с каким он исполнял какой-то вставной номер необычайной трудности в "Назаре Стодоле", роль которого он проводил с потрясающим драматизмом.

Богатство голоса сразу же оценили знатоки, предложившие ему нужные деньги для обучения: чуть ли не на втором спектакле обнаружилось, что он едва брел по нотам и труднейшие номера исполнял под оркестр по слуху.

Мрачный, молчаливый Грицай благодарно выслушивал эти предложения и советы, ничего на них не отвечал и продолжал поражать богатством своей "натуры", ничего не делая для ее отделки.

Проф. Б.В. Варнеке.

СТАРЫЙ АКТЕР

(Из воспоминаний проф. Б.В. Варнеке)

Если бы сорок лет тому назад меня спросили, кто первый актер не только в России, а всего мира, я, ни минуты не колеблясь, по глубочайшему убеждению сразу бы ответил:

— Миленский, Дмитрий Иванович!

Вот — подлинная глава и воплощенное знамя всего актерского мира.

Что же играл Миленский? Какой же фимиам критики знал он и какими был избалован восторгами?

Роли он играл "без ниточки", т. е. такие, текст которых умещался на одном листке, так что на сшивание их не приходилось тратить казенных ниток. Да и то редко. По целому месяцу сонный переулок на Пресне, где в собственном домике на курьих ножках проживал Миленский, не оглашался грохотом колес "Ноева ковчега" — так звали тогда в Москве те допотопные кареты, которые развозили казенных актеров на спектакли и репетиции. Тщетно искали бы мы его имя даже в самых подробных рецензиях, и доживал он свои ветхие дни в большой скудости. И, тем не менее, и сам Миленский, и вся его семья, и многие его знакомые, — в нем одном видели вершину артистического величия и недосягаемый предел художественной славы.

На эту высоту поставил он себя сам. Критика и зрители? Они ведь Мочалова не видали и не знают поэтому, что такое настоящая игра.

Своих товарищей по сцене он едва ли замечал, как лев в своем царственном одиночестве не замечает ползающих вокруг него муравьев. И когда мы тормошили его расспросами про наших любимцев, Федотову, Ермолову, Ленского, он едва цедил сквозь зубы:

— Мальчишки, мелюзга! Разве это актеры?

— Да, вот эту еще, пожалуй, можно было бы выпустить и самим Мочаловым.

И мы понимали и ценили, что это высшая похвала, которой он мог наделить великую актрису.

И только когда разносились бури восторгов, выпавших на долю Ермоловой в "Орлеанской деве", Миленский снизошел до приговора и поддерживал на ней себя своей непоколебимой гордостью.

Все его величие питалось только одним сознанием, что он — единственный на русской сцене актер, с которым играл Мочалов, сам Павел Степанович Мочалов.

Нельзя было с ним обменяться самым коротким разговором, без того, чтобы не услыхать с первого же слова:

— Я, имевший великую честь играть с самими Мочаловым...

Протягивая свою исполинскую руку, он говорил бездонным басом:

— И эту руку жал сам Мочалов... Что ему обиды от начальства? Оно ведь не сумело оценить и уберечь и самого Мочалова. Что ему равнодушие.

Свои полные досуга дни Миленский проводил, либо копаясь в садике, либо

греясь на завалинке у своего домика и, признаться сказать, жестоко надоедал не только прохожим, но даже мальчишкам бесконечными рассказами про Мочалова.

Спешит, бывало, какой-нибудь сапожник к капризной заказчице с полусапожками, попадает в "поле зрения" Дмитрия Ивановича и слышит с завалинки грозный окрик:

— Варвар! Куда стремишься? Не знаешь разве, как говорил Мочалов:

— Река времен —
Кимвала звон!
Все тщетно в сей юдоли бренной...

— Ослобоните, Митрий Иваныч, с вашими мочалками! Нам и без них от хозяина руготни не уберешься...

Редкие выступления Миленского на сцене заранее становились известны всему переулку.

Начиналось с утюгов. Еще накануне домашние его бегали по двору и занимали "утюжок" на минуточку, чтобы восстановить величие его одежд, обычно хранимых в недрах комодов, потому что Дмитрий Иванович предпочитал "благодушествовать в безбилье", как сетовали оскорбленные его откровенностью соседские старые девы... От утюгов дело переходило к курам, принимая кровавый оборот: для такого события силы артиста надо было подкрепить и будничную редьку с квасом заменить более питательной едой, и курицы по очереди приносились как жертвы на алтарь святого искусства.

Затем одна из дочек стыдливо появлялась на пороге у соседей:

— Так что наш папаша завтра играют и после таких восторгов без напитку невозможно, так не одолжите ли двугривенничек до жалования? На сороковушку?

Наконец, громыхая своими недрами, подкатывал "Ноев ковчег" с бритыми пассажирами, сонный кучер нехотя слезал с козел и стучал в окно кнутом.

На крыльцо выбегали взволнованные домочадцы, выходил Сам Дмитрий Иваныч, напутствуемый всей семьей и в сознании величия своего подвига, проникал внутрь "ковчега". Словно не заштатный актер отправлялся сотый раз играть швейцара из "Горе от ума", а великий римский триумфатор на золотой колеснице ехал на Капитолий во главе победоносных полчищ.

Б. Варнеке.

Наум БЕЛОГ

Говорящий гусь

Светлой памяти Жени Белоголовской посвящается

Это было — начало шестидесятых. Не много времени прошло с тех пор, как закончилась война. Я жил в Одессе — большом веселом городе на берегу Черного моря.

Мне было тогда двадцать два года, и в один прекрасный летний вечер я встретил девушку. Ее звали Соня, и я влюбился в нее с первого взгляда.

Мы были очень разными. Я был длинный и худой. Все мое тело состояло из странных остроугольных треугольников. Ко мне было опасно прикоснуться: лопатки, плечи, колени и локти — все это могло уколоть и причинить боль. В этом плане я, наверное, был скопирован моими родителями с Пикассовской картины кубистского периода. Моя худоба была главной причиной моей застенчивости и того, почему улыбка так редко появлялась на моем лице.

Мама часто говорила мне:

— Ты такой худой, потому что ничего не кушаешь целыми днями. Так откуда же возьмется мясо на твоих костях?

Не дождавшись от меня ответа, она продолжала:

— И что с того, что ты такой *хухым*? Ты же никогда не открываешь рот, чтобы сказать что-то умное. Только дантист может открыть твой рот. Разве я говорю что-нибудь не так? Скажи мне лучше, что за удовольствие получит девушка от такого парня, как ты? Только мигрень в голове.

Мама была всегда права. На людях я забивался в угол и молчал, как будто набрал полный рот воды. Только с Соней я чувствовал себя другим. Из меня сыпались истории, одна неправдоподобнее другой. Одни — пришли из моих снов, другие — я придумывал, сидя рядом с ней. Я читал ей свои стихи, перемешивая их со стихами знаменитых поэтов. Я врал без зазрения совести о моих грандиозных проектах и о книгах, которые будут напечатаны скоро. Я смотрел ей в глаза и не чувствовал угрызений совести за свое вранье.

Соня была прямой противоположностью мне. Все в ней имело мягкие закругленные формы. У нее были темные с рыжеватым отливом волосы и глаза, как маслины. Но не те дикие серовато-зеленые ягодки, которые растут на склонах Ланжерона и Аркадии, а те настоящие — греческие, большущие, черные, в которых горело страстное солнце Юга. Ее щеки были цвета спелого персика и пахли чем-то приятным, напоминавшем мне

еще довоенное детство. Я думаю, что Ренуар писал свои портреты с девушек, похожих на Соню.

Что еще разнило нас? Я был неисправимый мечтатель, полный идеями, которые выплескивались из меня ежедневно, как ежедневно выпекают хлеб или доят коров. Соня была реалисткой и пыталась смотреть на мир, отбросив розовые очки, которыми я, признаюсь, пользовался частенько.

Мы были разными, но в нас обоих созревала любовь. Она созревала, как созревает абрикос в пропитанном зноем июне. Тяжелый сочный плод уже был готов сорваться с ветки...

Кроме сильных чувств — что еще объединяло нас? Мы оба имели одну и ту же занозу, которая сидела глубоко в наших сердцах и причиняла боль. У нас обоих не было отцов — они погибли на войне.

Было еще одно общее у нас: мы были бедны. Мы были, конечно, богаче, чем попрошайки с еврейского кладбища на Слободке, но у наших мам не было ни малейшего шанса купить для нас даже самый дешевенький музыкальный инструмент. Ведь в каждой приличной еврейской семье ребенок должен был обязательно учиться музыке. К сожалению, этого не случилось в наших семьях. Нам выпала судьба, отличная от привычного стереотипа. Кто был виновен в этом? Нам говорили:

— Время было такое...

Мы видели друг друга каждый вечер. Обычно мы встречались в парке недалеко от дома, где жила Соня. В парке кроме нас не было ни души. Только вдалеке, где-то глубоко внизу, шумело море Над нами было черное небо, покрытое звездами, которые залегли недвижно, как залегают уставшие овцы на пропекшемся полуденным зноем лугу. Ветер холодил наши тела, но нам было тепло оттого, что мы были вместе...

Однажды, когда начался дождь, мы прибежали из парка к Соне домой. Вид у нас был, как говорили в Одессе, "на море и обратно". Сонина мама долго глядела на нас, и потом, глубоко вздохнув, сказала:

— Послушайте, дети. Я думала, думала, и вот что я вам скажу. Хватит вам на холоде торчать — еще какую-нибудь хворобу поймаете. Вот эта комнатка — так она будет ваша. Как говорится — в тесноте, да не в обиде.

В тот же вечер мы решили, что свадьба будет в конце декабря.

Все одобряли мой выбор, кроме нашей соседки Ханы, которая, поймав маму за рукав, шептала ей в ухо:

— Это, конечно, не мое дело, мадам Гуревич, но надо быть последним *шмоком*, чтобы лезть из одной бедности в другую. Тысячу извинений, соседка.

День свадьбы приближался очень быстро. Осталось всего три недели. Соня тревожилась по поводу свадебного платья и туфель, но все надеялись, что с помощью ее дяди, который работал такелажником в грузовом порту, все будет улажено.

Более сложная ситуация была со мной. Тетя Рахиль при всяком удобном случае говорила мне на смешанном с идиш русском:

— Лёнчик, ты — *а гройсэр бухер* уже, но ты совершенно *бурвыс* и *нэйкет*.

Она была права — моя единственная тетя по папиной линии. Я и в правду не имел ни одной порядочной пары брюк и туфель. Но это не очень волновало меня, потому что моя сотрудница Рая обещала помочь. Она была очень целеустремленной женщиной, и хотела "сделать из меня человека".

— Хотя бы на своей свадьбе ты не будешь выглядеть, как халамидник! — кричала она.

Рая была непонятного возраста, высушенная, как будто ее продержали много лет в гербарии, маленького роста существо. Ее личико скрывалось за круглыми большими очками, сквозь которые просвечивались всегда улыбающиеся глаза. Она выглядела, как воробышек, но энергии в ней было, как у двух здоровенных мужиков. Разговаривала она, жестикулируя тонкими ручонками, помогавшими ей выплеснуть наружу эмоции. Ее длинные пальцы летали в воздухе перед моими глазами, а иногда от избытка чувств она упиралась ими в мою грудь с силой, источник которой был непонятен. Никто на работе не знал, сколько Рае лет, но все знали, что Раин отец был очень влиятельной фигурой в городе. Он заведовал большим промтоварным магазином, в котором было все, о чем мог только мечтать советский человек. С помощью своего отца Рая хотела одеть меня с ног до головы, и все были уверены, что она это сделает.

Кроме одежды очень важной частью подготовки к свадьбе было обеспечение продуктов для приготовления свадебного стола. Необходимо было достать много всяких вещей, но наиболее важными были гуси и рыба. Можете ли вы себе представить еврейский праздник, а особенно свадьбу, без гуся и *гифилты фиш*? Конечно, нет.

Главную роль в этом мероприятии было отведено сыграть Янкелю — Сониному отчиму.

Янкель был в своих ранних восьмидесятых, но здоровья и энергии в нем было хоть отбавляй, и это вопреки тому, что он отсидел десять лет в лагерях. Выжил он в лагерях, потому что, как он сам говорил, ему "было все до пуговицы".

Янкель был высокий, с маленькой головой, покрытой серым густым ежиком волос, и большим круглым, как раздутый до предела резиновый шар, животом, пришпиленным к низу его груди. Наиболее выдающейся частью его лица был, конечно, его нос. Это был не просто большой и мясистый нос. Этот нос улавливал даже малейший намек на появление где бы то ни было в городе дефицитного продукта, и как хорошо тренированная собака-ищейка, Янкель появлялся в магазине и, как правило, был в числе первых в очереди.

Янкель имел особый талант, силы и выносливость, позволявшие ему выстаивать иногда в изнуряюще длинных очередях, при этом давая отпор всем, кто посягался втиснуться до него, нарушая правила игры. Можно сказать, что он был настоящим волшебником, потому что купить в то время в магазине что-либо, и особенно купить гуся, было все равно что достать розу с Северного полюса.

Янкеля постоянная шутка была:

— Леня, вы еще очень молодой, и вы не понимаете жизнь. Наверное, вам никто не говорил, что самая лучшая в мире рыба — это жареный гусь.

Я не был согласен, но никогда не спорил с ним.

Янкель привык брать быка за рога, поэтому когда по дому разнесся слух, что на Дерибасовской "выкинули" гусей, он, несмотря на то, что до свадьбы было еще далеко, решил брать их — пока дают. Было еще темно, когда Янкель первым трамваем уехал за покупками в центр города, и было уже темно, когда он возвратился. Он стоял по несколько часов в длиннющих очередях и привез домой в своем огромном саквояже три красавца — три золотых откормленных гуся.

Янкель был очень горд собою. Это благодаря ему запеченные в духовке надменные жирные гиганты с животами, распухшими от яблок и слив, будут не только украшать свадебный стол, но и одурманят своими запахами всю округу.

Люба — Сонина мама — была тихой женщиной, и она считала, что Янкель был прав, когда он взял быка за рога. Она никогда не спорила с ним, но в тот раз уверенность мужа не передалась ей, и чувство тревоги, как змея, приползло в ее сердце. Дело в том, что по причине бедности холодильник в то время был для наших семейств так же недосягаем, как недосягаемы звезды в небе, и гусей вывесили за окном на морозе. Будучи вовсе не религиозной, Люба, тем не менее, день и ночь просила Бога продержать мороз подольше, чтобы гуси, висевшие за окном, могли дотянуть до того момента, когда Сонина тетя Фира возьмется за них. Люба просила Бога, и Бог обещал хранить холод так долго, как он сможет.

Итак, все, вроде бы, шло гладко. К гусям присоединилась позже рыба, и они вместе наслаждались чистым морозным воздухом за окном. Платье и туфли для Сони, а также костюм и шляпа для меня были чуть ли не на полпути из магазина, и наша соседка Хана наконец привыкла к мысли, что я не женюсь на богатой девушке.

Медленно и счастливо мы приближались к последней неделе перед свадьбой. Но, как это часто бывает, неприятности ударяют без предупреждения. Неожиданно ветер, дувший с севера, поменял направление, и массы теплого воздуха с юга ворвались в наш город. Туман и непрекращающийся день и ночь дождь превратили город в мрачное серое чудовище. Это был удар, которого никто не ожидал, и всех больнее он был для Любы и для Янкеля. Продукты, висевшие за окном, конечно, не продержатся еще десять дней. Люба была в слезах и пила валерьянку, а Янкель грозился убить главного метеоролога города.

Только один человек был спокоен и по-прежнему улыбался. Это была моя тетя Рахиль. Как она призналась потом — она не спала всю ночь, но зато на следующее утро она ни свет ни заря появилась у Любы с замечательной идеей. Вот что она сказала, прежде чем переступила порог:

— Что вы себе делаете *цурыс* с ерунды? Так мы сыграем свадьбу на неделю раньше. *А ицым паровоз*! А не дай Бог отравить гостей с вонючими гусями — будет красиво?

После непродолжительных дебатов Рахилина идея была принята, и мы известили наших гостей прийти на неделю раньше.

Конечно, не все были рады этому. Не у всех были готовы наряды и подарки, не все дамы сделали прически и маникюр, но это были мелочи в сравнении с той катастрофой, которая, не про нас будь сказано, могла произойти.

Свадьба должна была состояться в воскресение в нашей квартире, состоящей из двух небольших комнат на втором этаже старого обшарпанного дома. Мама одолжила столы, стулья и посуду у соседей и родственников. Потом целый божий день вся *мишпуха* перетаскивала приготовленную еду от Сони к нам, меся грязь на тротуарах, затопленных растаявшим снегом.

К вечеру все было готово для приема гостей. Родственники расселись в большей комнате, и каждый имел тарелку, вилку и стакан. Друзья и соседи, оказавшиеся в маленькой комнате, не все имели такой *мазл*. Не-

сколько человек оказались без стаканов для выпивки, и им срочно во избежание волнений принесли пол-литровые алюминиевые кружки.

Родственники — более привилегированные гости — имели на своем столе два гуся, но зато вторая комната по недосмотру Янкеля имела больше бутылок водки, что могло привести к беспорядкам в ближайшем будущем. Но в тот момент все как будто были настроены мирно.

Гости сидели, раздвинув как можно шире локти, чтобы иметь больше пространства для орудования стаканом и вилкой. Перед носом у каждого, с трудом уместившиеся на столе, стояли блюда, ломившиеся от еды и издававшие запахи, с которыми простому смертному было трудно совладать. Несмотря на соблазн опрокинуть стакан, наполненный водкой, еще десять минут назад, и конечно, хорошо закусить, люди сидели молча, ожидая чего-то. Но как долго голодный человек мог терпеть такое испытание?

Первым не выдержал напряжения мой троюродный брат Сашка, у которого была кличка "Без пол-литра не разберешься". Он вскочил со стула и закричал:

— Кого еще мы ждем, *хаверым*? Пора выпить за наших молодых!

Его жена, известная на весь город парикмахерша Клава, большой, как лопата, рукой посадила мужа на место:

— Стыд на тебя. Ты уже просто умираешь, что не можешь сожрать свой стакан водки? Неужели ты не знаешь, кого мы ждем?

Она была очень возбуждена, и ей так же, как Сашке, наверное, хотелось выпить и закусить, но она ждала, когда самый толковый человек в нашем семействе произнесет свой тост. Большинство гостей знало, что дядя Сема готовил этот тост последние две недели, и готовы были ждать еще пять минут, но не более.

Тишина уже не сулила ничего хорошего, и когда раздались голодные голоса: "Дядя Сема! Дядя Сема! Тост, тост!" — зажатый между столом и подоконником Сема начал свой тост.

Его коньком вот уже много лет были: "Обрезание — для всех" и "Голодание — это хорошо". Но сегодня почему-то он начал издалека — с революции, когда его дядя сражался с контрреволюционерами, а потом сам в 1937 году стал врагом народа и исчез навсегда, как исчезла "краковская" колбаса при Хрущеве. Когда Сеня плавно входил в тему войны с Гитлером, гости уже были готовы громить все и всех, особенно те, кто были во второй комнате. Они были голодные и не хотели ждать, пока племянник великого революционера приступит к рассказу о том, как было тяжело в те времена найти раввина, чтобы сделать обрезание нынешнему жениху.

— Довольно! Остановите его, или я за себя не ручаюсь! — стонал сосед Изя, старый холостяк, контуженный на войне.

Дядя Сема был образованный человек, но он не подозревал, что животное начало в человеке так опережает духовное, и то, что он услышал от Изи, подкосило старого марксиста-ленинца. Сема почувствовал себя очень плохо. Его жена Ида, сидевшая рядом с ним и чувствовавшая его боль как свою, пыталась дать ему таблетку валидола, которую всегда хранила в кармане.

Сидевший рядом Миша, краснощекий гигант — бывший майор НКВД, а в то время заведовавший гастрономом, заметил Идины намерения:

— Идочка, это не поможет. Я дам ему что-то получше, — и он налил ему полный стакан водки.

Потом Миша перехватил инициативу. Еврей-богатырь держал стакан, полный водки, у своего сердца. Затем он оглядел гостей с высоты своих почти двух метров и, повернув голову в нашу сторону, прогремел:

— Давайте выпьем за детей! Будем здоровы, и они вместе с нами. *Ле хаим*! Горько!

С того момента водка полилась, словно река в полноводье. Все пили многократно за Сонечку, за меня, за родителей и всех родственников — присутствующих и отсутствующих. Дело дошло до того, что мой начальник по работе предложил выпить за товарища Ташмана, который починил заводскую печь. И все с удовольствием выпили за никому не известного товарища с красивой еврейской фамилией.

Я тоже выпил за Ташмана, потому что после множества тостов в честь молодоженов мне уже было все равно, за кого пить. Дело в том, что мой стакан никогда не был пустым. Он постоянно наполнялся чьей-то очень заботливой рукой, несмотря на протесты Сонечки.

Не помню, в какой момент ощущение времени и пространства исчезло из моего сознания. Сонечка тоже исчезла, и я заметил, что мое тело не имеет веса. Будучи невесомой пылинкой, я был готов взлететь, как откуда ни возьмись милиционерша, громадная, как гора Чумка, вытащила меня из комнаты в черноту ночи. Она вела себя пренаглейшим образом, пытаясь убедить меня, что это она любила меня, а не Соня, и что если я разведусь с Соней, она заберет меня в Узбекистан, где мы будем днем выращивать хлопок, а вечерами пить чай с урюком. Еще она обещала защитить меня от происков дяди Семы и Сашки, которые хотели обратить меня в хиндуизм... Когда милиционерша хотела поцеловать меня, я оттолкнул

ее. Ее реакция была многообещающей. Она выхватила пистолет из кобуры и выстрелила в воздух.

Я не знаю, чем бы это все кончилось, если бы в нашем окне не зажегся свет, и в нем не появилась голова Янкеля в генеральской папахе и с медалью "За отвагу" на лацкане пиджака.

— Эй, стерва! Чего к моему зятю пристаешь? — заревел он на всю улицу.

— Ты, старый козел, это он ко мне пристает! — милиционерша выстрелила в его сторону, промахнулась и, явно расстроенная, бросила в меня: — С вами, евреями, иметь дело — все равно что писять против ветра.

Она сунула пистолет в кобуру, смачно сплюнула и ушла...

Сознание вернулось ко мне, и я понял, что нахожусь во дворе нашего дома. Странные мысли лезли в мою голову:

— Почему я здесь? Где моя невеста и где все гости?

Я был один. Холодная ночь окружала меня. Мягкие снежинки медленно падали с неба, покрывая землю. Наконец небеса сжалились, и зима возвратилась в город.

— Спасибо, Господи, что ты не забыл нас. Ничего, что это случилось поздновато. Еда уже не должна быть холодной, потому что ее уже, наверное, нет и в помине. Гости, должно быть, прикончили ее этой ночью.

Я побежал к себе. Шум стоял невообразимый. Одни пели, другие пытались танцевать под патефон в неимоверно малом пространстве, но большинство гостей продолжали пить и требовали еды.

Соня сидела на том же самом месте, где я покинул ее, окруженная пьяными мужиками. Она была бледна, и глаза в слезах. Я никогда раньше не видел ее в таком состоянии.

Этой ночью мы делали свои первые совместные шаги в будущее, и они оказались не такими, как нам хотелось. Сколько же еще разочарований лежало впереди? И сколько радостных дней ожидало нас? Я молил Бога помочь нам...

— Где ты пропадал? — Соня встретила меня. — Ты можешь освободить меня от этого кошмара? Бежим отсюда...

Мы вышли на улицу. Снег продолжал падать, покрывая дома и деревья. Мир и тишина наполнили ночь. Только одно окно было освещено. Это было наше окно. Вдруг Сашкина голова высунулась из него:

— Горько! Горько!

Эхо от этих странных слов еще долго стояло в ночи, и наконец, тишина пришла снова.

Мы не возвратились домой. Мы гуляли по спящему городу до утра, до тех пор, пока все гости не покинули нашу квартиру. Моя мама встретила нас:

— Слава Богу, наши лунатики возвратились. Не думаете ли вы, что пора завтракать? Я уверена, что вы голодные, как волки.

Она повела нас на кухню. На столе еще было несколько блюд, и в одном из них, как ни странно, была почти половина гуся. Его голова лежала мирно, с закрытыми глазами. Вдруг один глаз моргнул дважды. Потом гусь открыл рот и ясным громким голосом произнес:

— Все ваши гости хотели меня, но я дожидался вас. Будьте счастливы, ребята.

Гусь закрыл рот, и кухня погрузилась в тишину.

Мельбурн

Нина ДАНИЛОВА

Венские встречи

Эта непридуманная история произошла с моей одесской соседкой в середине 80-х годов. Только начинались времена великих перестроечных перемен, тогда гостевые посещения заграницы простыми гражданами являлись практически невероятными событиями. И тем не менее, уже возникали исключительные ситуации, свидетелем одной из которых и довелось стать мне.

Моя дорогая добрейшая и наивнейшая тетя Роза! Никогда не забуду ее — нашу ближайшую многолетнюю насквозь родную соседку, этот неповторимый истинно "одесский виговор", это кареглазое круглое приветливое лицо с жесткими усиками и распухшие пальцы неутомимых рук. Судьба уготовила ей несколько удивительных сюрпризов, и ее реакция на эти подарки была настолько непосредственна и неотразима, что я частенько вспоминаю те далекие дни.

Всю жизнь тетя Роза провела в Одессе, добросовестно выполняя свои многочисленные нелегкие обязанности — жены, матери, производственницы. Ее муж работал завскладом на сахарном заводе и получил 15 лет по статье "Хищение социалистической собственности в особо крупных размерах". Как она говорила, "Он ставил голову, и они ее взяли". Это была довольно громкая и достаточно темная история в начале 60-х годов. С завода исчезали вагоны с сахаром, а виновным оказался всего один еврей, заведующий складом. Когда его забрали, тетя Роза осталась с двумя малолетними сыновьями и своими горькими слезами. Справедливости ради надо сказать, что оставшиеся на свободе истинные руководители процесса расхищения социалистической собственности некоторое время оказывали этой несчастной семье "посильную" материальную помощь.

У тети Розы были очень хорошие, по-настоящему родные сестры, которые помогали ей, чем только могли. Но уже в 70-х годах они все разъехались — кто в Израиль, кто в Америку. Иногда она приходила ко мне вечерами с кучей конвертов и открыток и просила написать "заграничными" буквами адреса своих родных в разных странах. Она очень тосковала по любимым сестрам, но тогда не было возможности регулярно общаться даже по телефону. В те времена отъезд человека "туда" практически воспринимался остающимися как его смерть, так как они прощались навсегда. Ибо "оттуда", как и с того света, тогда еще никто не возвращался! Невозможно было представить, что не пройдет и десять лет, как начнутся мно-

гочисленные телефонные звонки, которым не страшны все возрастающие тарифные расценки, а также сколь угодно дальние заграничные поездки, радостные ностальгические встречи в бывших родных краях. Тогда все было совершенно по-другому, и мы тоже были другими. Умели искренне сопереживать и сочувствовать, не экономили на этом свои эмоции...

Тетя Роза очень переживала за своих сыновей. Старший сын Изя выучился на ювелира и начал, в свою очередь, "ставить голову". В те времена работа ювелира с золотом запросто могла стоить ему и свободы, и головы. Она сердилась на свою невестку Инну, называла ее прорвой, для которой нужно "ставить две головы".

К несчастью, у Изи начались серьезные проблемы со здоровьем. Боль в ноге нарастала, диагноз "остеомиелит" означал воспаление костной ткани. Болезнь практически не поддавалась лечению. Речь уже зашла об ампутации. И вот тогда Инна стала настаивать на срочном отъезде, чтобы спасти ногу мужа, а заодно и голову. Она и раньше бы с удовольствием пересекла все границы, но для этого нужно было получить официальное юридически заверенное разрешение родителей.

И началась настоящая трагедия в соседней квартире. Рыданиям и крикам тети Розы не было конца, у нее разыгрался "сахар". Но истинная материнская любовь и здравый смысл восторжествовали, и родительское разрешение на отъезд семьи сына из страны было оформлено. Для этого тетя Роза съездила на Север к своему мужу, который последние годы досиживал на вольных поселениях. Изя взял с собой только самое дорогое — жену, сына, тещу и ювелирные инструменты. Когда они прибыли в Вену, Изю положили в больницу, так как его состояние было довольно серьезным. Там обнаружились удивительные вещи, которые не могли быть диагностированы раньше. Причиной процесса в ноге оказалось почему-то острое воспаление в почке, о котором никто не имел представления. Когда вылечили почку, нога выздоровела без вмешательства медицины. Но за время лечения хитромудрая Инна успела подружиться с некоторыми австрийскими евреями. В общем, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло — им удалось остаться в Вене! Изя получил рабочую визу, и быстро наладил ювелирное дело. Очень помог язык идиш, владение которым обеспечивало минимальные контакт. Высокий уровень мастерства и любовь австрийской публики к ювелирным украшениям помогли оформить бизнес-эмиграцию. Венская жизнь наладилась, присылаемые тете Розе фотографии были совершенно роскошны.

Но она продолжала переживать — теперь за своего второго сына Осю.

Когда он вернулся из армии, ее диабет уже требовал регулярных инсулиновых инъекций. Она очень скучала по своему единственному внуку Боре, который превращался в настоящего австрияка в этой недостижимо далекой сказочной Вене. И в это время как раз начали проклевываться ростки новых возможностей для граждан нашей страны. Изя оформил гостевое приглашение для мамы и брата на месяц. Что тут началось! Вечером соседка вызвала меня на совет.

"Представляешь, нам нужно ехать в Москву, оформлять австрийские визы. Мы с Осей нигде никогда не были, Москву совершенно не знаем, ничего там не найдем. И кто и где мне уколет инсулин? Поехали с нами — я все тебе оплачу, — причитала она. — Изя прислал нам деньги на дорогу. Там будем ездить на такси, этот проклятый диабет совсем разбил мне ноги".

К сожалению, я не могла выполнить ее просьбу, но постаралась подробно расписать порядок их действий в Москве, договорилась по телефону со своими московскими друзьями о месте их ночлега. Объяснила, что уколы можно сделать в медпункте на Киевском вокзале. Но в душе поселилось беспокойство — у этой парочки совсем не было опыта подобных путешествий! Поэтому, как только через три дня я услышала хлопанье соседской двери, поспешила к ним.

"Ну, как прошло ваше первое свидание с Москвой?" — начала я с общих впечатлений.

"А я ее видела?!— воскликнула тетя Роза. — Мне так и не пришлось даже взглянуть на нее, и дай Бог, чтобы я никогда больше туда не попадала и так не мучалась!" Она действительно выглядела очень утомленной, и я поняла, что мои опасения были не напрасны. За вечерним чаепитием с московским кексом с изюмом она поведала мне историю дорожных приключений. Рассказ тети Розы был обстоятельным и эмоциональным, смешным и грустным. Привожу его почти дословно.

"Я виновата, что эта негодяйка любит свою свекровь! — такое неожиданное начало имела эта история. — Я говорю о нашей соседке в купе по дороге в Москву. Это же нужно иметь такое еврейское счастье оказаться в одном купе с ненормальной мамашей с тремя маленькими детьми. Только представь себе, она везла их с двумя пересадками к черту на кулички, чтобы там они повидались с ее любимой свекровью. Мы с Осей поняли, что дорога будет "веселой" уже по запаху, который стоял в купе, а ведь поезд еще и не думал трогаться. И чего можно было ожидать от деток, которых кормили этим *дрэком* из вагона-ресторана? Они очень быстро и регулярно выдавали всю эту гадость разными способами. Запасы детского

белья закончились уже через несколько часов. Мы начали отдавать несчастным мученикам наши постельные принадлежности, которые немедленно обделывались и затем складывались в угол, пополняя "благоухающую" кучу. Боже мой, с каким трудом и за какие деньги нам доставали по большому блату эти купейные места! Спрашивается, зачем? Я почти всю дорогу сидела на откидном стульчике в коридоре, у меня от сквозняка разламывалось все тело, но там хотя бы можно было дышать, а жалобный детский плач все равно не давал мне заснуть. А мой Ося, чтоб он был здоров, заснул на верхней полке и пропитался этими ароматами, как форменный ассенизатор. Куда бы мы потом ни заходили, люди начинали принюхиваться и подозрительно оглядывать нас.

В общем, я была счастлива, что заживо доехала до Москвы. Мы нашли медпункт на вокзале, сделали мне инсулин, перекусили и пошли брать такси. Сразу хочу сказать, что московские таксисты настоящие фармазоны! Даже у нас в Одессе, где таксисты тоже имеют пару копеек с того, что дурят приезжих, возят их длинной дорогой, нет такого бесстыдства. По крайней мере, их привозят, в конце концов, туда, куда они заказывали. А мы попросили таксиста привезти нас к австрийскому посольству, уплатили ему большие деньги, которые он захотел. И когда высадились, обнаружили, что он привез нас к немецкому посольству. Не знаю, может быть, для него это одно и то же. Мы были страшно возмущены и решили не дать этим подлецам обмануть нас опять. Начали обсуждать план действий. Я предложила Осе, чтобы он после приезда к посольству вышел из такси и прочитал вывеску, и только потом мы рассчитаемся с таксистом. Но этот вариант вызвал сомнение у всегда меланхоличного и вдруг ставшего подозрительным Осика.

— А если я выйду из машины, вдруг он рванет и увезет тебя?

— Какое он будет иметь удовольствие?! Зачем ему похищать такую "шикарную баришню" неполных 60-ти лет? — недоумевала я.

— При чем здесь удовольствие? Он же видит, что мы приезжие, понимает, что едем за границу, значит, с деньгами. Что тут непонятного?

Тогда я предложила усовершенствовать наш план.

— Когда мы подъезжаем к посольству, я громко говорю: "Ося, сынок, возьми все деньги, что у нас есть с собой, выйди и прочитай название посольства. А я посижу, подожду тебя в машине. Потом вернешься и рассчитаешься с шофером".

И представь себе, этот хитроумный план нам действительно помог! В посольстве мы, наконец-то, почувствовали себя людьми, такие там бы-

ли все вежливые, приветливые. Даже сами почему-то предложили нам пройти в туалет. Но тут оказалось, что для выдачи въездных документов нам нужно срочно сделать фотографии, чтобы до завтрашнего утреннего поезда в Одессу успеть забрать наши паспорта с визами. Дальше все опять пошло кувырком. Как найти срочное фото в Москве? Таксисты наверняка были в курсе, но бессовестно блюли свой интерес. Мы объездили на такси большое количество фотографий, но никто не соглашался сделать срочные снимки. Наконец один фотограф-еврей согласился нас выручить за большие деньги. Но что он нам вручил через час! Я тебе не покажу — мне тебя просто жалко! Наше счастье, что у меня усы меньше, чем у Оськи. Мы в жизни совсем разные, а на этих фотках только по усам и можно было различить, кого куда клеить! С трудом успели получить паспорта до закрытия посольства.

А дальше — такси на Киевский вокзал — опять делать инсулин и поесть. И опять поездка на место ночлега на такси. Казалось, наконец, попался человечный шофер — взял не очень крупную сумму, в отличие от всех остальных. Но на следующее утро нас провели к поезду хозяева квартиры, в которой мы ночевали. Так мы дошли пешком за двадцать минут даже с моим черепашьим темпом. Спрашивается, где эти проклятые таксисты нас возили и кружили, на сколько они нас нагрели? Ну, ничего, им это зачтется!

От всего этого я так расстроилась и от напряжения расклеилась. А тут еще медпункт на вокзале оказался закрыт с утра. Так и пришлось мне сесть в поезд, не сделав укола инсулина. Сперва думала, как-то дотяну сутки до Одессы. Но к вечеру стало невыносимо плохо. Соседка по купе обратилась к проводнице, та пошла к начальнику поезда. И вот по радио объявили, что в поезде, в седьмом вагоне, в третьем купе пожилая женщина с диабетом просит сделать укол инсулина. Через несколько минут пришел врач из соседнего вагона с одноразовым шприцем и сделал мне инсулин. Пусть Бог пошлет ему здоровья и долгих лет. Мы поели, и мне стало лучше.

Очень хотелось уснуть, но не тут-то было! Ты даже не представляешь, какие "отзивчивые" и сердобольные у нас граждане! Почти в течение всей ночи к нам в купе кто-нибудь стучался. Кажется, из всех семнадцати вагонов мне на помощь шли добрые люди. И не только медики, шли диабетики разных возрастов. Они присаживались возле меня, заботливо расспрашивали: сколько лет страдаю диабетом, какой обычно сахар, как питаюсь, какой выделяю объем мочи и т. д. Было много полезных советов. Некото-

рые приходили даже по два раза — удостовериться, что со мной все в порядке. В общем, не суждено мне было заснуть в эту ночь. Но я все равно благодарна всем людям за заботу и внимание, хотя чуть не околела от усталости".

Так закончила тетя Роза рассказ о своих московских злоключениях.

Следующим этапом подготовки к поездке в Вену были поиски подарков. Невероятно сложно представить, чем можно было удивить венских небожителей. Выход из этой ситуации подсказала по телефону невестка. "Здесь нет знаменитого ворованного одесского растворимого кофе, нет брынзы и тюльки с Привоза — и совершенно никаких семечек. Представляете, сколько времени я уже мучаюсь!"

И вот тетя Роза запаслась всеми этими дефицитами в довольно больших транзитных объемах. Особенно сильное впечатление произвел на недоумевающих таможенников увесистый мешочек с крупными черными семечками. Они пытались выборочно проверять их на предмет нахождения внутри бриллиантов! Тщетно...

И вот долгожданная встреча состоялась. Всемогущий Изя подготовил маме еще один сюрприз — он вызвал из Америки ее любимую сестру Маню. Сколько было эмоций, смеха, слез, рассказов, незабываемых впечатлений! Тетя Роза вернулась в Одессу через месяц, как из другой галактики. Помню ее помолодевшее лицо и блестящие глаза, когда она рассказывала о "той жизни" преимущественно с помощью восклицательных междометий.

Через несколько месяцев в Одессу прилетел Изя повидаться с отцом, который, наконец, искупил групповой "сахарный грех" и вернулся домой. Изя выглядел солидно и казался бесконечно довольным жизнью и собой. Но рассказчиком оказался неважным. Не уважал детали и подробности.

Особенно хорошо я поняла это, когда летом 2007 года приехала на два дня в Вену на экскурсию. От невероятной красоты этого города мы просто теряли дар речи, но это было временное шоковое состояние. Вокруг нас кружили под упоительные звуки вальса Штрауса фантастические дворцы Бельведер и Шенбрунн, потрясающий готический собор святого Штефана, изящный барочный собор Петра и Павла, оперный театр, сокровищница королевской династии Габсбургов и далее по бесконечному кругу. И вдруг я поймала себя на том, что представляю, как по этим роскошным кварталам медленно ходила моя незабываемая тетя Розочка двадцать лет назад. Я представила ее сияющие глаза и услышала: "Ну, те-

перь ты понимаешь, что нельзя передать словами всю эту красоту?! А ведь ты смеялась надо мной, когда я говорила тебе, что обязательно попадешь сюда". И сейчас же мои впечатления еще более усилились от ее восторга.

Она всегда живет в моем сердце, ее искренность и доброта бессмертны, как и ее кулинарные рецепты. Фаршированная рыба и куриные шейки, греческий соус, потрясающие битки из мелкой рыбки-сардельки в фирменном кляре, острая одесская икра из "синих " — это все у меня от нее. Когда мои гости спрашивают, кто научил меня готовить эту вкуснятину, я просто вижу торжествующее выражение на ее лице. Ведь мы с ней знаем главный секрет всех рецептов — чистые руки и добрые помыслы! Поэтому еда, приготовленная ею, всегда шла только на пользу, а подарки приходились впору и к месту. Я много лет выглядела стройной и обаятельной, когда с удовольствием надевала привезенные ею специально для меня джинсовую юбку и трикотажные рубашки.

Тогда, в середине 80-х годов, в доме моих одесских соседей разрабатывались планы воссоединения семьи. Но, к сожалению, им не суждено было сбыться. Вскоре муж тети Розы умер от инфаркта, и через очень короткое время она последовала за ним, имея уже полностью подготовленные документы на ПМЖ в США.

Незадолго до своего ухода она сообщила мне как бы в шутку, что вымолила для меня у Бога очень хорошего мужа. Вскоре жизнь доказала, что она вовсе не шутила, и я никогда не забываю об этом.

Нам выпала удивительная судьба, стали возможны путешествия практически в любые желанные места, невероятные прежде встречи. В венском кафе я увидела огромную телефонную книгу. И неожиданно легко нашла в ней фамилию, телефон и адрес Изи. Но на звонки никто не ответил. Иногда я повторяю попытки дозвониться из Израиля. Но в ответ молчание...

Тель-Авив

Роман ТОПИЛОВ

Я получил прозвище!

Соседка Жанна

Моя соседка Жанна, смуглая аппетитная болгарка лет тридцати, очень гордится своей принадлежностью к высшему сословию. Будучи широкой натурой, она просто не может не делиться своей гордостью и радостью с другими. Поэтому мне известно, какой замечательный муж у Жанны, какой потрясающий частный садик посещает их маленькая дочурка, как хороша и здорово обставлена их квартира и как безупречен ее автомобиль.

Однажды я был замечен своей соседкой за чаепитием в одном из летних баров в компании с симпатичной блондинкой. На следующий день с придыханием и оглядыванием по сторонам Жанна похвасталась мне, что у мужа Сережи тоже есть замечательная любовница, которая, между прочим, была даже слегка поколочена ею, чтоб знала свое место.

Прогулки с дворнягой

В связи с отъездом жены я каждое утро гуляю с нашей дворнягой Глашей в парке. Окружающие меня собачники, у которых на поводках важничают всякие там мастиффы, ротвейлеры и прочие породистые псы, надменно рассматривают нас, как будто мы только что упали с луны. А нам с Глашей весело, мы с радостью встречаем прохожих и обнюхиваем каждое дерево. Мне же радостно вдвойне. Я представляю себе, как погожим вечером буду ехать на своем купленном по случаю горбатом "Запорожце" мимо породистых "Мерсов", "Бентли" и "Ягуаров", и они будут шарахаться от меня, потому что кто его знает, что за дворняга может оказаться в этой странной машине?

Мечта

У всех моих партнеров есть мечта. Кто-то из них мечтает быстро заработать очередной миллион, кто-то думает о парламенте или о вилле на Средиземноморье. У некоторых мечта скромнее: дача, крутая тачка или квартира в престижном доме. Я долгое время жил без мечты и поэтому чувствовал себя неполноценным. Однажды я встретил совершенно счастливого человека. Это был бродяга. Он сидел на скамейке и радостно смот-

рел в голубое небо. И мне захотелось хотя бы недельку пожить вот так же, счастливо и беззаботно! Теперь и у меня есть мечта.

Циклоп

Теплым июньским вечером во время ужина в летнем ресторанчике я повстречал настоящего циклопа. Это был невероятно огромный чернокожий мужчина с непропорционально маленькой головкой и сбежавшими к переносице глазками. Циклоп двухметровым шагом направлялся в мою сторону, глаза у переносицы сверкали, а чуть ниже ноздрей (вместо носа виднелись только ноздри) торчали огромные желтые зубы. От неожиданности у меня с поднесенной ко рту вилки упала оливка и покатилась к ногам чудища. Циклоп остановился и долго разглядывал меня со своей недосягаемой высоты, а я буквально почувствовал, как в его маленькой головке рождалась мысль: "Ну что за дебилы живут в этой дыре?".

Ната

Она была чудо как хороша! Изящная точеная фигурка, скромная тинейджерская одежда, синие глаза и очаровательная улыбка. Меня сразили ее природная чистота, ум и непосредственность. В отличие от многих одесских девушек, Ната стеснялась принимать подарки и была избирательна в знакомствах. Мне было весело и интересно с Натой, потому что я, будучи в два раза старше, рядом с ней чувствовал себя просто мальчишкой.

Я не знаю, как давно Ната осознала свою власть над мужчинами, но однажды она стала пользоваться этой властью и сразу появились стильные, по последней моде одежды, поездки на острова и роскошная квартира. Только мне стало грустно, потому что Ната превратилась в обычную обеспеченную одесскую девушку. А я опять увидел себя пожилым и дряхлым.

Любовный треугольник

Одна моя знакомая очень хочет выйти замуж. И теперь у нее, наконец-то, появился жених, скромный парень, проживающий в Измаиле. Только ездить туда моей знакомой — ой как не хочется! Ведь здесь, в Одессе, у нее есть любимый человек, с которым сложились легкие романтические отно-

шения. Заковыка лишь в том, что человек этот женат, и поэтому совершенно бесперспективен.

Гораздо охотнее моя знакомая посещает Киев, где у нее есть еще один приятель, который, в отличие от первых двух, очень обеспечен и щедр. А что поделаешь, жить-то надо!

О, Бейби!

Мой давнишний приятель Боря, по прозвищу Бейби, слывет безнадежным пессимистом. Имея блестящее образование и острый ум, он подмечает в любом, даже самом замечательном событии, какую-нибудь обязательную гадость, и поэтому делиться радостью с Бейби категорически недопустимо. Наверное, если есть люди, видящие мир сквозь розовые очки, то должны быть и обладатели серых очков?

Как-то солнечным весенним утром в отличном настроении и расположении духа я любовался только что отреставрированным Шахским дворцом. Внезапное появление моего приятеля было для меня совершенно неожиданным. Увидев благостное выражение на моей физиономии, Бейби немедля сообщил, что сволочи реставраторы угробили дворец, что к вечеру пойдет дождь, и что я сильно пополнел со времени нашей последней встречи. "О, Бейби!" — выдохнул я, но настроение было уже испорчено.

Олигарх

Мне позвонили накануне. Вышколенный секретарский голос поинтересовался, не смогу ли я завтра пообедать с их шефом. Последний был известным одесским олигархом, и столь неформальная встреча сулила заманчивые перспективы хорошего заказа или интересного делового предложения. Выдержав небольшую паузу (звонившая сторона должна была понять, что заглядывают в ежедневник), я согласился.

Обед был назначен в дорогом и вычурном ресторане, где меня ждали приторно-услужливый мэтр и приготовленный по этому случаю столик. Олигарх был шумен, как гоголевский Ноздрев, сыпал шутками, заказывал невиданные мною яства и всячески старался произвести впечатление рубахи-парня. Однако дело оказалось не по моему профилю, и мой собеседник, не испробовав и половины из принесенных блюд, вдруг заторопился и, рассыпаясь в благодарностях, исчез.

Отваливая сумасшедшие деньги за обед, я наконец-то понял, почему мне никогда не удастся стать по-настоящему обеспеченным человеком.

Ностальгия

Бывший сосед мой по общаге пил политуру. Эту замечательную жидкость ценою 20 копеек за бутылку выбрасывали на продажу в магазине "Хозтовары" аккурат к концу месяца, когда до получки еще жить и жить, а все ликероводочные заведения могли предложить разве что портвейн по 90 копеек. Ну, кто ж такие деньжищи заплатит?!

Выпив, сосед становился задумчивым и, глядя в желтоватый листик отрывного календаря, сражал меня каким-нибудь вопросом из жизни полинезийцев, к которым относился с большой любовью. Понимая мою полную некомпетентность и неуважение к живущим в океане братьям по разуму, сосед снисходительно просвещал меня о царящих там полигамных нравах, за что неизменно просил одолжить 20 копеек до получки.

На работе, где в перерывах между перекурами приходилось что-то делать, я открывал справочник по математике на странице о полиномах и, глядя в него, сладострастно мечтал о таинственных островах и жаждущих любви полуобнаженных полинезийках.

Много лет спустя, когда все желания притупились, а поездка на любые острова стала банальным событием, я с тоской вспоминаю замечательные времена политуры, полигамии и любви к полинезийцам.

На златом крыльце

На популярном одесском перекрестке улиц Дерибасовской и Ришельевской я встретил Музю, однокашника по школе и лучшего скрипача нашей улицы, с которым не виделся лет двадцать с гаком.

Как и в былые времена, опрятно, но бедновато одетый Музя гордо вышагивал по тротуару. Однако вместо скрипичного футляра в руке у него находилась сверкающая полировкой трость с набалдашником в виде головы какого-то зверя. Раздираемый любопытством, я затащил Музю в ближайшую забегаловку выпить по чашечке кофе и поболтать.

Конечно же, речь зашла о соратниках по нашей школьной компашке, состоявшей из четырех сорванцов-мушкетеров. Увы, связь с бывшими друзьями по казенке и битью соседских стекол мною была совершенно утеряна.

Рассказ Музи меня ошеломил! Оказалось, что худосочный, болезненный и вечно сопливый Станя, не служивший в армии ни одного дня, ныне генерал-полковник! Это звание он получил, вступив в Черноморское казачество. Другой же наш приятель, меланхоличный Цейтля, стал действительным членом Академии оккультных наук. В завершение рассказа Музя выложил на стол свою визитку, где было написано:

Его сиятельство
Граф Де Балан Де Виалье
Граф Музычук Михаил Борисович
Командор Британского Приорства

Вот тогда-то я и вспомнил старую детскую считалочку "На златом крыльце сидели...", в которой для меня свободным осталось лишь место сапожника или портного.

Прозвище

"Интересным швыцаром" обозвала меня одна малознакомая девушка.

Я немедленно примерил это прозвище. Оно шло мне и замечательно сидело, как хорошо сшитый пиджак.

В детстве дедушка за мои украинизмы называл меня Макитрой. В школе же из-за размахивания руками при игре в футбол меня окрестили Курьими Лапами. Потом были короткие Топик и Ромео, а в армии за странную для всех любовь к классической музыке я назывался Шульбертом. Последнее, что запомнилось, — присвоенное хлестким Гуревичем, моим конкурентом по бизнесу, пессимистическое Страдающий Подлец.

Долгое время я жил без прозвищ, и потому походил на многочисленную серую массу обывателей. Теперь наконец-то я получил свежее прозвище, и радуюсь этому не меньше, чем мой приятель, купивший только что какую-то очень модную тряпку в магазине "Кокон".

Вредина

"Ну и вредничай на здоровье!" — выпалила моя подруга и ушла хлопнув дверью.

Да, я вредничаю! Не уверен, что на здоровье, но вредничаю. Раздраженный и злой, я бродил по городу, и даже коты, вздыбив шерсть, шарахались от меня в ближайшую подворотню. На работе, завидев мою насупленную рожу, персонал разбегался кто куда, а нечаянно встретив,

тут же начинал оправдываться, хотя никаких претензий еще не предъявлялось.

Моя партнерша по службе, якобы заболев, предпочла отлежаться дома, а ежели звонила, то таким елейным голосом, что у меня немедля возникала оскомина, как от недозрелого только что сорванного с дерева яблока.

Мое состояние, наверное, передалось природе, тут же похолодало, море вспучилось и заштормило, а в ничем не повинной Африке выпал снег. От всего этого моя мизантропия возросла троекратно, и вслед за приятельницей и другие знакомые, словно бабочки с первыми холодами, исчезли в никуда.

Даже родная собака Глаша заскулила и отказалась от пищи.

Хандра захлестнула меня насквозь, а злая изжога сопровождала мое низменное бытование в бестолковости и полной безалаберности. Окончательно потерявшись в причинно-следственных связях, парализованный гнусным диваном, я смотрел безотрывно в потолок и воображал себя героем удивительного рассказа Кафки "Превращение", который был прочитан в юности, но понят только сейчас...

Ирина ДЕНИСОВА

Идио-мы

От автора: Отчет о проделанной жизни

Самое непоследовательное создание, которое я когда-либо знала, – это я сама. Все время ищу мифическую золотую середину (уже не помню чего, – жизненного пути, наверное).

Но всегда ли середина золотая, если не все то золото, что блестит? И если наша жизнь – это дорога, шоссе, то блестит на нем срединная полоска, выкрашенная белым пунктиром. Наш полосатый путь.

А еще золото – это молчание. Стоит золотоискателю потерять в себе совсем немного, – всего две буквы, – как он превращается в золоискателя. Искателя черноты, исследователя пессимизма, певца страданий – поэта.

И все-таки в полоску жизнь или в клеточку – это еще вопрос. А может, она как шахматная доска? Люди с поэтическим даром – самые глупые и капризные дети: их ставят на светлое поле жизни (как шахматных слоников) – а они, вместо того чтобы двигаться по диагонали, берут ведро черной краски и льют себе под ноги, *идио-ты!*... Когда их передвигают на черное поле (не наказывая, а всего-навсего выполняя их пожелание), – они на весь мир орут, будто Он их покинул. Такие они, "люди с поэтическим даром", которых у меня никак не повернется язык назвать при жизни поэтами. Именно потому, что не умеют ходить в жизни по белым клеточкам, они так много твердят о любви и счастье. Я решила сосчитать собственные строфы об этом – и получилось вот что. Теперь надо с этим что-то делать...

И если странная, неуклюжая мысль, пришедшая вместе со мной к тебе в гости, нечаянно разобьет твои любимые представления, как за столом – чашку чая, прости ее. Она ведь еще ребенок. За чашку разбитую я заплачу – более близкой для тебя мыслью. В жизни за все надо платить.

А хочешь, подарю тебе новую чашку?

Стих-о-творении

Об аквариумной рыбешке, пересаженной в чашку

Гуппи, наконец-то, родила.
Маленьких, глазастых и веселых.
Крошечное тельце, как стрела,
Устремлялось в чашу новоселов.
Я могу добавить суффикс "-ка":
"чаша жизни" станет просто "чашка".
Чаша жизни, как ты велика!

Как ты беззащитна, неваляшка...
Я мальков три месяца ждала, —
маму отсадить не догадалась,
Оградить от суеты и зла, —
а потом неделю удивлялась
Чуду жизни: рыбка — родила!
...Просто я защиту создала.

Из словаря идиота:

"*Поэтос*" *в переводе с греческого* — "*творец*".
Вечно чего-нибудь натворит...

Разбитой банке

Прости меня, невинное стекло.
А можешь — и меня пойми, послушай.
Ты не одно разбитое ушло, —
Я ненароком разбивала души.
Я просто не могла сообразить,
Что после кипятка не надо лить
Холодную струю, как в лето зиму.
А люди, как стекло, необратимы.

"Да знаете ли вы, то вы — поэт,
И истинный поэт, мамашу вашу?"
Об этом мне твердит уже весь свет.
А я в ответ: а кто об этом спрашивал?

Счастья на свете нет.
Есть философия

Из идиотской записной книжки

"Сколько просьб у любимой всегда,
У разлюбленной просьб не бывает".
С неба с криком упала звезда.
И теперь бесконечно взлетает.

"Я женщина, и этим я права"?
А ты — "поэт, и этим интересен"?
Какие ж это старые слова,
Как мир сквозь них игрушечен и тесен!

"Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда",
Закрыли бы души наивной шторы
И не писали б больше никогда.
Когда б вы знали, из какого чувства
Растет сорняк на свалке бытия, —
Так беспощадно, беспросветно густо, —
То поняли б, зачем рифмую я.

Когда в бессонницу ты с Пушкиным в постели,
Стихи об этом страшно написать:
Пушкиноведы тщательно сумели
Любовниц до единой сосчитать!

Как бы словом воссоединить
Континенты, страны и народы,
Чтоб такую хитрую свободу
Не во вред, а в пользу обратить?

Когда у власти будут творческие люди,
Представить страшно даже, что на свете будет:
Как только творчество врывается во власть,
Не создает уже, а жаждет не упасть.

О цене нестандартных личностей

Дешевый овощ продается.
"Он горький?" — "Просто нестандарт".
И слышу, как судьба смеется:
"Ты — нестандарт! Какой азарт!"

Стандарт в какой-то мере должен быть,
Чтоб не обидеть ближних ненароком.

Я отрицала общее до срока.
Но... если продолжаешь их любить?

Не бери тяжелого в руки или в голову
И не путай с золотом серебро и олово.
Впрочем, оловянное — стойкое, хоть странное:
Плавится, ломается — а не обижается!

Скажи мне, кто твой друг, — и я скажу, кто ты.
Скажи мне, что ты ешь, — я тоже угадаю.
А у меня друзья — деревья и цветы.
Сказать, что я их ем...
Они меня питают.

"Ближе к телу"... Как будто юмор,
Но антоним "коснуться души".
Неужель безнадежно умер
Робкий трепет, когда "не дыши",
Не спеши, затаив дыханье,
Смять траву и сорвать цветок;
Будь не к телу, а к мирозданью
ближе, чувствуя жизни ток.

Небо разродилось каплепадом
После пыльных ветреных потуг.
Значит, скоро солнца выйдет круг.
А поплакать небу тоже надо.

Человек обрастает вещами,
будто пень или дерево мхом.
Мы придумали правила сами,
Объявив мир безумным потом.
Извратили весь смысл перегноя,
Вековые законы поправ.
Не гоняйся, природа, за мною:
человек изначально неправ.

Из словаря идиота:

"*Поэтесса — женщина трудного поведения*"

Трудно не мечтать зимой о лете.
Но мечтать порой еще трудней.
Трудно видеть женщину в поэте.
Но трудней ее не видеть в ней.

Статистика апогея

В самых отчаянных тупиках жизни
у нее вдруг открывались второе дыхание,
третий глаз, четвертое измерение,
находился пятый угол, появлялось шестое чувство
и приближалось седьмое небо. В такие минуты она
являла собой восьмое чудо света, брызгала девятым
валом эмоций и искренне недоумевала, почему недруги
обходят ее десятой дорогой.

Из идиотских советов

Все тайное души сожги в ночной тиши.
"Иди — и не греши"?
Греши. Но не пиши.

Не верь, не верь мужским словам: "Ах, как ты, *бедная*, *богата*".
Они, как и Адам когда-то, лишь льстят, подлаживаясь к нам.
Простить их можно за одно: не понимают, что городят.
Они *любя* нас за нос водят, — уж так по жизни суждено.

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Диалог защитника с беззащитным
Поиски жанра

В помещение для допросов в СИЗО вталкивают пожилого очкарика. Дверь закрывается.

ОЧКАРИК (*кричит и стучит в дверь*). Это произвол! На каком основании меня задержали? Я требую адвоката! Требую адвоката!

Дверь открывается. В помещение входит Адвокат индифферентного вида. Он смотрит невидящим взглядом.

АДВОКАТ. Кто здесь звал адвоката?

ОЧКАРИК. Что значит кто? Тут что, есть варианты? Вы что, слепой?

АДВОКАТ. Вы что-то путаете. Слепая у нас Фемида... А вот адвокатура у нас как раз очень даже зрячая. Кстати, я еще не знаю, возьмусь ли за ваше дело... Знаете такую поговорку: "С сильным не дерись, с богатым не судись"?

ОЧКАРИК. Ха! Так я как раз богатый.

АДВОКАТ. Вот как? Считайте, что вы уже с адвокатом.

Они жмут руки. Адвокат подходит к двери, стучит, сообщает открывшему дверь милиционеру: "Передайте, что я его беру", — и возвращается.

АДВОКАТ (*устало вздыхает*). Рассказывайте.

ОЧКАРИК. Понимаете, мой сосед, он вот такой громила, меня обворовал, да еще и применил ко мне методы физического воздействия... Это просто грабеж!

АДВОКАТ (*перебивает*). Ха! То есть по нашей поговорке выходит, что он как раз сильный. Но зато вы-то как раз богатый! Ха-ха!

ОЧКАРИК. Да. Кстати, давайте знакомиться, Богатый Сергей Ильич, учитель биологии.

АДВОКАТ. Опа... Так вот какой вы богатый... Черт, а я уже сказал, что беру ваше дело... А какой гонорар вы можете предложить?

ОЧКАРИК. Ну... Рублей пятьсот хватит?

АДВОКАТ. Да, вы правы. Это грабеж... Ка-ра-ул! (*Берется за голову.*)

ОЧКАРИК. Хуже! Представляете, мой сосед все время у меня ворует с балкона продукты. У нас балконы рядом. А когда я ему смело заявил, что мне это кажется не совсем этичным, он нанес мне удар но-

гой в э-э... в область паха... Можно сказать, прямо э-э... в середину этой области.

АДВОКАТ. Можно сказать, в областной центр.

ОЧКАРИК. Да!.. Я, конечно, вызвал милицию. Но когда приехали товарищи из милиции, то они забрали не его, а меня.

АДВОКАТ. Почему вас?

ОЧКАРИК. Потому что это оказались не просто товарищи из милиции, а товарищи моего соседа из милиции... Ну, что вы на это скажете, а?

АДВОКАТ. Что я скажу? Я скажу пять тысяч. Это минимум!

ОЧКАРИК. Ну ладно. Пять тысяч рублей я соберу.

АДВОКАТ. Вы шутите? Пять тысяч долларов.

ОЧКАРИК. Каких еще долларов?! Я же обычный учитель! И потом, я недавно дорогущий ремонт сделал, понимаете? Жена потребовала — только евроремонт! А я сдуру: хочешь евро — будет тебе евро!

АДВОКАТ. Ладно, намек понял... Не хотите в долларах — можно и в евро...

ОЧКАРИК. Нет уж! Тогда лучше в долларах... Да за что мне все это! Послушайте, но ведь я же ни в чем не виноват, почему я должен платить? Да еще такие деньжищи. Я обращусь на телевидение! Пусть снимут репортаж!

АДВОКАТ. О чем?

ОЧКАРИК. О том, что у нас все покупается и продается!

АДВОКАТ. Ничего у вас не получится. Заказной репортаж очень дорого стоит.

ОЧКАРИК. А я найду неподкупного репортера!

АДВОКАТ. Тем более не получится. Неподкупный репортер стоит еще дороже.

ОЧКАРИК. А что же мне делать?

АДВОКАТ. Соглашаться. Значит, договорились? Пять тысяч. (*Тот безутешно кивает.*) Но запомните. Когда вас вызовет следователь, вот тогда ни с чем не соглашайтесь. Сразу "нет" — и все!.. (*Ободряюще треплет его за плечо.*) Верю в вашу порядочность.

ОЧКАРИК. Спасибо. Я действительно очень порядочный человек.

АДВОКАТ. И самое главное. Следователь может тонко намекать, что надо его заинтересовать. Ну, скажет типа дай четыре тысячи — я тебя сразу выпущу и всего делов... Так вот: ни копейки ему! Ясно?

ОЧКАРИК. Ясно. Потому что, если я ему дам, то меня посадят за взятку?

АДВОКАТ (*сокрушенно качает головой*). Потому что порядочные люди так не поступают. Какой следователь, какие четыре тысячи?! Мы же с вами уже договорились на пять!

ОЧКАРИК. За что, за что мне все это! В этом году я уже второй раз попал в милицию.

АДВОКАТ. А-а... Так вы, оказывается, рецидивист! А в чем было дело?

ОЧКАРИК. Зимой я переходил перекресток и сбил джип.

АДВОКАТ. То есть вас сбил джип.

ОЧКАРИК. Нет. Именно я сбил джип. В протоколе именно так было записано.

АДВОКАТ. И чем дело кончилось?

ОЧКАРИК. Спасло только то, что у меня были смягчающие обстоятельства.

АДВОКАТ. Да? И какие?

ОЧКАРИК. Я был в тулупе. Он смягчил удар, и джип не пострадал.

АДВОКАТ. Ну хорошо, время — деньги, давайте к вашему делу. Скажите, почему ваш сосед ворует именно у вас? Вы дружили, вместе выпивали, да?

ОЧКАРИК. С ним? Никогда!

АДВОКАТ. Адвокату, как врачу, надо говорить правду. Ну, признавайтесь, что у вас общего?

ОЧКАРИК. Да ничего у меня с этим типом общего нет! (*Задумывается.*) Ну, кроме...

АДВОКАТ. О! Ну-ну!

ОЧКАРИК. Кроме туалета и кухни. Мы с ним в одной коммуналке живем...

АДВОКАТ. В коммуналке? Ясно. До чего я докатился...

ОЧКАРИК. До чего мы все докатились!.. Учителя, человека благороднейшей профессии, ветерана школы — делают преступником! Это все результат современного телевидения, кино, всей этой масс-культуры, этой бездуховности...

АДВОКАТ. Да ладно вам... Не нервничайте так!

ОЧКАРИК. Нет! Я не успокоюсь, пока не выясню, откуда это все начинается!

АДВОКАТ. Что тут выяснять? Это все начинается со школы... Кстати, откуда вы на евроремонт деньги взяли?

ОЧКАРИК. Какие деньги?! Что вы?! (*Стыдливо бормочет.*) Это мне

родители одного ученика по очень льготной цене, почти бесплатно... (*Вздыхает, потом громко.*) А что делать?! (*Закрывает лицо.*)

АДВОКАТ. Да ладно, не раскисайте, возьмите себя в руки. Вы пока соберите все свое мужество. И деньги соберите... Все свои. И чужие одолжите. Так победим!

ОЧКАРИК. Но вы поняли, что мой сосед хорошо знает того милиционера? И он ему на суде поможет.

АДВОКАТ. Не поможет.

ОЧКАРИК. Вы уверены?

АДВОКАТ. На суде, дружок, всегда торжествует правда!.. У знающего адвоката. Пусть кто-то хорошо знает милиционера. Зато адвокат хорошо знает судью!.. Я пойду.

ОЧКАРИК. Да за что мне все это! Откуда, откуда только берутся такие люди?

АДВОКАТ. Оттуда. (*Выходя.*) Вы все время спрашиваете, за что вам все это? Неужели вы сами не понимаете? За евроремонт... (*Дверь закрывается.*)

Лестница и Вечность

Сергей ГЕВЕЛЮК
Лестницы старой Одессы. Фотоальбом
Одесса, "Пальмира", 2008

В мировом искусстве образ лестницы имеет давнюю историю, истоки которой — в мифологии древних народов и в Библии. Словарь символов так трактует лестницу:

"Означает переход от одного плана бытия к другому, прорыв на другой онтологический уровень, сообщение Земли с Небесами в обоих направлениях: восхождение человека и нисхождение божества. Соответственно, лестница имеет значение мировой оси, что, в свою очередь, связывает ее с Космическим Древом и столбом.

Кроме того, лестница олицетворяет доступ к реальности, абсолюту, к трансцендентному, переход от нереального к реальному, от тьмы к свету, от смерти к бессмертию. Этот переход есть также путь в другой мир через смерть. Лестница делает Небо доступным, но она может быть и убрана.

Первоначально лестница существовала в раю, и между Богом и человеком была непрерывная связь, но с грехопадением она была утеряна... У евреев лестница — средство общения Господа с человеком, посредством ангелов. В христианстве лестница является символом страданий Христа, а также Иакова и святого Бенедикта. У японцев лестница — атрибут бога грозы, олицетворяющее средство сообщения между Небом и Землей..."

Фотохудожник Сергей Гевелюк не обращается к философским символам. Его задача, на первый взгляд, намного скромнее. Он стремится обратить внимание зрителей на великолепие лестниц как важнейших составляющих архитектурных шедевров одесских зодчих, на изысканную красоту отдельных лестничных маршей и лестничных пролетов в зданиях, являющихся памятниками архитектуры и градостроения. В этих работах, с одной стороны, преклонение перед мастерами прошлого, с другой — тревога за судьбу их творений. Тревога за то, что из-за халатного, бездушного отношения к этому богатству памятники могут разрушиться и навсегда исчезнуть, а еще — могут быть изуродованы в угоду нуворишам. В этом высокий гражданский пафос работ Гевелюка.

Ступени — путь к восхождению и спуск вниз. Восхождение — закон жизни, определяющий смысл бытия. Поднимаясь выше, мы обретаем более широкий обзор, более зримое представление о своем прошлом, настоящем и будущем. Чем глубже мы размышляем, тем очевиднее становится связь между разными временами, разрывать которую — преступно. Красота, созданная вчера, принадлежит завтрашнему дню. Как сохранить ее сегодня — задача, которую решать нашему поколению. И сделать это надо не формально, а с душой, с осознанием своей ответственности перед нашими детьми и внуками. К этому призывает нас фотохудожник Сергей Гевелюк.

Под сенью дружных муз

К своему тридцатилетию Одесский литературный музей выпустил сборник научных статей и публикаций "Дом князя Гагарина". Это уже четвертый выпуск трудов, подготовленных сотрудниками Литмузея. Первые три отличали разнообразие тематики статей и публикаций и строго научный подход в освещении событий литературной жизни Одессы в разные исторические эпохи. Скажем сразу: четвертый выпуск подготовлен со столь же высокой мерой ответственности.

Музейные научные сборники, как правило, содержат материалы, подробно освещающие раритеты фондов. В предисловии к сборнику директор музея Т. Липтуга четко сформулировала задачу, которую ставил перед собой авторский коллектив: "раскрытие и доведение до широкой научной общественности редчайших документов, поступающих в фонды музея, результатов научно-исследовательской работы с этими документами".

Четвертый выпуск "Дома князя Гагарина" открывается статьей Г. Семыкиной, посвященной рукописному журналу воспитанников одесского Ришельевского лицея "Ареопаг", и публикацией части первой номера первого за 1828 год. Автор подробно повествует об особенностях учебного заведения, второго в Российской империи после Царскосельского лицея в Петербурге, из стен которого вышли высокообразованные люди, сыгравшие выдающуюся роль не только в развитии нашего города и всего Причерноморского края, но и всей страны. Автор подробно останавливается на системе обучения в лицее, в частности, на гуманитарной направленности образования. Открытый в 1818 году, одесский Ришельевский лицей стал центром литературной жизни города. Имена писателей, посещавших его, составили бы длинный список. Не раз его порог переступал Пушкин, рассчитывал преподавать в нем Мицкевич. Общались

с лицеистами и их наставниками Жуковской, Надеждин, Погодин, Полонский, Свиньин...

Естественно, что в стенах лицея обсуждались книжные новинки, шли дискуссии по вопросам литературы, и сами лицеисты пробовали перо. Это и привело к созданию рукописного журнала, который глубоко отражает духовные устремления лицеистов, их вкусы, их творческие возможности. Г. Семыкина с беспристрастностью, но с глубоким знанием исследователя проводит нас по страницам "Ареопага", подчеркивая, насколько широкими и разнообразными были духовные интересы одесских лицеистов. А подтверждением этому служит публикация фрагментов "Ареопага".

Совсем недавно в Украине и во многих странах мира отмечали 150-летие со дня рождения Ивана Франко, гениального украинского поэта, прозаика, драматурга, публициста, общественного деятеля. По прошествии многих лет в уникальной значимости его наследия никто не сомневается. Тем более интересно узнать, как воспринимали деятельность Франко его современники. Во многом ответ на этот вопрос дает статья М. Давыдовой "Новые находки о том, как отмечался 25-летний юбилей И. Франко". Исследовательница много лет посвятила изучению жизни и творчества великого поэта. Статья содержит множество уникальных фактов, свидетельствующих об отношении современников к Ивану Франко. Можно только восхищаться нравственной позицией прогрессивной украинской интеллигенции, которая, вопреки цензуре и политическим гонениям, высоко несла знамя демократических идей и поддерживала поэта, в творчестве которого эти идеи нашли достойное воплощение.

В конце XIX — начале XX столетия Одесса, безусловно, была одним из мощных духовных центров, притягивающих к себе деятелей украинской культуры. Немалую роль в этом сыграл известный критик, фольклорист, просветитель Михаил Комаров. О наследии этого деятеля и судьбе и подвижничестве его сына Богдана Комарова повествует Г. Закипная в статье "Духовный наследник". Кроме того, в сборнике опубликованы воспоминания Богдана Михайловича "Мои университеты" и уникальные фотографии семьи Комаровых.

Большой интерес представляет исследование А. Божко "Одесские сатирические и юмористические издания второй половины XIX — начала XX века". На основе интереснейших фактов автор размышляет о культуре одесского юмора, ставшей благодатной почвой для выдающихся авторов — Ильфа, Петрова, Дорошевича, Тэффи и нескольких поколений одесских фельетонистов.

Публикация писем П. Нилуса Е. Буковецкому, автором и комментатором которой является В. Абрамов, с одной стороны, раскрывает перед нами личность выдающегося художника и одаренного писателя, который был связан знакомством с Чеховым, Репиным, Горьким, Буниным, Куприным, Юшкевичем, с другой — знакомит с художественной жизнью начала прошлого столетия. Привлекают размышления Нилуса о современном изобразительном искусстве, датированные ноябрем 1917 года: "Мое теперешнее настроение — это искание яркой краски, широкой линии, и в этом смысле новые художники мне по душе. Живопись должна сиять, притягивать цветом, — если этого нет — то это ересь — нельзя писать красками бесцветно. И потом, всякое желание приблизиться к натуре или вообще выразительности тысячами черточек и мазочков, и вообще подробности, не выдерживают критики... Картины надо писать так же, как пишется эскиз, только тогда в руках мастера остается чувство свободы...".

Открытие молодого Семена Кирсанова — публикация стихов совсем молодого поэта и содержательный комментарий к ним А. Яворской. Исследование С.А. Башкатовой "Одесса — и горечь, и любовь, и встречи (Саша Красный)" воскрешает давно забытое имя поэта, журналиста, актера, куплетиста Александра Брянского, 125-летие со дня рождения которого отмечалось в прошлом году. Думаю, у читателя вызовет интерес "История одного "жуткого автографа" (Владимир Жаботинский и Андрей Седых)" — о связях двух писателей.

"Дневниковые записи Василия Сухомлина" (публикация и комментарии А. Полторацкой) и "Записки Адриана Оржеховского 1941-1944 гг." (публикация и комментарии Л. Мельниченко) открывают завесы времен, которые только недавно стали получать объективную историческую оценку. Поскольку они носят глубоко личный характер, то интересны еще и тем, что раскрывают характер и мировоззрение их авторов, людей поистине неординарных...

Завершается сборник статьей Т. Заярной "Останні вірші "Останньої книги", посвященной творчеству выдающегося украинского поэта, нашего земляка Бориса Нечерды, и публикацией стихов Бориса.

"Ми живемо в узагальненому часі,
в якому злились і водночас діють
Мазепа з Петром, Кафка, трохи
Шекспіра на застіллі у Єльцина,
мої внуки і чорти його батька
хто..."

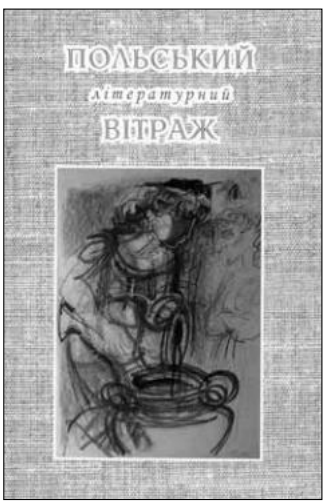
По-моему, точнее не скажешь...

Роман БРОДАВКО

А он — Мастер!

Анатолій ГЛУЩАК
Ковчег надії. Вибрані поезії, переклади
Одесса, Печатный дом, Фаворит, 2007

Анатолій ГЛУЩАК
Польський літературний вітраж
Одесса, Маяк, 2007

Две книжки вышли у поэта и переводчика Анатолия Глущака в самом конце 2007 — начале 2008 года. Для "избранных стихов" автор отобрал стихи из своих книг почти за сорок лет, да и переводами польской поэзии он занимается давно и успешно.

Что меня привлекает в стихах и переводах А. Глущака — математическая точность построения текста, которая сочетается с поэтической свободой волеизъявления, живописность образов, а если обобщить — настоящий профессионализм.

Вспомнил, что когда-то усатый вождь спрашивал Бориса Пастернака об Осипе Мандельштаме: "А он Мастер?". Так вот, Анатолий Глущак — мастер, и он это доказал многими годами работы.

Не могу не привести начало одного из стихотворений, написанных в 2007 году: "Я живу без поблажок / Без чиновних опік / І лихварського стажу — / З року в рік. / Рік — за рік". Кажется, эти слова, как и многие другие в "Ковчеге надежды", могут быть девизом настоящего поэта.

Несколько слов об антологии польской поэзии. Нужно быть благодарным переводчику, а здесь А. Глущак выступает и как исследователь, за верность польской поэзии, глубокое понимание ее и стремление познакомить нас с ее врешинами. Конечно, многое еще остается вне этой книги. Как хотелось бы услышать голоса Марии Павликовской-Ясиновской, которую критика назвала "польской Ахматовой", Рафала Воячика, покон-

чившего с собой в 1971 году, в 26 лет, ставшего культовой фигурой для молодых поляков! Но это пожелания на будущее. А сегодня можно поздравить автора книги с большим, значительным корпусом переводов, выполненных отменно.

Одесский детектив

Инна ШТЕЙН
Возвращение генерала
Одесса, Optimum, 2008

Можно ли что-либо новое написать об оккупации Одессы румынскими и немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, о трагической судьбе евреев, оставшихся в оккупированном городе?

Областным архивом изданы документы, историками, краеведами собраны и опубликованы воспоминания людей, свидетелей преступлений фашистов. И все же и в наши дни можно прочитать, что оккупационный режим в "румынской" Одессе был много легче, чем там, где хозяйничали немецкие фашисты. А ряд авторов пытается убедить читателей, что после советского правления режим Антонеску принес городу благоденствие... Стыдно читать такие статьи, книги, но они существуют, и противопоставить им нужно не столько статистику, она действует на разум, а не на сердце, сколько настоящую литературу. Не забудем, что в старой России именно литература, — не философия, не история, — а литература была учителем нравственности общества.

Обо всем этом думал я, прочитав новую книгу Инны Штейн "Возвращение генерала". Для тех, кто пока не знаком с автором: Инна Штейн — сотрудница библиотеки имени Горького, автор многочисленных статей, посвященных истории науки, и библиографических исследований. Но это лишь один аспект ее творчества, она талантливый прозаик, и "Возвращение генерала" — третья книга ее художественной прозы.

Для того чтобы обострить сюжет, сделать книгу привлекательной для самой широкой аудитории, Инна Штейн строит свой роман как детектив. Но, поверьте, не приключенческая канва — главное в этой книге. Завора-

чившего с собой в 1971 году, в 26 лет, ставшего культовой фигурой для молодых поляков! Но это пожелания на будущее. А сегодня можно поздравить автора книги с большим, значительным корпусом переводов, выполненных отменно.

Одесский детектив

Инна ШТЕЙН
Возвращение генерала
Одесса, Optimum, 2008

Можно ли что-либо новое написать об оккупации Одессы румынскими и немецкими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, о трагической судьбе евреев, оставшихся в оккупированном городе?

Областным архивом изданы документы, историками, краеведами собраны и опубликованы воспоминания людей, свидетелей преступлений фашистов. И все же и в наши дни можно прочитать, что оккупационный режим в "румынской" Одессе был много легче, чем там, где хозяйничали немецкие фашисты. А ряд авторов пытается убедить читателей, что после советского правления режим Антонеску принес городу благоденствие... Стыдно читать такие статьи, книги, но они существуют, и противопоставить им нужно не столько статистику, она действует на разум, а не на сердце, сколько настоящую литературу. Не забудем, что в старой России именно литература, — не философия, не история, — а литература была учителем нравственности общества.

Обо всем этом думал я, прочитав новую книгу Инны Штейн "Возвращение генерала". Для тех, кто пока не знаком с автором: Инна Штейн — сотрудница библиотеки имени Горького, автор многочисленных статей, посвященных истории науки, и библиографических исследований. Но это лишь один аспект ее творчества, она талантливый прозаик, и "Возвращение генерала" — третья книга ее художественной прозы.

Для того чтобы обострить сюжет, сделать книгу привлекательной для самой широкой аудитории, Инна Штейн строит свой роман как детектив. Но, поверьте, не приключенческая канва — главное в этой книге. Завора-

живает любовь автора к Одессе, тонкое знание психологии героев, чьи судьбы прослежены не только в настоящем времени, но и в прошедшем — в дни оккупации Одессы.

Те, кто прочтет этот роман, кто ощутит кожей, каково было еврейской семье прятаться и перепрятываться в русских семьях Слободки, превращенной фашистами в гетто, думаю, уже не зададутся вопросом, где лучше жилось в годы оккупации — в немецком Львове или в румынской Одессе. И не только евреям, а всем, у кого не уснула совесть.

Как нечеловечески страшна картина исхода людей с насиженных мест — в гетто. Это босховские видения, вдруг ожившие в двадцатом веке. И это не сон, не вымысел, а жуткая быль о времени, которое перед людьми всех национальностей поставило вопрос — с кем они, с нечистью? Или — вопреки биологическому закону о сохранении собственной жизни, противопоставили злу веру в добро, человеколюбие.

Книга Инны Штейн, как и многие другие книги сейчас, издана маленьким тиражом. Но мне хотелось бы, чтобы ее прочитало как можно больше одесситов. И потому, что эта книга талантливой писательницы, с любовью рассказывающей о нашем городе, и потому, что она, как говорили в старину, лечит нравы.

И Дон Жуан, и Сирано…

Александр КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Новые витражи
Одесса, ВМВ, 2008

Больше шестидесяти новых стихотворений отделяют вторую книгу Александра Краснопольского от нынешней, третьей.

Хожу и, улыбаясь, повторяю его строки из второй книги:

"Отныне стал в одном лице я
И Дон Жуан, и Сирано..."

Очень искренне. Как и все в этой книге. Но я — будь мне позволено — добавил бы: и Дон Кихот, и Гамлет, и д'Артаньян... И дело не в том, что артисту легко надевать на себя любые маски, думаю, главное то, что человек культуры остается носителем ее вековых символов в любом виде твор-

живает любовь автора к Одессе, тонкое знание психологии героев, чьи судьбы прослежены не только в настоящем времени, но и в прошедшем — в дни оккупации Одессы.

Те, кто прочтет этот роман, кто ощутит кожей, каково было еврейской семье прятаться и перепрятываться в русских семьях Слободки, превращенной фашистами в гетто, думаю, уже не зададутся вопросом, где лучше жилось в годы оккупации — в немецком Львове или в румынской Одессе. И не только евреям, а всем, у кого не уснула совесть.

Как нечеловечески страшна картина исхода людей с насиженных мест — в гетто. Это босховские видения, вдруг ожившие в двадцатом веке. И это не сон, не вымысел, а жуткая быль о времени, которое перед людьми всех национальностей поставило вопрос — с кем они, с нечистью? Или — вопреки биологическому закону о сохранении собственной жизни, противопоставили злу веру в добро, человеколюбие.

Книга Инны Штейн, как и многие другие книги сейчас, издана маленьким тиражом. Но мне хотелось бы, чтобы ее прочитало как можно больше одесситов. И потому, что эта книга талантливой писательницы, с любовью рассказывающей о нашем городе, и потому, что она, как говорили в старину, лечит нравы.

И Дон Жуан, и Сирано…

Александр КРАСНОПОЛЬСКИЙ
Новые витражи
Одесса, ВМВ, 2008

Больше шестидесяти новых стихотворений отделяют вторую книгу Александра Краснопольского от нынешней, третьей.

Хожу и, улыбаясь, повторяю его строки из второй книги:

"Отныне стал в одном лице я
И Дон Жуан, и Сирано..."

Очень искренне. Как и все в этой книге. Но я — будь мне позволено — добавил бы: и Дон Кихот, и Гамлет, и д'Артаньян... И дело не в том, что артисту легко надевать на себя любые маски, думаю, главное то, что человек культуры остается носителем ее вековых символов в любом виде твор-

чества. А стихи — это один из общечеловеческих языков, на котором так свободно и мудро размышляет и Александр Краснопольский, и его герои.

А думать, мыслить, слава Богу, есть о чем. И автор искренне признается: "Бессмысленность рождает скуку, безвыходность рождает грусть...". Поняв это, он находит возможность иронией, смехом защитить себя и своих близких и от бессмысленности, и от безвыходности.

И тут, как точка опоры для Архимеда, возникает слово, которое и дает удержаться боли и радости на плаву. Это слово *Одесса*. Не та, что в Техасе, не та, что в Канаде, а прародительница всех Одесс — город на Черном море. И теперь стихи уже могут быть о Нью-Йорке, о Манхеттене, — в них есть одесская закваска, верность юности, нежность юности.

Я не случайно употребил это слово: *нежность*. Каким бы мужественным, плейбоистым ни хотел казаться автор и его лирический герой — нежность, голубятни Молдаванки, юношеская любовь — это с ним навсегда. Было. Есть. И останется.

О художнике найдены очень точные слова: "Мыслит цветом и чувствует светом".

А разве ироничнее скажешь об эротике: "У нее был знатный род (рот), У него наоборот!"?

И вот это уменье быть саркастичным, но и изящным, брутальным, но и сердечным, — выделяет эти стихи из очень многих других, написанных в нашем XXI веке.

И Дон Кихот, и Дон Жуан... Это не его роли, это его характер. И обязан он многогранности своего дарования, своей музы, и Одессе, и народу, который заложил в нем гены жизнестойкости и жизнелюбия, и всему миру, потому что Вселенную он ощущает своей родиной, точнее, родиной своих стихов, своих героев.

P. S. Почти ничего не изменяя, я перепечатываю свою статью ко второй книге — в третьей.

Нет, не потому что ничего не изменилось в творческом почерке автора. Осталось все лучшее, что было. Но опыт жизни придал книге большую мудрость, уже нет ностальгических стихов, есть стихи действия — словом можно победить отчаяние, можно приворожить любовь, можно оставить в наследство духовное богатство.

Зрелость человека и зрелость поэзии не мешают автору оставаться романтиком, жизнелюбом, человеком театра, карнавала, маскарада, где все лики, все маски могут прикрыть лицо, но не могут заменить личность.

Из жизни женщины

Арсения ВЕЛИКАЯ
Острова любви
Одесская городская типография, 2008

О чем книга? О жизни, о жизни, о чем же еще повествуют несколько рассказов и небольшая повесть, дополняющие друг друга, перетекающие друг в друга?

Сюжеты, изложенные не слишком уверенным пером неискушенного автора, как раз и могут подкупить отзывчивого читателя этой простодушной исповедью героини обо всех зигзагах, поворотах судьбы современной женщины.

Прошло чуть более двух десятков лет с воскрешенных в памяти героини восьмидесятых, а кажется, что прошли если не века, то многие десятилетия. Становление, обретение себя, выработка характера молодой девушки провинциального происхождения, окончившей вуз и оставшейся "на заячьих правах" в большом городе в незавидном статусе лаборантки, обладающей "койко-местом" в общежитии, — сколько женщин, ныне успешных, уверенных в себе, так же начинали восхождение к успеху, о котором тогда и мечтать не смели!

Действительно, могла ли скромная лаборантка, потратившая последние три рубля на журнал "Огонек", проданный ей из-под прилавка, и отказавшая себе в кусочке колбасы, который на оставшиеся двадцать копеек в кошельке было не купить, могла ли она мечтать, представить тогда отдых в Анталье вместо поездки в набитом городском транспорте — возможность останавливать такси, а потом и на своей машине останавливаться в кафе на автобане, не говоря уже о ресторанах?..

Довольно распространенный вариант судьбы. Хоть, признаюсь, какие-то эпизоды не могли не вызвать сердечного отклика.

И все же эти литературные опыты — не столько о продвижении к успеху, к карьере, сколько о затаенном и сокровенном. О женщине и мужчине, об их отношениях, о притяжении и отталкивании, и снова неистребимой тяге друг к другу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Елена ПОЛЕВЩИКОВА
"A Monsieur le Duc de Richelieu en Quarantaine" 6

Норма МАНН
Похищенная смерть 12

Олег СИВИРИН
Забытые и неизвестные 29

Олег ГУБАРЬ
Какие скульптуры украшали Старую биржу? 57

В. РИБАЛКА
Досвід геніального теоретика 61

Вадим ЛИСЕНКО
Архитектор Андрей Онисимович Лисенко 65

Вера ЗУБАРЕВА
"Дни, которых уже не вернешь": любовь и война 78

Владимир КАТКЕВИЧ
Одесский след в Приэльбрусье 97

ПРОЗА

АВТОИНТЕРВЬЮ
Михаил ЖВАНЕЦКИЙ
"Если обещал — жди!" 112

Иван БУНИН
У И.А. Бунина 115

Роман БРОДАВКО
Две монопьесы 118

Александра НЕСТЕРОВА
Орфей и Клара 130

Анатолий КОНТУШ
Три фрагмента 133

Марк ГИРШИН
Родословная и краткое жизнеописание гражданина М. М. 138

Владимир ЕФИМЕНКО
Волшебник 144

Лена КУТИНОВА
Два файла 150

Раф АЙЗЕНШТАДТ
Сука-любовь 158

ПОЭЗИЯ

Константин ИЛЬНИЦКИЙ
Как завою… 163

Марина ЛАЗАРЕВА
Домашние беседы в стихах 171

Фернанду ПЕССОА
Сонеты 181
Перевод Георгия ПИЛИПЕНКО

Инга КОВАЛЬЧУК
Я ухожу, я так решила! 188

ГОСТЬ ОДЕССЫ
Игорь Губерман: "Везде долги: мужской, супружеский…" 190

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Виталий АБРАМОВ
В. Кандинский среди других мастеров "утраченного" авангарда 194

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
Возвращение "Риты" 203

Тетяна БАСАНЕЦЬ
Мовою офорту 213

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"Судьба — это не то, что предначертано, это то, что ты сам выбираешь" 215

ПУБЛИКАЦИИ

Проф. В.П. Снежков
Краткая история Художественного общества имени Кириака Константиновича Костанди 218
Публикация Ольги ТАНГЯН

Кто вы, Серафим Лось? 235
Андрей СОБОЛЬ
Два рассказа 237
Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Силуэты прошлого 248

АХ, ОДЕССА

Наум БЕЛОГ
Говорящий гусь 271

Нина ДАНИЛОВА
Венские встречи 280

Роман ТОПИЛОВ
Я получил прозвище! 287

Ирина ДЕНИСОВА
Идио-мы 293

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 298

ИЗДАНО В ОДЕССЕ

Роман БРОДАВКО
Лестница и Вечность 303
Под сенью дружных муз 304

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
А он — Мастер! 307
Одесский детектив 308
И Дон Жуан, и Сирано… 309
Из жизни женщины 311

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 33

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 33

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать XX.XX.2008.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"